Эр1 / 98а

«ШИРВИНТЪ»

1/14-го АВГУСТА 1914 г.

ЛЕЙБЪ ДРАГУНЫ ДОМА И НА ВОЙНѢ

ВЫПУСКЪ III.

1-го АВГУСТА 1930 г.

ПАРИЖЪ

1237

ЭР1/989

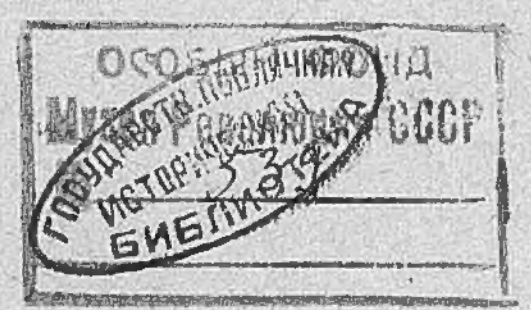
«ШИРВИНТЪ»

1/14-го АВГУСТА 1914 г.

ЛЕЙБЪ ДРАГУНЫ ДОМА И НА ВОЙНѢ

ВЫПУСКЪ III.

1-го АВГУСТА 1930 г.



ПАРИЖЪ

33535-92

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Ф. 1135

ВАХМИСТРЪ ЛЕЙБЪ - ГВАРДІИ ДРАГУНСКАГО ПОЛКА

ВАСИЛІЙ АѲАНАСЬЕВИЧЪ КОНСТАНТИНОВЪ

1 февраля 1898 г. л.-гв. Драгунскій полкъ чествовалъ своего почтеннаго вахмистра, Василія Аѳанасьевича Константинова, по случаю пятидесятилѣтняго юбилея его службы.

Такихъ заслуженныхъ героевъ не много во всей русской арміи.

Константиновъ — уроженецъ Курской губ., Тимскаго уѣзда, Погожецкой волости, села Погожена. Происходитъ онъ изъ крестьянъ. Родился въ 1828 г. На службу поступилъ въ 1848 г. въ Рижскій драгунскій полкъ. Въ 1852 г. онъ, по личному выбору Императора Николая Павловича, былъ переведенъ въ гвардію и назначенъ въ л.-гв. Драгунскій полкъ. Въ 1857 г. Константиновъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры; въ слѣдующемъ году пожалованъ въ младшіе вахмистры; старшимъ вахмистромъ съ 1863 г. Въ 1867 г. онъ выдержалъ офицерскій экзаменъ, но отъ производства въ офи-

церы добровольно отказался, вмѣсто чего и награжденъ серебрянымъ шеврономъ, офицерскимъ темлякомъ и жалованьемъ по 100 рубл. въ годъ.

Константиновъ участвовалъ въ четырехъ кампаніяхъ: Венгерской, Севастопольской, усмиреніи Польскаго мятежа и Турецкой. Въ нихъ онъ оказалъ выдающіеся подвиги и заслужилъ три знака отличія Военнаго ордена.

Свой первый Георгіевскій крестъ вахмистръ Константиновъ получилъ въ Польскую кампанію. 28 сентября 1863 г., когда третій эскадронъ л.-гв. Драгунскаго полка проходилъ цѣпью Шлавантскій лѣсъ (Сейнскаго уѣзда, Августовской губ.), Константиновъ, отдѣлившись далеко влѣво, наткнулся на засѣвшихъ мятежниковъ, бывшихъ въ числѣ около 40 человѣкъ. Когда поляки по немъ дали залпъ, то Константиновъ, съ крикомъ: «Пѣхота, сюда!» бросился на нихъ. Повстанцы обратились въ бѣгство. Одинъ изъ нихъ нѣсколько разъ выстрѣлилъ въ Константинова, но, къ счастью, даже не ранилъ его. Вахмистръ захватилъ его въ плѣнъ и вооруженнаго притащилъ къ эскадрону*).

Въ Турецкую кампанію Константиновъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и дѣлахъ: онъ былъ при взятіи Телиша, Враца, участвовалъ въ знаменитомъ Новачинскомъ бою, который составляетъ боевую гордость л.-гв. Драгунскаго полка, въ сраженіи при Ташкисенѣ, въ трехъ-дневномъ бою

---

*) Архивъ л.-г. Драгунскаго полка, дѣло № 35, стр. 300 и 314: описаніе подвига Константинова рукою командира полка, генерала Дубельта.

подъ Филиппополемъ, въ дѣлѣ при д. Семидже и многихъ другихъ.

Особенно Константиновъ отличился при взятіи г. Враца и въ дѣлѣ при д. Семидже. Участіе его въ этихъ бояхъ занесено на страницы исторіи полка.

При взятіи Враца, 28 сентября 1877 г., при вызовѣ отъ эскадрона наѣздниковъ, Константиновъ испросилъ разрѣшеніе пристроиться къ нимъ и, настигнувъ отступавшихъ по городу турокъ, свалилъ саблей ѣхавшаго сзади, захвативъ при этомъ лошадь убитаго. Продолжая преслѣдованіе, Константиновъ былъ осыпанъ на поворотѣ одной изъ улицъ пулями отъ залпа пѣхоты и затѣмъ, спѣшившись во время боя въ улицахъ, постоянно былъ впереди всѣхъ. Онъ зарубилъ саблею двухъ турокъ и въ рукопашной схваткѣ собственноручно закололъ штыкомъ еще трехъ*). Наградой герою былъ знакъ отличія Военнаго ордена 3-й степени.

Въ дѣлѣ при д. Семидже, 6 января 1878 г., Константиновъ выказалъ не только свою обычную беззавѣтную храбрость, но и выдающуюся распорядительность. Въ этотъ день, при движеніи авангарда 2-й гв. кав. дивизіи къ г. Адріанополю, у д. Семидже головной эскадронъ драгунъ былъ предательски встрѣченъ почти въ упоръ выстрѣлами вооруженныхъ жителей. Когда командиръ эскадрона, капитанъ Ахвердовъ, былъ раненъ, а командовавшій коноводами, прикомандированный къ л.-гв. Драгунскому полку, ротмистръ Кирасирскаго Его Величества полка Лосевъ, замѣнилъ его

---

*) Описаніе военнаго похода л.-г. Драгунскаго полка, стр. 13.

въ стрѣлковой цѣпи, то Константиновъ привелъ въ порядокъ разсыпавшихся было коноводовъ и, подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ, отвелъ ихъ за пригорокъ, потерявъ только двухъ лошадей. Этотъ подвигъ доставилъ славному герою знакъ отличія Военнаго ордена 2-й степени — золотой крестъ**).

Заслуженный вахмистръ весь украшенъ знаками отличія. На лѣвомъ рукавѣ онъ носитъ: нашивку изъ желтой тесьмы за 10-ти-лѣтнюю безпорочную службу, серебряный шевронъ за отказъ отъ производства въ офицеры, золотой и серебряный шевроны.

Грудь героя украшаютъ: три отличія Военнаго ордена, знакъ отличія ордена Св. Анны, три серебряныя медали — «за усердіе», за Венгерскую кампанію и въ память коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ 1896 г., четыре бронзовыя медали — въ память Крымской кампаніи, за усмиреніе польскаго мятежа, за участіе въ Турецкой кампаніи и въ память царствованія Императора Николая I-го, серебряная германская медаль ордена «Краснаго Орла» и румынскій желѣзный крестъ.

На шеѣ Константиновъ носитъ большія медали: серебряную на Александровской лентѣ и двѣ золотыя — на Александровской и на Андреевской лентахъ. Послѣдняя медаль составляетъ высшее отличіе для нижняго чина.

Кромѣ того, какъ прекрасный стрѣлокъ и наѣздникъ, Константиновъ имѣетъ знакъ за отлич-

---

**) Описаніе военнаго похода л.-г. Драгунскаго полка, стр. 26.

ную стрѣльбу и призъ за выѣздку молодыхъ лошадей — серебряные часы.

Шашка героя, которою онъ такъ много поработалъ во славу родного полка, украшена офицерскимъ темлякомъ.

Въ прошломъ году, Августѣйшій Шефъ полка, Великій Князь Владиміръ Александровичъ пожаловалъ Константинову изъ собственныхъ средствъ 15 рубл. ежемѣсячной пожизненной пенсіи.

Василій Аѳанасьевичъ прекрасно сохранился для своихъ 70 лѣтъ. Средняго роста, коренастый, съ орлинымъ, чрезвычайно пріятнымъ взглядомъ, подвижной и бодрый, онъ кажется на много моложе своихъ лѣтъ, и только однѣ почтенныя сѣдины выдаютъ его солидный возрастъ.

Вся наружность героя настолько типична, что послужила моделью для серебряной группы, поднесенной гвардейскими драгунами 10 апрѣля 1897 г. своему Августѣйшему Шефу по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія дня Его рожденія и шефства. Главная часть этой группы представляетъ Константинова верхомъ съ полковымъ Георгіевскимъ штандартомъ.

Почтенный старикъ чрезвычайно гордится высокою честью, — что фигура его стоитъ во дворцѣ Великаго Князя Владиміра Александровича.

Высокія нравственныя качества почтеннаго Василія Аѳанасьевича пріобрѣли ему общее уваженіе и любовь. Изъ всего сказаннаго ясно, что почтенный вахмистръ заслуживаетъ, какъ герой и человѣкъ, полнаго вниманія. Это и выразилось въ день празднованія его юбилея.

Командующій полкомъ, полковникъ Яфимо-

вичъ отдалъ, по случаю торжества, чрезвычайно теплый и сердечный приказъ. Въ немъ онъ вспомнилъ всю примѣрную службу достойнаго юбиляра и его заслуги передъ Престоломъ и Отечествомъ.

Конецъ приказа настолько задушевенъ и онъ настолько правильно выразилъ чувства всего полка, что его нельзя не привести дословно:

«Поздравляю отъ лица всѣхъ чиновъ полка достойнѣйшаго ветерана — носителя и участника боевой славы полка, Василія Аѳанасьевича Константинова, со днемъ исполнившагося пятидесятилѣтія его славной и примѣрной службы, желаю ему еще надолго сохранить силы и бодрость для службы нашему возлюбленному Государю и родному полку. Да послужитъ онъ назидательнымъ примѣромъ для всѣхъ нижнихъ чиновъ, которые, глядя на него и служа такъ-же доблестно и усердно, увидятъ, что «за Богомъ молитва, а за Царемъ служба никогда не пропадаютъ».

Приказъ этотъ велѣно было прочесть во всѣхъ эскадронахъ и командахъ, при собраніи нижнихъ чиновъ.

Во вниманіе боевыхъ заслугъ героя, былъ назначенъ церковный парадъ. Въ строй былъ выведенъ весь полкъ; былъ принесенъ полковой Георгіевскій штандартъ, и, при торжественной обстановкѣ, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Командующій полкомъ предоставилъ виновнику торжества самое почетное мѣсто.

Послѣ молебна, полковой священникъ, отецъ Іоаннъ Соколовъ, обратился къ юбиляру съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ, что грудь героя является открытой книгой, въ которой его

всевозможные знаки отличія свидѣтельствуютъ, вмѣсто словъ, о его славномъ боевомъ прошломъ. Батюшка говорилъ еще о примѣрной христіанской жизни юбиляра; о томъ, что герой, на закатѣ дней своихъ, посвящаетъ свои силы служенію Господу въ должности помощника ктитора полковой церкви. Въ заключеніе отецъ Іоаннъ благословилъ юбиляра прекраснымъ образомъ съ ликами Святыхъ мучениковъ Хрисанфа и Даріи, покровителей полка. Юбиляръ былъ видимо тронутъ вниманіемъ своего духовнаго отца и благоговѣйно приложился къ образу.

Командующій полкомъ поздравилъ юбиляра отъ имени Шефа полка, Великаго Князя Владиміра Александровича, пожелавъ ему силъ и здоровья, чтобы онъ еще на много лѣтъ могъ бы украшать собою родной полкъ. При этомъ полковникъ Яфимовичъ надѣлъ на старика золотые часы — юбилейный подарокъ офицеровъ.

Затѣмъ наступила самая торжественная минута: командующій парадомъ, полковникъ Здроевскій, скомандовалъ полку: «Слушай, на-краулъ!» — и герой-юбиляръ вмѣстѣ съ командующимъ полкомъ, рядомъ, при звукахъ полкового марша и кликахъ «ура», обошелъ фронтъ полка. Съ чувствомъ глубокаго уваженія, весь полкъ отдалъ честь носителю и участнику своей боевой славы.

Послѣ этого полкъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ мимо командующаго полкомъ, рядомъ съ которымъ стоялъ ветеранъ. Парадъ окончился. Полковникъ Яфимовичъ пожаловалъ полку чарку водки, чтобы «всѣ выпили за здоровье Василія Аѳанасьевича».

Всѣ офицеры отправились въ полковое собра-

ніе и торжественно, съ полковымъ маршемъ, встрѣтили своего любимца. Василій Аѳанасьевичъ вошелъ въ собраніе вмѣстѣ съ командующимъ полкомъ. Въ честь его былъ данъ завтракъ. По правую сторону юбиляра сѣлъ командующій полкомъ, полковникъ Яфимовичъ, по лѣвую — старшій полковникъ Здроевскій. За завтракомъ и вообще во время торжества юбиляръ поражалъ всѣхъ своимъ природнымъ тактомъ и умѣніемъ держать себя. Его простыя, но полныя глубокаго смысла слова произвели сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Виновника торжества глубоко тронулъ рѣдкій, пожалуй даже небывалый, почетъ — сидѣть въ офицерскомъ собраніи рядомъ съ самимъ командиромъ полка. Когда полковникъ Яфимовичъ, съ бокаломъ въ рукѣ, обратился къ нему съ рѣчью, въ которой отъ лица всего полка еще разъ поздравилъ его и пожелалъ ему всѣхъ благъ, старикъ-юбиляръ сказалъ въ отвѣтъ:

«Ваши Высокоблагородія!

«Сижу я теперь здѣсь въ ангельскомъ собраніи и думаю, какого почитанія я дождался. Дай вамъ, Господи, многая лѣта и душевнаго спасенія, и быть здоровыми навсегда, и на войнѣ быть храбрыми героями. Покорнѣйше благодарю васъ, господа офицеры, за доброту вашу, за хлѣбъ-за-соль. Я сегодня словно на небѣ былъ, да лѣтъ на пять помолодѣлъ. За здоровье, и во-первыхъ — нашего командира полка, и за всѣхъ господъ офицеровъ, и за нашихъ молодцовъ лейбъ-драгунъ, — чтобы были всегда героями. Ура!»

Во время завтрака, поручикъ Николай Николаевичъ Гульковскій прочиталъ свое стихотвореніе:

1.

Теперь сидитъ здѣсь между нами
Защитникъ четырехъ Царей,
Герой, украшенный крестами,
Участникъ славы нашихъ дней.

2.

Полвѣка прослужилъ ты съ честью,
Твоя заслуга велика;
Слова мои не будутъ лестью:
Ты — гордость нашего полка!

3.

Сейчасъ Драгуны обращались
Къ престолу Вышняго съ мольбой,
Чтобы дни твои не прекращались,
Служитель мирный и герой.

4.

Да! Всѣ мы можемъ поучиться
У ветерана-старика,
Предъ сѣдинами преклониться:
Его заслуга велика!

Полковой адъютантъ, штабсъ-ротмистръ Желтухинъ 1-й, прочиталъ телеграммы отъ вспомнившихъ старика бывшихъ командировъ л.-гв. Драгунскаго полка, генераловъ Иванова, Зыкова и Ризенкампфа, и бывшихъ эскадронныхъ командировъ юбиляра, генераловъ Ширма, Гульковскаго и полковника Здановича. Телеграммы эти очень сердечны. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«Поздравляю Василія Аѳанасьевича съ доблестнымъ 50-ти-лѣтнимъ служеніемъ. Дай Богъ здоровья и еще на многія лѣта».

«Генералъ Зыковъ».

(Командующій 1-й кав. дивизіей).

«Въ знаменательный день полувѣкового служенія Престолу и Отечеству честнаго солдата, доблестнаго воина, образцоваго начальника, дорогого моего бывшаго вахмистра-помощника, крѣпко тебя обнимаю, Василій Аѳанасьевичъ, пью за прошлое, молю Бога, да продлитъ твою старость въ полномъ благополучіи, счастіи и здоровьи тебѣ въ награду, намъ — драгунамъ — подольше видѣть въ тебѣ примѣръ истиннаго Царскаго слуги».

«Генералъ Гульковскій».

(Командиръ 2-й бригады 4-й кав. дивизіи, отецъ поручика, прочитавшаго такіе задушевные стихи).

«Поздравляю полкъ съ достойнымъ честнымъ юбиляромъ. Родному полку желаю, чтобы въ рядахъ его не переводились такіе почтенные служаки».

«Генералъ Ширма».

(Командиръ Л.-Гв. Атаманскаго полка).

«Сегодня, въ знаменательный для тебя день пятидесятилѣтняго служенія въ рядахъ славнаго л.-гв. Драгунскаго полка, прими отъ стараго сослуживца товарищескій поцѣлуй, привѣтъ, поздравленіе и пожеланіе еще долгіе годы здоровой, бодрой старости, дабы служить живымъ назиданіемъ и примѣромъ грядущимъ поколѣніямъ молодыхъ драгунъ честной, славной и вѣрной служ-

бы знамени родного полка. Пью за твое здоровье. Не забывай стараго товарища».

«Полковникъ Здановичъ».

(Начальникъ Деркульскаго Государственнаго Конскаго завода).

Послѣ завтрака всѣ офицеры, во главѣ съ своимъ командиромъ, отправились на квартиру юбиляра, чтобы поздравить его и его семейство. Здѣсь уже юбиляръ явился въ роли радушнаго хозяина. Въ 7 час. вечера, въ образной 3-го эскадрона, въ которомъ Василій Аѳанасьевичъ служилъ вахмистромъ, былъ въ высшей степени интересный обѣдъ: на немъ присутствовали самые почетные изъ нижнихъ чиновъ полка — вахмистры и всѣ сверхсрочные. Командиръ эскадрона, ротмистръ Глембоцкій, поднялъ чарку въ честь старика-героя, сказавъ при этомъ очень теплое слово. Отъ имени эскадрона, ротмистръ просилъ Василія Аѳанасьевича принять образъ. Отвѣтилъ ему юбиляръ по военному — кратко и ясно, поблагодарилъ отъ всей души и, обращаясь къ товарищамъ, пожелалъ имъ храбрости и силъ, чтобы они честно и нелицемѣрно послужили-бы родному полку. «Служите», сказалъ онъ, «по совѣсти, — и начальство васъ не забудетъ. Старайтесь такъ служить, чтобы понять своихъ начальниковъ: тогда вы ихъ полюбите, и они, въ свою очередь, будутъ васъ любить». Невольно чувствовалось, что завѣты старика проникали въ души присутствовавшихъ. Былъ уже одинадцатый часъ, когда въ Кречевицахъ раздалось «Ура»! — это старые драгуны несли домой на рукахъ своего самаго почетнаго товарища.

На другой день утромъ юбиляръ, свѣжій и

бодрый, былъ въ церкви и исполнялъ свои обязанности помощника ктитора.

Много разныхъ почестей выпало на долю старика-юбиляра. Но самая высокая изъ нихъ — это посланная во время завтрака телеграмма о его юбилеѣ самому Августѣйшему Шефу полка, на которую Его Императорское Высочество удостоилъ прислать слѣдующій высоко-милостивый отвѣтъ:

«Сердечно благодарю Моихъ драгунъ, и надѣюсь еще долго видѣть въ ихъ рядахъ представителя славнаго боевого прошлаго всегда дорогого Мнѣ полка».

«Владиміръ».

Въ своей телеграммѣ Великій Князь изволилъ выразить пожеланіе, которое вполнѣ точно выражаетъ чувства своего полка: пожеланіе заслуженному герою еще долгіе годы украшать собою ряды родного полка.

Глядя на почтеннаго Василія Аѳанасьевича, невольно думается, что онъ и теперь настолько еще силенъ и бодръ, что, случись кампанія, онъ покажетъ молодымъ драгунамъ на дѣлѣ, какъ надо работать шашкою и штыкомъ, и заслужитъ еще золотой Георгій съ бантомъ — единственный знакъ отличія, котораго у него нѣтъ.

К. Желтухинъ 3-й.

ДРАГУНЪ - ОХОТНИКЪ

(Эскизъ)

Знаете-ли вы, что такое пролетъ гусей весной на поляхъ Николаевской колоніи за Волховомъ? Бывали-ли вы у Николая тамъ-же? Пивали-ли по десять стакановъ чая съ молокомъ, которому нѣтъ равнаго въ мірѣ, проплутавъ предварительно по болотамъ и лѣсамъ 15-20 верстъ, слушая спокойный, ровный голосъ Николая о какомъ-нибудь случаѣ, происшедшемъ съ нимъ за эти дни, на охотѣ. Незабываемые дни короткаго пролета этой крѣпкой по перу дичи! Перевезетъ тебя съ друзьями все тотъ-же Абрамъ на своемъ баркасѣ, вѣчно грязномъ, мокромъ и неповоротливомъ. Кряхтитъ старикъ, какъ-то бочкомъ гребетъ и говоритъ, говоритъ безъ конца. Выходишь на тотъ берегъ, какъ ни мѣтишь — липкой грязи не миновать. Сапоги пріобрѣтаютъ свой боевой, охотничій видъ; стараніе деньщика ихъ видомъ угодить барину — пропало даромъ. Дадимъ старику на водку гроши, сниметъ замусоленную фуражку — благодаритъ, а на штабной сторонѣ уже какой нибудь го-

ОСОБЫЙ ФОНД
Музея Революции СССР
№ 539

лосъ неистово зоветъ: «Абра-а-амъ!» Топкими полями, еще не успѣвшими впитать всю весеннюю влагу, нагруженный добрымъ запасомъ патроновъ и хорошей закуской для честной компаніи, предвкушая ранняго утра наслажденіе хотя бы увидѣть и стрѣлять по милому противнику, гуськомъ, знакомой тропой идемъ въ колонію, гдѣ извѣщенный Николай уже ждетъ своихъ гостей. «Въ этомъ году, господа мои, «ихъ» не счесть, летятъ все какъ и въ прошломъ, всѣ озимые засыпаны, шалашки готовы». Вотъ что услышишь, входя въ его натопленную избу. Съ плечъ все долой, отдыхъ ногамъ. Надо въ 3 ночи выходить, иначе не успѣешь разойтись по шалашамъ — громкое названіе большой навозной кучи съ вырытымъ въ ней углубленіемъ, гдѣ охотникъ хочетъ, не хочетъ, а долженъ умѣститься, иначе и стрѣлять не будетъ, коль врагъ примѣтитъ. Сѣли за столъ. Какъ всегда разговоры и разсказы съ большой погрѣшностью правдивости. Самъ знаешь по себѣ, что на охотѣ все возможно. Увидѣть медвѣдя, лося, рысь, охотясь на невиннаго вальдшнепа было явленіемъ не рѣдкимъ. Грѣшно вспомнить, но сдѣланная яичница «съ разными приложеніями», щи изъ герметической кострюли этого требовали. Николай раздѣвался, принявъ конечно отъ насъ все угощеніе и предлагалъ немедленно намъ ложиться и мы покорно слѣдовали его примѣру на приготовленную солому, подложивъ подъ себя и поверхъ все возможное.

Блаженный сонъ коротокъ, надо вставать, третій часъ. Николай уже готовъ, сапоги наши обтерты, хотя немного сыроваты и на ноги лѣзутъ не охотно. На дворѣ прохладно и хоть глазъ вы-

коли. Потянули гуськомъ, что твои гуси. Знакомые задворки, заборы безъ конца; обходишь по собственному чутью лужи и наконецъ очутишься на свободѣ идя большимъ выгономъ. Ноги вязнутъ — топко. Хотя скотъ еще не мѣсилъ всей жижи, скоро и совсѣмъ тамъ не пройти; чибисъ, неистово крича, дико пролетѣлъ; больше никакихъ звуковъ. Изрѣдка вспыхиваетъ, то тутъ, то тамъ зажженная папироса, послѣ чего становится еще темнѣе. Наконецъ, доходимъ на мѣсто, гдѣ приготовлены шалашики. Я вытянулъ первый номеръ и, съ трудомъ устраиваясь въ своемъ логовищѣ, долго еще слышалъ шаги остальныхъ охотниковъ и ихъ тихій шопотъ. Шалашъ отъ шалаша не близокъ. Глазъ скоро начинаетъ различать всѣ контуры дальняго знакомаго лѣса. Гдѣ-то пролетѣлъ съ короткимъ свистомъ молніеносный чирокъ. Каждый звукъ начинаетъ тревожить. Размѣстивъ гостей своихъ, Николай идетъ въ обходъ на мѣсто ночлега гусей. Хотя разстояніе до нихъ съ версту, но чуткое ухо ясно различаетъ ихъ гоготъ. Въ этомъ году ихъ дѣйствительно множество. Сейчасъ человѣкъ, врагъ ихъ съ поконъ вѣка, подыметъ ихъ простыми хлопками въ ладоши и они начнутъ сниматься, чтобы попасть подъ выстрѣлы, ожидающихъ ихъ съ легкимъ біеніемъ сердца охотниковъ. Минута, и первая пара пролетѣла высоко надъ головой, вотъ еще, еще и, наконецъ, пошли небольшими стадами. Выбираю, крѣпко держа иногда въ самомъ неудобномъ положеніи свое ружье и даю выстрѣлъ въ угонъ. Одинъ гусь падаетъ гдѣ то близко отъ меня. Свѣтаетъ быстро весной, и вы наслаждаетесь въ полной мѣрѣ глядя на большія и малыя стада разбуженныя

не теплымъ солнцемъ, а губительнымъ выстрѣломъ. Жаворонки какъ-то особенно заливаются: знаютъ, что ихъ не тронутъ и дадутъ имъ кончить пѣсню, чтобы потомъ стрѣлой броситься на земь къ молодой супругѣ. Горизонтъ временами темнѣетъ отъ подымающихся стадъ, вы слѣдите за каждымъ, надѣясь, что именно оно надъ вашей головой пролетитъ и часто не ошибаетесь. Выстрѣлы то тутъ, то тамъ; больше все дуплеты — патроновъ не жалѣютъ. Иногда отбившійся, неистово гогоча, пролетитъ много разъ по всему полю на заманчивыя заливныя мѣста ночлега, ища свое стадо и бѣда ему, если онъ не сумѣетъ соединиться съ товарищами; — непремѣнно попадетъ подъ выстрѣлъ. Одно стадо идетъ на меня и низко-низко. Вотъ сейчасъ сядутъ въ двадцати шагахъ съ шумомъ и гоготомъ коснувшись ногами земли. Выбираешь ближайшаго, берешь на мушку и... какой, Боже мой, переполохъ тогда въ стадѣ. Одного они не досчитаются навѣрно. При большой удачѣ въ счастьи, въ это утро трехъ, четырехъ можно взять, но нести ихъ до колоніи одно мученіе — тяжело. Изъ лѣса ясно доносятся тетеревиные тока и тянетъ на нихъ неудержимо, но уже поздно — солнце высоко. Видишь надвигающійся силуэтъ Николая и какъ изъ гроба воскресающихъ охотниковъ поднимающихся со дна своихъ крайне неудобныхъ помѣщеній. Охота кончена. Нужно размять свои члены, закурить, что строго запрещено во время лета и ждешь постепенно собирающихся на номеръ пріятелей, чтобы спѣшить въ колонію къ ожидающей насъ съ кипящимъ самоваромъ женѣ Николая, а потомъ и отдохнуть до вечерней тяги на вальдшнеповъ. Общіе трофеи не-

большія, хотя пальбы было много. Крѣпокъ гусь своимъ перомъ, но зато разсказовъ сколько! Съ трудомъ добравшись до мѣста, съ рѣдкимъ наслажденіемъ снимаешь тяжелые, мокрые сапоги, пропахнувшій полушубокъ, умываешься и смакуешь предстоящую закуску съ горячимъ чаемъ, съ чуднымъ густымъ молокомъ. Половина дня проходитъ быстро, особенно у играющихъ въ винтъ, а къ четыремъ дня уже въ походъ — на тягу. Николай съ нами не идетъ — кашель заѣлъ, да и не любитъ онъ этой охоты.

На тягѣ не повезло. Понуро опустивъ голову, плетемся въ колонію и, не засиживаясь, спѣшимъ къ Волхову, гдѣ уже ждетъ давно со своимъ баркасомъ Абрамъ. На каланчѣ въ штабѣ бьетъ десять. Вся въ огнѣ за Холопьимъ Городкомъ видна «Красотка». Абрамъ спѣшитъ и ругаетъ насъ всячески за опозданіе: безъ него пароходъ не причалитъ къ пристани! Но все обходится благополучно къ общему удовольствію. Нагруженные трофеями, выходимъ на берегъ, гдѣ по разъ заведенному обычаю можно увидѣть группу офицеровъ и дамъ, выходящихъ ежедневно на встрѣчу вечернему пароходу, и я спѣшу домой принять приличный видъ, выслушавъ отъ жены нѣсколько упрековъ за опозданіе, но принесенные гуси умиротворяютъ. Не дай Богъ придти съ пустыми руками: столько насмѣшливыхъ улыбокъ, что душѣ охотника горько. А на утро — опять манежъ, со «смѣна стой! Смирно!» Да. Кануло все въ вѣчность: гуси, Николай, Волховъ, Абрамъ и «съ права по одному на двѣ лошади дистанціи».

В. К.

Парижъ, 15 августа 1929 г.

«ЭТО БЫЛО ДАВНО, НО Я ПОМНЮ КОГДА ЭТО БЫЛО»...

«Это было давно,
Но я помню когда это было».

«Эскадронъ стой!» «Слѣзай!» въ обстановкѣ мирнаго времени далекаго прошлаго, съ милыми лицами начальниковъ и товарищей, съ запыленными иногда до неузнаваемости фигурами сосѣдей по фронту, съ лихо на ухо надвинутыми безкозырками — не услыхать, не воскресить! Дивное прошлое — полковая семья и вся жизнь въ полку, со всѣми радостями и горестями иногда, оставило во мнѣ неизлѣчимыя никѣмъ и ничѣмъ раны счастья, дающія здѣсь возможность переживать прошедшее, влача свои сѣрые дни настоящаго. Ушедшимъ въ лучшій міръ однополчанамъ и доживающимъ свой вѣкъ, съ красными петлицами на сюртукѣ, шлю свой низкій сыновій поклонъ и признательность за дарованное мнѣ неизъяснимое счастье жить воспоминаніями и нѣжно грустить сыновьей грустью по родному полку, такъ трагично кончившему свое существованіе, не сумѣвъ понять свое счастье.

Прошло слишкомъ тридцать лѣтъ, а я-бы съ закрытыми глазами, при возможности перенестись, безъ ошибки указалъ-бы гдѣ именно я нахожусь на родинѣ. По одному лишь смѣшанному аромату распустившихся липъ на плацу съ тиной береговъ Волхова, съ просмоленной лодкой вѣчнаго Абрама, конскаго запаха изъ полковыхъ кухонь и легкаго чада изъ оконъ кухни офицерскаго собранія, я узналъ-бы родной штабъ. А красавецъ Василій не вноситъ вамъ на балконъ или террасу въ Кавелахтахъ смѣшанный запахъ своихъ конфетъ и ягодъ? А чухна-булочникъ съ Голодухи со своими горячими, сдобными караваями; а красносельскій мороженникъ со своимъ знаменитымъ «пфути-фрути есть!» А.. но, не перечесть все. Я какъ губка, впитавшая въ себя всѣ моменты, ощущенія, запахи въ жизни. Нажми ее съ одной стороны — зима въ Кречевицахъ со всѣми деталями, осень тамъ-же съ охотами и отдыхомъ послѣ лагерей, лѣто въ Красномъ, а въ частности Саксы, съ большими и малыми маневрами, парадами, объѣздомъ съ гостями въ артели гдѣ нибудь въ Старицахъ, танцы, гитара, пѣніе, смѣхъ и счастье. Съ другой — какъ передъ глазами вся жизнь въ полку и служба и дружба. Манежъ съ поднимающимся паромъ отъ стѣнъ, суббота — всенощная въ рѣдко уютной церкви, дамы на клиросѣ налѣво. Костюмы строгіе — прежніе. На своемъ мѣстѣ, какъ абонированный стоитъ ротмистръ К., а свѣчи продаетъ гордость полка вахмистръ Константиновъ. У дивизіона тѣ-же бабы съ булками и сѣмечками.... пройдешь — запахъ щей, а въ окнѣ три головы хорошо остриженныя острятъ съ продавщицами; тѣ въ карманъ за словомъ не полѣ-

зутъ. У холостого дома вѣчно въ полъ свиста ямщикъ «отъ булочника». Кто-то ѣдетъ въ Новгородъ, «по дѣламъ». Зажглись огни во всѣхъ флигеляхъ — шторы не спущены — скрывать нечего. Жизнь какъ на ладони. Парадныя не закрыты — иди къ кому хочешь — всегда свой, а форма одежды — тужурка милая, сѣрая, красивая — не стѣсняетъ. А заря! Вѣдь это концертъ, да еще помогаютъ, вторя со всѣхъ сторонъ: Догоняй, Нелли, Рапо. Какъ ихъ можно забыть съ задранными мордами кверху исполняющихъ ежедневно свой долгъ. Дежурный офицеръ спѣшитъ съ рапортомъ, заложеннымъ за серебряной перевязью на груди. Генералъ не задержитъ офицера, онъ ѣдетъ въ Питеръ и пара цугомъ стоитъ уже у подъѣзда. Медвѣжья полость. Сани глубокіе, невалкіе — ѣхать въ нихъ одно наслажденіе. Генералъ не любитъ Ватки, а всегда ѣздитъ на Подберезье — привыкъ; а тамъ, въ залѣ I класса одна лампа небольшая всегда коптитъ и на кругломъ столѣ кто то крошки оставилъ. Не забыть...

Разгаръ лѣта. Полкъ идетъ походомъ въ Красное Село. Много приготовленій, заботъ. Завѣдующій хозяйствомъ выбился изъ силъ. Молодежь довольна; хоть на два мѣсяца перемѣна въ жизни да и Питеръ ближе. Я находился въ 4-мъ эскадронѣ вольноопредѣляющимся до поступленія въ училище и имѣлъ счастье уже драгуномъ быть въ его составѣ. Раньше, въ дѣтскомъ возрастѣ на смирномъ конѣ Омнибусѣ съ бѣлой проточиной во лбу, N 2-го эскадрона, которымъ командовалъ мой дядя ротмистръ К., я «ходилъ походомъ» и лучшаго удовольствія и восторга заполучить согласіе перваго и разрѣшеніе командира полка — для меня не

было. Всѣ эти: Тосны, Любани, Царское, привалы и дневки съ неизбѣжными насѣкомыми хорошо мнѣ были знакомы. Съ малыхъ лѣтъ эскадронъ и вся его жизнь съ «травой» включительно, для меня была міромъ. Съ колыбели я впиталъ въ себя всю полковую жизнь со всѣми ея стадіями и впечатлѣніями и Кречевицы были для меня кумиромъ стоянки родного полка, которымъ командовалъ мой отецъ генералъ К.

«Эскадронъ стой!» «Слѣзай!» Раздался знакомый голосъ нашего командира эскадрона ротмистра Е. съ вѣчно несходящей съ устъ саркастической улыбкой, милѣйшаго, сердечнаго человѣка. Квартирьеры подбѣжали къ своимъ взводамъ, ротмистръ принялъ рапортъ о благополучномъ расквартированіи и черезъ полъ часа мы уже спѣшили въ уютную артель — чистенькій чухонскій домикъ, гдѣ много лѣтъ уже офицерство нашего эскадрона скромно проводитъ свое время за несложными по меню обѣдомъ и ужиномъ. Раздается труба и драгуны со своими наскоро почищенными котелками спѣшатъ къ землянкѣ тоже хорошо извѣстной, получать свои рѣдко-вкусные традиціонные щи съ кашей съ прибавленіемъ чарки, отпущенной командиромъ по случаю окончанія семидневнаго похода. Все знакомо въ этой чухонской деревнѣ, все, какъ и въ августѣ прошлаго года мы оставили, только вотъ бѣлѣется новый заборикъ у квартиры корнета Б. За заборикомъ посажены цвѣты, да надпись при въѣздѣ въ деревню новая, но съ тѣмъ же количествомъ душъ обоего пола.

«Хюва пейва!» слышится со всѣхъ сторонъ съ пожиманіемъ рукъ: — то здороваются хозяева со

своими старыми знакомыми постояльцами, добродушными драгунами, которые рады отдохнуть отъ казармъ и пожить жизнью хоть отчасти напоминающей родную деревню. Въ тѣсныхъ дворахъ, но заранѣе хорошо вычищенныхъ, гнѣдыя, слегка похудѣвшія лошади съ рѣдкимъ аппетитомъ доѣдаютъ свѣжее, совсѣмъ другого качества сѣно, а нѣкоторыя уже купаются въ только что положенной соломѣ и явно блаженствуютъ, точно предчувствуя, что въ самомъ непродолжительномъ времени имъ зададутъ небывалую трепку съ только-что введеннымъ въ этомъ году новымъ аллюромъ.

Въ лѣтнее время насъ вольноопредѣляющихся принимали въ офицерскую артель со взносомъ завѣдующему столовой суммы, согласно общей раскладкѣ и, хотя у насъ рѣдко бывали гости, все-же и въ тѣ отдаленныя времена, жалованья «родительскаго» куда не хватало. Принявъ приличный видъ послѣ хорошаго душа и облекшись въ бѣлоснѣжную рубашку приготовленную деньщикомъ-вѣстовымъ, спѣшишь къ милому своему начальству, для котораго я, въ видѣ большого исключенія, былъ всегда «Володькой». Столъ уже накрытъ, заставленъ лагерной посудой и дымится знакомая миска со щами нашего кумира-повара Шурки, совершающаго съ эскадрономъ традиціонный походъ. Битки въ сметанѣ — на второе. Но какъ они вкусны! Сомнѣваюсь, чтобы у Кюба вы-бы достали подобные. Вахмистръ П. съ усами, вздернутыми кверху, съ хлыстомъ въ рукѣ обходитъ дворы со своими взводными и дежурнымъ. Зоркій глазъ командира слѣдитъ за ними и спокойная ровная улыбка доказываетъ полное удовлетвореніе, что все будетъ сдѣлано какъ всегда — прекрасно.

Обѣдъ проходитъ скоро; всѣ спѣшатъ разобраться и устроить свою лѣтнюю резиденцію, не особенно довѣряя иногда вкусу своего деньщика. Два дня отдыха проходятъ незамѣтно. Наступаетъ горячая пора полковыхъ ученій; не вся Гвардія еще въ лагеряхъ, драгуны здѣсь изъ первыхъ за неимѣніемъ большого плаца на зимней стоянкѣ и воспользуются въ полной мѣрѣ, къ сожалѣнію зная на каждомъ шагу всякій бугорокъ и выемку, — военнымъ полемъ. Тамъ скоро запестритъ вся наша грозная конница; земля вновь загудитъ отъ тысячъ ногъ мѣрно и бѣгло шагающей пѣхоты, а воздухъ огласится раскатами учебной стрѣльбы нашихъ орудій.

Завѣдующій нашей столовой милѣйшій поручикъ В. покорившій полковыхъ дамъ вальсомъ à trois temps, большой любитель лошадей и хорошій ѣздокъ, уже съѣздилъ въ Петербургъ и кладовыя наши наполнились. Есть чѣмъ привѣтствовать гостей однополчанъ и друзей другихъ полковъ. Хотя въ нашу деревню добраться не легко, она «на отлетѣ», ближе къ военному полю, не «всякому по пути», но на удобства сообщенія въ то время не смотрѣли, конь и своя пара дѣлали свое. Деревня наша приняла свой традиціонный видъ стоянки эскадрона. Соломенные штандарты - хоругви съ надписями N взвода, съ коньками сдѣланными изъ разныхъ тряпочекъ уже поприбиты надъ воротами, коновязи вбиты и обмотаны соломой, всѣмъ знакомый грибъ для дежурнаго сооруженъ. Въ этомъ году онъ ближе къ командирскому дому. Жизнь кипитъ, но какая тишина и спокойствіе у всѣхъ на душѣ, зная, что все, какъ и всегда, пройдетъ блестяще, что полкъ будетъ на смотру изъ

первыхъ, нѣтъ никакихъ излишнихъ волненій. Нужно родится въ военной семьѣ, быть избалованнымъ красотой полковой жизни, чтобы такъ горячо ее понимать и любить. Еще въ дѣтскомъ возрастѣ, проводя почти каждое лѣто у дяди ротмистра К. въ деревнѣ «Нижній», (почему то не «Нижняя»), я съ благоговѣніемъ отвѣчалъ на шутки офицерства эскадрона, пріобрѣтя въ лицѣ корнета П., товарища «по гропъ жизни», что и сохранилось у меня подписью на полученной фотографіи. Милый Миша, отчего ты такъ быстро ушелъ изъ полка? Я горько плакалъ, когда узналъ объ его уходѣ на службу по земству.

Въ нашемъ эскадронѣ кромѣ поручика В. были въ спискахъ и находились всегда на лицо: корнетъ Б. со своимъ нѣжнымъ теноромъ и О. Оба были въ лучшихъ отношеніяхъ другъ съ другомъ и ласково относились ко мнѣ, чѣмъ мое временное пребываніе въ полку скрашивалось еще болѣе. Какъ они мнѣ оба дороги по воспоминаніямъ. Спокойный, ровный О. ушелъ въ другой міръ. Б. судьба занесла далеко.

Пребываніе въ Красномъ Селѣ всѣхъ войскъ Гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа непродолжительно и хорошо всѣмъ извѣстны всѣ виды смотровъ и парадовъ. Къ 6-му августу обыкновенно заканчивались лагерные сборы, наступалъ долгожданный день производства въ офицеры и Русская Армія вливала въ свои ряды новыхъ вѣрныхъ сыновъ, преисполненныхъ чувствомъ неизъяснимой благодарности и счастья, съ клятвенной вѣрностью Тому, кто своимъ незабываемымъ словомъ и поздравленіемъ съ первымъ чиномъ, благослов-

лялъ свою любящую молодежь на службу Ему и Родинѣ.

Снова подходитъ время къ обратному походу отъ котораго большинство офицеровъ стараются избавиться всѣми правдами и неправдами. На это смотрѣли сквозь пальцы. Офицеровъ легко отпускали въ осенній отпускъ. Опять тѣ-же дневки, избы, хозяева, пѣсни и пляски драгунъ, встрѣча съ милымъ дружкомъ, ожидающимъ съ біеніемъ сердца прохода обратно эскадрона и своего любимаго. Но кто ждетъ особенно скорѣйшаго конца похода — это охотники; ихъ немного. На слѣдующій же день по прибытіи, въ густо смазанныхъ сапогахъ обходишь озерко — оно противъ штаба, по колѣно въ болотѣ съ любимой своей собакой. Эти воспоминанія переживаютъ немногіе.

Да! Прощай навѣки молодость со всѣми очарованіями и разочарованіями. Искренно жалѣю тѣхъ, которымъ эти строчки покажутся чужды и непонятны, но я знаю, кто меня пойметъ — тѣмъ я шлю свой горячій привѣтъ и безконечную благодарность за данное мнѣ минувшее счастье.

Вѣчная память Вамъ, моимъ незабвеннымъ родителямъ, брату и сестрѣ и безсмертнымъ именамъ Драгунъ, гордости нашей погибшей Гвардіи, отдавшихъ ей свою честь и жизнь.

В. К.

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО КОМАНДИРА

100-лѣтній юбилей Л.-Гв. Драгунскаго полка.

Люди нашего возраста принадлежатъ къ эпохѣ, которая. увы, безвозвратно ушла въ вѣчность.

Говорю «увы», такъ какъ насколько намъ смертнымъ дозволено предвидѣть будущее, надвигающаяся новая эпоха, представляется мнѣ исключительно матеріальной, въ которой отвлеченнымъ порывамъ человѣческой души мѣста не будетъ вовсе. Въ «нашу» эпоху напротивъ того: люди жили и умирали во имя отвлеченной идеи и старались эту идею обставить какъ можно красивѣе и торжественнѣе, дабы она еще сильнѣе внѣдрялась въ человѣческія души.

Вотъ я и хочу постараться передать нашимъ «замѣстителямъ», молодому поколѣнію, одну такую красивую и торжественную картину, въ которой самъ принималъ участіе, сожалѣя только объ одномъ, что мое неумѣлое описаніе не дастъ имъ достаточно яркаго представленія о томъ, насколько глубоко были потрясены сердца людей, которые переживали эти событія.

19-го марта 1914 года я имѣлъ честь командовать Л.-Гв. Драгунскимъ полкомъ, который праздновалъ свой Столѣтній юбилей въ Высочайшемъ присутствіи Государя Императора Николая П-го.

Вотъ это празднованіе я и постараюсь описать.

19-го марта 1814 года побѣдоносная Россійская Императорская Армія, возглавляемая своимъ Государемъ Императоромъ Александромъ I Благословеннымъ, вступила въ Парижъ.

Этимъ событіемъ окончилась кровавая борьба съ Императоромъ Наполеономъ I-мъ, величайшимъ полководцемъ міра, продолжавшаяся около 10 лѣтъ и охватившая собою всю Европу.

Человѣчество, усталое отъ безпрерывныхъ войнъ и оторванное отъ своихъ мирныхъ занятій, жаждало мира и спокойной плодотворной работы.

Армія мечтала о заслуженномъ отдыхѣ и потому приказъ о расквартированіи на мирныхъ квартирахъ въ окрестностяхъ Парижа былъ встрѣченъ восторженно. Русская кавалерія была расположена въ деревняхъ, окружающихъ Версаль.

Не успѣли еще полки вполнѣ устроиться на своихъ новыхъ стоянкахъ, какъ былъ полученъ Высочайшій приказъ наиболѣе отличившимся георгіевскимъ кавалерамъ прибыть въ парадной формѣ на площадь передъ Версальскимъ дворцомъ. Картина, которую представляла эта чудная площадь въ этотъ солнечный весенній день 1814 года была поразительна. Кирасиры, уланы, гусары въ своихъ красивыхъ мундирахъ, еще окуренные пороховымъ дымомъ сотенъ сраженій, съ георгіевскими крестами на груди, построились въ разноцвѣтныя каррэ.

Окруженный блестящей свитой въ середину каррэ въѣхалъ царскій посланецъ генералъ-адъ-

ютантъ князь Васильчиковъ и при гробовомъ молчаніи прочелъ грамоту, въ которой Государь Императоръ Александръ I-ый Благословенный Высочайше приказалъ соизволить создать въ назиданіе потомству изъ собравшихся здѣсь героевъ живой памятникъ одержанной Россійской Императорской Арміей побѣды надъ Наполеономъ, соединивъ ихъ въ отдѣльный полкъ и коему называться впредь Конно-Егерскимъ.

Шефомъ полка назначался генералъ-адъютантъ кн. Васильчиковъ. Конно-Егеря въ 1833 году, переименованные въ Лейбъ-Драгунъ, свято памятуя своихъ предковъ, вѣрно и честно служили въ продолженіи 100 лѣтъ своимъ Государямъ и Родинѣ. 19 марта 1914 года наступилъ столѣтній юбилей доблестныхъ Лейбъ-Драгунъ, къ которому полкъ началъ готовиться уже давно. Была организована изъ гг. офицеровъ полка, подъ предсѣдательствомъ командира полка «Юбилейная комиссія». которая выработала программу торжествъ и, кромѣ того, на каждаго изъ ея членовъ была возложена какая-нибудь отдѣльная отрасль, напр.: писаніе исторіи полка, заказъ юбилейныхъ медалей, картинъ, распредѣленіе приглашеній и т. п.

Средства на празднованіе юбилея были добыты, задолго до юбилея начатыми вычетами изъ содержанія гг. офицеровъ.

Оффиціальная сторона юбилейныхъ торжествъ заключалась въ прибивкѣ новаго Штандарта въ Высочайшемъ присутствіи въ Александровскомъ Дворцѣ въ Царскомъ Селѣ и Парадъ въ Высочайшемъ присутствіи въ Манежѣ Л.-Гв. Гусарскаго Е.В. полка съ пожалованіемъ полку Государемъ Импе-

раторомъ Николаемъ II новаго Штандарта съ юбилейными лентами.

Неоффиціальная сторона происходила въ Старомъ Петергофѣ и выразилась въ принятіи депутацій отъ разныхъ полковъ и учрежденій, обѣдъ съ ними въ полковомъ собраніи. На другой день освященіе и открытіе въ присутствіи Августѣйшаго Шефа полка Великой Княгини Маріи Павловны бронзоваго памятника въ Бозѣ почившаго Супруга. Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Владиміра Александровича, назначеннаго Шефомъ полка со дня Своего рожденія, послѣ чего завтракъ всѣхъ чиновъ полка вмѣстѣ со старослужившими Лейбъ-Драгунами подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Шефа въ полковомъ манежѣ. Въ тотъ же вечеръ Лейбъ-Драгуны были осчастливлены обѣщаніемъ Государя Императора пріѣхать обѣдать въ полковое собраніе.

Въ третій и послѣдній день въ Народномъ Домѣ въ Петербургѣ долженъ былъ быть спектакль для всѣхъ бывшихъ и нынѣшнихъ лейбъ-драгунъ.

Задолго до юбилея начали готовиться лейбъ-драгуны достойнымъ образомъ отпраздновать свое вѣковое существованіе.

Ремонтировалась церковь и собраніе, собирался полковой музей, юбилейная комиссія засѣдала все чаще и чаще и на этихъ засѣданіяхъ съ жаромъ обсуждались мельчайшія подробности предстоящихъ торжествъ.

Наконецъ, начались репетиціи самаго парада.

Для высоко-почетной должности принятія новаго штандарта былъ разысканъ старый унтеръ-офицеръ Л.-Гв. Драгунскаго полка Климовичъ, награжденный георгіевскимъ крестомъ за Новачинъ,

служившій швейцаромъ въ одномъ казенномъ учрежденіи. Приказомъ по полку Климовичъ былъ зачисленъ вновь въ строй родного полка и назначенъ штандартнымъ унтеръ-офицеромъ. Шесть офицеровъ и драгунъ были одѣты въ историческія формы полка и они обучались шагистикѣ и ружейнымъ пріемамъ того времени, которому соотвѣтствовали ихъ мундиры. Памятуя, въ честь какого событія полкъ былъ сформированъ, рѣшено было въ видѣ юбилейнаго значка выбрать медаль «За взятіе Парижа» съ тѣмъ, однако, чтобы, кромѣ подписи «За взятіе Парижа», было бы прибавлено «Лейбъ-Гвардіи Конно-Егерскій полкъ 1814» — «Лейбъ-Гвардіи Драгунскій 1914». На обрѣзѣ каждой медали была выгравирована фамилія офицера. Не забывались мельчайшія подробности: напримѣръ, для полнѣйшаго однообразія въ офицерскомъ обмундированіи всѣ офицеры полка заказали себѣ мундиры и рейтузы изъ одного и того же куска сукна.

Наконецъ. наступилъ долгожданный день перехода полка изъ Стараго Петергофа въ Царское Село.

Весело играютъ трубачи, пѣсенники заливаются передъ эскадронами и у каждаго лейбъ-драгуна «душа поетъ» и на сердцѣ легко: вѣдь идемъ представиться послѣ ста лѣтъ вѣрной службы своему Государю Императору! Незамѣтно прошелъ 25-верстный переходъ и вскорѣ полкъ прибылъ въ Царское Село. гдѣ размѣстился: гг. офицеры въ отведенныхъ имъ помѣщеніяхъ Александровскаго Дворца, а драгуны въ казармахъ своихъ бригадныхъ товарищей, Гусаръ Его Величества.

Въ этотъ же день въ Гусарскомъ манежѣ ко-

мандиромъ Гвардейскаго Корпуса генераломъ-отъ-кавалеріи Безобразовымъ была произведена полку полная репетиція предстоящаго парада.

Этимъ кончилась «подготовительная» часть къ предстоящему юбилею, который начался съ церемоніи прибивки къ древку новаго штандарта въ присутствіи Государя Императора, Государыни Императрицы, Ихъ Августѣйшихъ Дѣтей, Шефа полка Великой Княгини Маріи Павловны и Великихъ Князей Николая Николаевича, Кирилла и Бориса Владиміровичей. Въ одной изъ залъ Александровскаго Дворца на большомъ длинномъ столѣ лежало древко, къ которому было прикрѣплено полотнище штандарта мѣдными гвоздями, вбитыми на половину.

Рядомъ, на серебряномъ подносѣ лежалъ небольшой серебряный молотокъ.

Въ залѣ собрались гг. офицеры полка, нѣсколько старослужившихъ драгунъ и прямое начальство. Вскорѣ раздалась команда ««Гг. Офицеры»! и все замерло. Въ залу вошелъ Государь Императоръ въ сопровожденіи Императрицы Александры Ѳеодоровны и Августѣйшихъ Дѣтей.

Какъ всегда, привѣтливо Государь обошелъ всѣхъ находящихся въ залѣ, затѣмъ подошелъ къ столу, на которомъ лежалъ Штандартъ, и перекрестившись, взялъ серебряный молотокъ и, не торопясь, какъ то «дѣловито» вбилъ первый гвоздь, послѣ чего передалъ молотокъ стоявшей рядомъ съ Нимъ Императрицѣ.

Церемонія прибивки штандарта окончилась, когда молотокъ перешелъ въ руки младшаго изъ присутствующихъ, послѣ чего я имѣлъ честь поднести Государю юбилейный значекъ. который Его Вели-

чество приказалъ одѣть всему полку на завтрашній парадъ. На другое утро полкъ представлялъ изъ себя потревоженный муравейникъ!

Всѣ изъ кожи лѣзли, чтобы представиться своему Государю въ самомъ лучшемъ, въ самомъ блестящемъ видѣ; вѣдь то не былъ «обыкновенный» парадъ — это была послѣдняя страница доблестной вѣковой исторіи полка!

Наконецъ, всѣ приготовленія окончены, и полкъ, выравненный въ струнку, стоитъ въ лейбъ-гусарскомъ манежѣ.

Красные лацканы, алою лентою окаймляющіе полкъ, и типичные Александровскіе кивера съ серебряными двуглавыми орлами и бѣлыми султанами напоминаютъ о той героической эпохѣ, когда родились лейбъ-драгуны.

Посреди манежа аналой, около котораго духовенство и пѣвчіе.

Полковыя дамы въ бѣлыхъ платьяхъ вносятъ свѣтлую нотку на общемъ темномъ фонѣ.

Двери манежа на время открываются и впускаютъ новыхъ и новыхъ гостей и начальство.

Я стоялъ посреди манежа и не спускалъ глазъ съ двери, въ которой вдругъ появилась грандіозная фигура Великаго Князя Николая Николаевича въ формѣ Лейбъ-Гусаръ, которая такъ къ Нему шла....

Громовымъ голосомъ поздоровавшись съ полкомъ и поздравивъ его съ событіемъ, Великій Князь. гремя саблей, быстрымъ шагомъ обошелъ фронтъ и остался доволенъ — это уже было хорошее предзнаменованіе, такъ какъ отъ зоркаго глаза этого великаго знатока военнаго дѣла не могло бы укрыться ни одно упущеніе. Какъ только Вели-

кій Князь окончилъ обходъ полка, дверь манежа открылась настежь и въ середину въѣхала полуколяска, запряженная въ одну лошадь, въ которой сидѣла въ формѣ Своихъ Лейбъ-Драгунъ Великая Княгиня Марія Павловна. Трубачи заиграли полковой маршъ, и лошадь, непривычная къ шуму и блеску, заартачилась и произошла заминка. Великій Князь Николай Николаевичъ бросился впередъ, схватилъ лошадь подъ уздцы, и она, почувствовавъ властную руку Великаго Князя, сразу успокоилась. и дальнѣйшій объѣздъ Великой Княгини всего фронта прошелъ благополучно, послѣ чего Она, какъ Шефъ полка стала на его правый флангъ.

Въ эту минуту Лейбъ-Гусарскій каптенармусъ, стоявшій у дверей манежа, громоподобнымъ голосомъ провозгласилъ: «Его Императорское Величество изволитъ ѣхаааать»... Все замерло.... тишина стала такой, что слышно было лишь дыханіе собравшихся людей.

Весь міръ вдругъ пересталъ для меня существовать, и я видѣлъ только вошедшаго въ манежъ Государя Императора. Императрица Александра Ѳеодоровна съ Румынской Королевской четою, гостившей въ это время въ Царскомъ Селѣ, прослѣдовала въ ложу, куда впослѣдствіи были приглашены полковыя дамы. Скомандовавъ «Полкъ смирно, слушай, на краулъ» и взявъ «подъ высь», я направился къ Государю съ рапортомъ. Трубачи заиграли нашъ торжественный гимнъ и всѣ лейбъ-драгунскія сердца въ эту чудную минуту, когда Государь поздравлялъ полкъ съ вѣковымъ честнымъ служеніемъ Его Предкамъ, Ему и Родинѣ, забились сильнѣе!!!!.....

Громовое ура раздалось послѣ Царскаго при-

вѣтствія и продолжалось все время, покуда Государь медленно обходилъ полкъ, всматриваясь Своими чудными лучистыми глазами въ лицо каждаго лейбъ-драгуна...

По окончаніи обхода Государь тихо сказалъ мнѣ «начинайте».

«Трубачи подъ штандартъ», и полковой адъютантъ со штандартнымъ унтеръ-офицеромъ, несшимъ старый Штандартъ, медленнымъ шагомъ началъ обходъ всего полка.

Въ послѣдній разъ старый Штандартъ появлялся въ строю полка и каждый лейбъ-драгунъ, провожая глазами полковую святыню, мысленно съ нею прощался.

Какъ только старый Штандартъ, обойдя весь полкъ, былъ вынесенъ изъ манежа, я скомандовалъ «трубачи на молитву».

Всѣ обнажили головы и начался молебенъ, при чемъ у аналоя стоялъ уже новый Штандартъ. Служилъ протопресвитеръ Войскъ Гвардіи Отецъ Шавельскій.

По окончаніи молебна началась особая служба освященія новаго штандарта, по окончаніи коей Отецъ Шавельскій, со словами «вручаю Тебѣ хоругвь сію святую» взялъ въ руки Штандартъ и передалъ его Государю.

Я опустился на колѣни и получилъ изъ рукъ Государя эту новую полковую святыню, которую въ свою очередь вручилъ колѣнопреклоненному штандартному унтеръ-офицеру Климовичу.

Немедленно мною была прочтена присяга новому штандарту, слова коей повторялись за мной всѣми чинами полка. Эта минута была очень торжественна: слова, строй Петровской присяги, какъ

бы прорѣзывали воздухъ и ихъ глухо повторяли сотни людей съ глазами, устремленными на новую полковую святыню. Никто изъ присутствующихъ въ эту минуту не могъ предполагать, что черезъ годъ этотъ самый штандартъ, весь обагрится кровью штандартнаго унтеръ-офицера, прострѣленнаго на вылетъ въ шею нѣмецкою пулею, но даже тяжело раненымъ не выпустившаго полковую святыню изъ рукъ!

Послѣ присяги, подъ торжественные звуки трубачей, новый штандартъ медленно былъ обнесенъ передъ фронтомъ и въ первый разъ занялъ свое мѣсто въ строю.

Государь всталъ подъ ложею. гдѣ сидѣла Императрица, и начался церемоніальный маршъ полка подъ звуки «Парижскаго марша».

Всѣ лѣзли изъ кожи, чтобы не ударить въ грязь лицомъ и два раза Государь благодарилъ Лейбъ-Драгунъ. Громовое «рады стараться, Ваше Императорское Величество» неслось въ отвѣтъ на Царскій привѣтъ и всѣ Лейбъ-Драгуны, отъ мала до велика чувствовали, что они дѣйствительно угодили своему Государю и что ихъ выправка, щеголеватость и воинскій видъ были блестящи.

Послѣ парада Государь вызвалъ меня передъ фронтомъ полка и дословно сказалъ мнѣ нижеслѣдующія слова: «Благодарю Васъ за чудный парадъ. Полкъ представился блестяще. Мнѣ особенно это пріятно, т. к. присутствовали иностранцы (намекая на Румынскую Королевскую Чету). Имъ такого парада не видать. Въ знакъ Моего особаго благоволенія зачисляю Васъ въ Свою Свиту»...

Прошло съ той минуты пятнадцать лѣтъ, прожито и пережито столько событій, что ими мож-

но было бы заполнить нѣсколько человѣческихъ жизней, а я все такъ-же живо переживаю эту чудную минуту, какъ будто это было сейчасъ...

Офицеры полка меня обступили. и я долго переходилъ изъ однихъ объятій въ другія.

Тутъ же у меня была замѣнена юбилейная медаль. На ободкѣ той, которая была на мнѣ одѣта, было выгравировано «Генералъ-Маіоръ такой-то», а на новой, приготовленной офицерами, значилось: «Свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ такой-то»... Не чувствуя себя отъ восторга, поздравляемый всѣми, я зашелъ въ отведенныя мнѣ во дворцѣ комнаты и тамъ нашелъ коробку, въ которой находились эполеты, погоны и аксельбанты съ сокровеннымъ вензелемъ Н. Это былъ подарокъ моего старшаго товарища по Конной Гвардіи, нынѣ покойнаго Князя Владиміра Николаевича Орлова.

Моментально нацѣпивъ на свой мундиръ новые эполеты и аксельбанты, я поспѣшилъ къ завтраку, на который были приглашены всѣ полковыя дамы, офицеры полка и прежде служившіе.

За столомъ Госдарь, какъ всегда, былъ очаровательно любезенъ, веселъ, шутилъ и разспрашивалъ про разныя полковыя дѣла.

По окончаніи завтрака, г. г. офицеры, по старшинству, стали полукругомъ, а Государь и Императрица поочередно обходили всѣхъ и милостиво со всѣми бесѣдовали.

Дойдя до полкового адъютанта штабсъ-ротмистра Генрици 2-го, Государь остановился и, улыбаясь. спросилъ у меня:

— Довольны ли вы своимъ адъютантомъ?

— Чрезвычайно доволенъ, Ваше Императорское Величество, — отвѣтилъ я.

— Ну, коли такъ, — продолжалъ Государь, обращаясь къ Генрици, — поздравляю Васъ въ ознаменованіе сегодняшняго дня Своимъ флигель-адъютантомъ.

Генрици, блѣдный отъ счастья, поцѣловалъ Государя въ плечо.

Окончивъ обходъ г. г. офицеровъ полка, Государь началъ милостивую бесѣду съ прежде служившими и подойдя къ старѣйшему командиру полка Генералу-отъ-Кавалеріи Иванову-Луцевичу, сказалъ: «по случаю юбилея Лейбъ-Драгунъ назначаю васъ къ себѣ генералъ-адъютантомъ», а потомъ, улыбаясь, прибавилъ: «такимъ образомъ у меня будетъ полное Лейбъ-Драгунское дежурство».

(Полнымъ дежурствомъ при Его Величествѣ называлось: 1) генералъ-адъютантъ, 2) Свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ и 3) флигель-адъютантъ. Назначалось полное дежурство въ исключительно парадныхъ случаяхъ).

Въ память того, что первымъ Шефомъ полка былъ Князь Васильчиковъ, Государю Императору благоугодно было зачислить въ списки полка его прямого потомка, генералъ-адъютанта Князя Сергѣя Илларіоновича Васильчикова.

Передъ тѣмъ, чтобы окончательно проститься со Своими гостями, Государь подозвалъ меня къ Себѣ и шутя спросилъ: «Какъ вы думаете, полкъ безъ васъ дойдетъ благополучно до Стараго Петергофа?». Немного подумавъ, я отвѣтилъ: «Конечно дойдетъ, Ваше Императорское Величество». «Ну и отлично, пусть полкъ поведетъ полковникъ Джунковскій, а вы поѣзжайте прямо въ Петербургъ, къ своему отцу и передайте ему Мой привѣтъ и порадуйте его своими вензелями».

Я былъ до того тронутъ, что просто не сумѣлъ выразить Государю всю глубину душившихъ меня чувствъ: мой отецъ въ это время былъ боленъ и, увы, всѣмъ было ясно, что дни сочтены...

Обласканные своимъ Государемъ ушли Лейбъ-Драгуны домой и стали готовиться къ дальнѣйшему празднованію своего юбилея.

На другой день предстоялъ обѣдъ въ полковомъ офицерскомъ собраніи со всѣми полковыми и общественными депутаціями. Воспользовавшись тѣмъ, что утро было свободное, я и Генрици, удостоившіеся вчера высокой чести состоять въ Свитѣ Государя. поѣхали въ Царское Село благодарить Его Величество за оказанную милость. Одно сознаніе того, что Государь приблизилъ къ Себѣ, приводило въ восторгъ, а когда, послѣ ласковаго пріема возвращались домой, положительно мы ногъ подъ собой не чувствовали.

Людямъ теперяшняго времени, привыкшимъ на все смотрѣть съ точки зрѣнія матеріальной, невозможно понять этихъ чувствъ.

Къ 7 часамъ вечера всѣ офицеры полка со мною во главѣ собрались въ Офицерскомъ Собраніи.

Августѣйшій Главнокомандующій Войсками Гвардіи и Петербургскимъ Военнымъ Округомъ Великій Князь Николай Николаевичъ прибылъ ровно въ 7 ч. 30 м. и какъ всегда любезно и просто приказалъ мнѣ не обращать на Себя вниманія и принимать всѣ прибывающія депутаціи.

Всѣ полки Гвардейской Кавалеріи, многіе полки Гвардейской пѣхоты и Гвардейская Артиллерія, нѣкоторые Армейскіе полки Кавалеріи и пѣхоты прислали Лейбъ-Драгунамъ своихъ представителей съ подарками и адресами.

Но самый красивый подарокъ поднесли родному полку бывшіе офицеры полка: на большой каменной скалѣ были группированы серебряныя фигуры, изображающія выдающіеся случаи изъ вѣковой жизни полка.

Кромѣ военныхъ депутацій были еще депутаціи отъ разныхъ общественныхъ организацій, такъ или иначе связанныхъ съ полкомъ, т. напр., отъ Дворянъ Петергофскаго уѣзда, Петергофской Городской Думы и т. п.

На каждое привѣтствіе мнѣ приходилось отвѣчать, принося отъ имени полка благодарность за поздравленія и подарки.

Наконецъ, оффиціальная сторона кончилась и дорогіе гости Лейбъ-Драгунъ усѣлись за круглые столы обѣдать.

Цѣлый рядъ тостовъ, выражавшихъ теплыя, сердечныя чувства были обмѣнены за обѣдомъ, за которымъ царили непринужденность и радушіе.

Великій Князь Николай Николаевичъ провозгласилъ тостъ за полкъ, какъ только онъ умѣлъ провозглашать и наэлектризировать военную среду!!!...

На слѣдующій день, 21 марта, въ 11 ч. утра Августѣйшій Шефъ полка Великая Княгиня Марія Павловна въ парадной формѣ Своихъ Лейбъ-Драгунъ, въ сопровожденіи Своихъ Августѣйшихъ Сыновей Великихъ Князей Кирилла и Бориса Владиміровичей, прибыла на полковой плацъ, на которомъ былъ выстроенъ весь полкъ, со старослужившими на лѣвомъ флангѣ.

На плацу, покрытый полотномъ, возвышался памятникъ въ Бозѣ почившему Августѣйшему Шефу полка Великому Князю Владиміру Александро-

вичу, назначенному Шефомъ съ рожденія и всю Свою жизнь относившемуся къ Лейбъ-Драгунамъ, какъ къ роднымъ.

Около памятника расположилось духовенство, пѣвчіе и офицеры и драгуны въ историческихъ формахъ.

Великая Княгиня и Великіе Князья стали у памятника и начался чинъ освященія, по окончаніи коего полотно, скрывающее фигуру, было сдернуто и Лейбъ-Драгуны прошли передъ изображеніемъ своего стараго шефа церемоніальнымъ маршемъ.

Въ это время, въ полковомъ манежѣ шла невѣроятная суета: кончали накрывать столъ для завтрака всѣхъ нижнихъ чиновъ полка, во главѣ со своимъ Шефомъ, всего около двухъ тысячъ человѣкъ, считая старыхъ Лейбъ-Драгунъ, съѣхавшихся на юбилей своего родного полка со всѣхъ концовъ Россіи!

Чудное зрѣлище представлялъ манежъ, когда всѣ разсѣлись по указаннымъ мѣстамъ: это была дѣйствительно одна дружная Лейбъ - Драгунская семья, празднующая свое вѣковое существованіе!!!

Послѣ ряда тостовъ, по окончаніи завтрака. Великая Княгиня обошла всѣхъ прежде-служившихъ въ полку старыхъ Лейбъ-Драгунъ и съ врожденнымъ ей умѣніемъ и сердечностью нашла сказать каждому нѣсколько словъ.

Подъ громкое ура всѣхъ собравшихся Великая Княгиня покинула манежъ, чтобы отдохнуть до обѣда, на который долженъ былъ прибыть Государь.

Легко можно себѣ представить, что дѣлалось въ полковомъ собраніи въ ожиданіи Государя Императора. Не были забыты самыя мельчайшія по-

дробности, напримѣръ: изъ Польши были выписаны двѣ бутылки «Старки», которая была старше 100 лѣтъ! Великій Князь Николай Николаевичъ изъ Своего собственнаго погреба прислалъ нѣсколько бутылокъ любимаго Государемъ портвейна. На закуску былъ заказанъ пирогъ съ грибами — блюдо, которое тоже очень нравилось Государю.

Наконецъ, все готово — Лейбъ-Драгуны съ факелами построены шпалерами по всей дорогѣ слѣдованія автомобиля Его Величества до собранія.

Въ передней, у самой двери стоитъ дежурный по полку, старшій штабсъ-ротмистръ Полозовъ, за нимъ Шефъ полка, всѣ офицеры, во главѣ со мною. Въ собраніи свѣтло. какъ днемъ и все блеститъ и сіяетъ.

Вдругъ вдали полышалось сначало слабое, потомъ все усиливающееся и разрастающееся «ура» и по дорогѣ къ собранію, пронизывая тьму, зажглись огромные огни Царскаго автомобиля.

Всѣ замолкли, двери собранія раскрылись настежъ и въ нихъ появился, какъ всегда привѣтливо улыбаясь Государь Императоръ.

Четко отрапортовавъ, Штабсъ-ротмистръ Полозовъ сдѣлалъ шагъ въ сторону, а Государь кинулъ Свою шинель на руки, заранѣе для сего назначенному штандартному унтеръ-офицеру Климовичу.

Поздоровавшись съ Великой Княгиней, Великими Князьями и всѣми присутствующими, Государь по моему приглашенію прослѣдовалъ въ комнату рядомъ, гдѣ былъ накрытъ длинный закусочный столъ.

«Разрѣшите, Ваше Императорское Величество, налить Вамъ рюмку водки». спросилъ я у Государя.

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, Государь спросилъ у меня: «Скажите... вы очень волнуетесь?» — «Очень», чистосердечно отвѣтилъ я. «Ну такъ налейте и себѣ рюмку водки, возьмите пирога съ грибами и все пройдетъ», шутя сказалъ Государь.

Ободренный этими словами и милымъ тономъ, которымъ они были сказаны, я не замедлилъ послѣдовать совѣту Государя и дѣйствительно чувство волненія начало исчезать. Государь былъ въ духѣ, смѣялся, шутилъ, все милостиво хвалилъ: и водка была хороша и пирога съ грибами взялъ два раза, однимъ словомъ видно было, что Онъ былъ доволенъ.

Доложили, что обѣдъ поданъ и всѣ сѣли за огромный столъ, во главѣ котораго мѣсто занялъ Государь, имѣя противъ Себя Великую Княгиню Марію Павловну. Я имѣлъ счастье сидѣть около Государя.

Непринужденно, мило, просто, прошелъ этотъ незабвенный обѣдъ, гдѣ Лейбъ-Драгуны были осчастливлены возможностью принять у себя своего Государя и услышать отъ Него еще разъ благодарность за свою вѣрную вѣковую службу.

За то какимъ громовымъ ура былъ покрытъ тостъ, предложенный мною, за Государя; раскаты его вынеслись за стѣны собранія и были подхвачены стоявшими на дворѣ Лейбъ-Драгунами и долго нельзя было остановить это мощное лейбъ-драгунское ура!!!

За обѣдомъ у Государя со мной произошелъ разговоръ, который никогда не изгладится изъ моей памяти. Какъ уже извѣстно, изъ предыдущаго, дни моего отца были сочтены и съ его смертью я не могъ уже продолжать военной службы, т. к. на

меня сваливалось бремя управленія нашимъ состояніемъ.

Государь это зналъ и вдругъ обратясь ко мнѣ, сказалъ: «какъ я Вамъ завидую». На мое недоумѣвающее лицо, Онъ продолжалъ: «да, да, завидую — вотъ Вамъ надо перемѣнить свою жизнь въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ. Вы можете ее измѣнить... а Я... вѣдь никто Меня не спрашиваетъ, желаю ли Я быть Государемъ, а тѣмъ не менѣе Я измѣнить Свою жизнь не могу... Я до гроба...»

Эти слова произвели на меня неизгладимое впечатлѣніе, и я до сихъ поръ, какъ сейчасъ вижу грустные глаза Государя, говорящаго мнѣ всю трагедію Своей многострадальной жизни. Послѣ обѣда пѣли пѣсенники, цыгане, разсказывалъ анекдоты артистъ Маньскій.

Государь хохоталъ отъ души, и разъ послалъ меня попросить Маньскаго разсказать очень забавный разсказъ «Охота».

Только въ 6 ч. утра Государь всталъ и со словами: «ну пора и честь знать», началъ прощаться съ Великой Княгиней и провожаемый всѣми присутствующими, вышелъ въ переднюю, одѣлъ Свою шинель. поданную опять тѣмъ же штандартнымъ унтеръ-офицеромъ Климовичемъ, спустился по лѣстницѣ, сѣлъ въ поданный автомобиль и подъ громовое ура Лейбъ-Драгунъ уѣхалъ въ Царское Село, оставивъ за Собою офицеровъ полка, не помнящихъ себя отъ счастья!

Отъѣздъ Его Величества послужилъ сигналомъ къ разъѣзду всѣхъ гостей, во главѣ съ Великой Княгиней Маріей Павловной.

На слѣдующій день, согласно обычаю, въ 11 ч. утра я былъ въ Царскомъ Селѣ, чтобы отъ лица

всего полка принести Его Величеству нашу благодарность за высокую честь, сдѣланную Имъ полку Своимъ посѣщеніемъ.

Государя я нашелъ свѣжимъ, бодрымъ и веселымъ. Онъ приказалъ мнѣ еще разъ передать г. г. офицерамъ, что Онъ очень весело провелъ время у насъ въ собраніи и шлетъ всему полку Свой привѣтъ.

Обласканный пріемомъ я поѣхалъ прямо въ Петербургъ, въ Народный Домъ, гдѣ засталъ весь полкъ на парадномъ спектаклѣ въ его честь.

Этимъ окончились торжества по случаю столѣтняго юбилея Л. Гв. Драгунскаго полка, послѣ чего началась вновь рабочая жизнь скоро перешедшая въ болѣе грозную: 20-го іюля 1914 года полкъ выступилъ на Великую Міровую Войну!

Я только что окончилъ описаніе нашего юбилея и чувствую, какъ неумѣло я это сдѣлалъ, т. к. не передалъ и сотой части тѣхъ чудныхъ душевныхъ переживаній всѣхъ насъ въ эти знаменательные дни. Все же увѣренъ въ томъ, что когда эти строки попадутся на глаза разбросаннымъ по всему бѣлому свѣту Л. Драгунамъ, которые, лишенные Родины, тяжелымъ трудомъ добываютъ своимъ семьямъ и себѣ кусокъ насущнаго хлѣба, онѣ заставятъ ихъ хоть на короткое время оторваться отъ будней жизни и перенестись въ то чудное время, когда мы жили такъ, какъ я это только что описалъ.

Графъ Ниродъ.

Сандрикуръ. Франція.

ЛЕЙБЪ - ДРАГУНАМЪ.

Съ громаднымъ интересомъ прочелъ я оба выпуска Драгунскаго сборника. Сколько истинной жизни чувствуется во всѣхъ его статьяхъ и какой бодростью, какимъ чуднымъ духомъ нашей славной, старой Гвардіи сразу повѣяло на меня. Я убѣдился, что духъ этотъ живъ по прежнему, несмотря на всѣ пережитыя невзгоды и мнѣ, старику, стало на душѣ такъ легко. Съ благодарностью отвѣчаю на приглашеніе вашего бывшаго командира и горжусь возможностью внести и свою посильную лепту.

Читая статьи, которыя касались того незабвеннаго и самаго счастливаго для меня времени, когда я имѣлъ высокую честь командовать вашей дивизіей, я нашелъ въ нихъ много новыхъ для меня частностей и мелочей, которыя, очевидно, во время оно до меня не доходили. Однако, одновременно съ симъ я получилъ новое подтвержденіе, что часто офицеры дивизіи не были достаточно оріентированы относительно общаго положенія на нашемъ театрѣ войны. Всегда твердо помня знаменитый Суворовскій завѣтъ, что «каждый солдатъ долженъ знать свой маневръ», я старался слѣдить за тѣмъ,

чтобы мои подчиненные, въ мѣрѣ возможнаго были оріентированы во всемъ происходящемъ; на дѣлѣ это часто оказывалось трудно исполнимымъ и общая картина всего цѣлаго отъ нихъ поневолѣ ускользала. Чтобы восполнить этотъ пробѣлъ, я сталъ еще въ 1917 г. писать, по имѣвшимся у меня замѣткамъ и когда память была еще совсѣмъ свѣжа, свои воспоминанія о походѣ дивизіи въ Восточной Пруссіи и предназначалъ ихъ для моихъ бывшихъ соратниковъ. Я хотѣлъ воскресить въ ихъ памяти правдивымъ изложеніемъ, повседневно, всѣ событія этого похода, такъ какъ они намъ представлялись на мѣстѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показать ихъ потомкамъ, что мы всѣ, въ мѣрѣ нашихъ силъ, честно и доблестно исполнили свой долгъ передъ Царемъ и Родиной. Первыя главы этихъ воспоминаній къ счастью удалось какъ-то вырвать изъ цѣпкихъ рукъ Урицкаго во время моего ареста въ Петроградской чрезвычайкѣ и онѣ сохранились у меня въ томъ видѣ, какъ были написаны въ 1917 г. Полагая, что описаніе дня 1-го августа — боя подъ Ширвинтомъ — будетъ наиболѣе интереснымъ для Лейбъ-Драгунъ, я, для начала. даю **дословную** выписку изъ моихъ воспоминаній за этотъ день и лишь въ концѣ добавляю нѣсколько словъ о противникѣ, извлеченныхъ впослѣдствіи изъ нѣмецкихъ источниковъ.

2-я ГВАРДЕЙСКАЯ КАВАЛЕРІЙСКАЯ ДИВИЗІЯ ВЪ ВОСТОЧНОЙ ПРУССІИ 23-ІЮЛЯ - 7 СЕНТЯБРЯ 1914 Г.

1-ое августа. Бой подъ Ширвинтомъ.

1-го августа съ утра гарнизономъ въ Ширвинтъ вступилъ Л. Гв. Драгунскій полкъ со взводомъ 5-й батареи Л. Гв. Конной артиллеріи и взводомъ пулеметной команды. Съ утра все было спокойно и ничто не предвѣщало боя. Лишь днемъ замѣтно усилилась развѣдка противника, а въ пятомъ часу дня сначала большіе столбы пыли стали указывать на движеніе по шоссе отъ Вилуненъ значительныхъ колоннъ, которыя скоро были частью обнаружены съ наблюдательнаго пункта Драгунъ на колокольнѣ Ширвинтской кирки; говорю, «частью», ибо непріятель, очевидно, хорошо зналъ значеніе этой колокольни и ея поля зрѣнія, отлично примѣнялся къ мѣстности и шелъ укрыто отъ возможности наблюденія съ нея. Затѣмъ скоро непріятель открылъ артиллерійскій огонь по Ширвинту. При первыхъ опредѣленныхъ признакахъ наступленія противника, дивизія была поднята по тревогѣ и части заняли свои участки, согласно приказу. заранѣе отданному на такой случай*):

---

*) Поискъ всей дивизіи 29-го іюля на линіи Вилуненъ-Зодаргенъ, рядъ донесеній разъѣздовъ и показанія плѣнныхъ указывали, что непосредственно передъ нами находится германская 1-я кавал. дивизія въ составѣ 6 полковъ. Тогда, до-

1) Л. Гв. Драгунскій полкъ со взводомъ пулеметовъ оборонялъ гор. Ширвинтъ и выставилъ по западной и южной его окраинамъ стрѣлковыя цѣпи; 5-я батарея присоединилась къ своему дежурному взводу на позиціи на сѣверо-западной окраинѣ Владиславова, у кладбища.

2) Л. Гв. Гусарскій Е. В. полкъ занялъ д. Мейшты и составилъ правый флангъ позиціи, имѣя задачей — обезпеченіе расположенія всей дивизіи справа и наблюденіе за путями по сѣверному берегу Шешупы въ обходъ этого нашего фланга.

3) 2-я батарея и Л. Гв. Уланскій Ея В. полкъ стали на избранной позиціи южнѣе Владиславова, среди песчаныхъ холмовъ, уступомъ впередъ, чтобы фланговымъ огнемъ поражать непріятеля, наступающаго на Ширвинтъ.

4) Л. Гв. Конногренадерскій полкъ составилъ общій резервъ дивизіи и сталъ у юго-восточной окраины Владиславова, укрыто за складкой мѣстности и зданіями пригорода.

5) Штабъ дивизіи съ моимъ конвоемъ, саперной и пулеметной командами — при резервѣ.

Непріятельская артиллерія открыла свой огонь около 5 часовъ дня, сосредоточивая его по гор. Ширвинту и мостамъ и лишь отчасти перебрасывая снаряды въ Владиславовъ. Постепенно усиливаясь, этотъ огонь около 6 часовъ достигъ значительной силы. Противникъ выставилъ повидимому двѣ полевыя и одну гаубичную батареи,

---

пуская возможность активныхъ съ ея стороны дѣйствій, послѣ артиллерійской развѣдки, отданъ былъ приказъ о порядкѣ занятія боевого расположенія въ случаѣ тревоги.

при чемъ одна полевая, выдвинутая уступомъ впередъ,стояла въ раіонѣ д. Варупененъ. т. е. противъ нашего праваго фланга; гаубичная батарея стояла на Вилуненскомъ шоссе, но внѣ досягаемости нашихъ полевыхъ орудій, а вторая полевая — нѣсколько южнѣе шоссе, при чемъ, однако, позицію ея точно опредѣлить намъ не удалось. Напряженіе непріятельскаго огня все росло и достигло своей наивысшей точки около 7 часовъ вечера. Германцы по обыкновенію своему стрѣляли очень высокими разрывами, а потому огонь этотъ сравнительно съ его напряженіемъ, приносилъ не много вреда. Городъ Ширвинтъ положительно засыпался шрапнелью, которая падала преимущественно на черепичныя крыши домовъ, производила очень много шуму и сильное моральное впечатлѣніе, но, повторяю, сравнительно съ напряженіемъ наносила не много поврежденій. Очень сильно обстрѣливалась каланча кирки, очевидный для противника нашъ пунктъ наблюденій. Въ Драгунскомъ полку былъ рядъ раненыхъ и рядъ контуженныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ и самъ командиръ полка. У Шт. ротмистра Сиверса шрапнельная пуля перебила наружную сторону полевой сумки и осталась внутри сумки — на память. Лишь одна гаубичная граната ударила въ Владиславовѣ въ маленькій еврейскій домъ, пробила стѣну, вошла въ комнату и, разорвавшись, переранила всю семью, въ ней жившую. Оригинальная подробность для начала войны: нѣсколько жителей евреевъ прибѣжали ко мнѣ ошалѣвшіе, разсказали это происшествіе и, выставляя меня отвѣтственнымъ за него, настоятельно стали требовать, чтобы были приняты мѣры, дабы подобное не повторялось.

Другихъ серьезныхъ поврежденій въ зданіяхъ не было обнаружено. Южная непріятельская батарея безуспѣшно искала нашу 2-ю батарею и временами бросала свою шрапнель по холмистой площади южнѣе Владиславова. Послѣдніе два часа непріятель держалъ также подъ сильнымъ огнемъ мосты и долину р. Ширвинты южнѣе города, покрытую кустарниками. Въ виду возможности подхода по ней противника съ юга, былъ выставленъ противъ нея взводъ пулеметовъ поручика де-Виттъ съ приказаніемъ наблюдать долину и не допустить подхода по ней противника; послѣ выдвиженія, какъ сказано будетъ ниже, Уланъ, которое видно было изъ Ширвинта, эта опасность, конечно, миновала.

Изъ нашихъ батарей особенно блестяще дѣйствовала 5-я батарея. Командиръ ея Полковникъ Бар. Веліо съумѣлъ избрать для себя отличный наблюдательный пунктъ на противоположномъ берегу р. Ширвинты, съ котораго ему удалось обнаружить мѣсто расположенія сѣверной германской батареи и своимъ огнемъ не только принудить ее къ молчанію, но, нанеся ей серьезныя пораженія, заставить даже спѣшно покинуть свою позицію и выйти изъ боя. Огонь этой батареи германцевъ прекратился неожиданно около 7 ч. вечера. На слѣдующій день на зарѣ нашъ разъѣздъ корнета Дворжицкаго, высланный къ сторонѣ Варупенена. легко нашелъ мѣсто стоянки этой батареи по яснымъ признакамъ понесенныхъ ею потерь: на позиціи валялись окровавленныя каски и предметы снаряженія, брошенные лотки съ невыпущенными патронами и даже командирскій дальномѣръ, труба котораго была пробита насквозь шрапнель-

ной пулей. Какъ поспѣшно должно было быть бѣгство, иначе этого назвать нельзя — этой батареи, чтобы даже не захватить съ собой командирскій дальномѣръ, еще почти годный къ употребленію! Этотъ дальномѣръ, какъ первый трофей, дивизіонъ Л. Гв. Конной Артиллеріи отправилъ въ Петроградъ для поднесенія Августѣйшему Генералъ-Инспектору Артиллеріи Великому Князю Сергѣю Михайловичу.

2-я батарея работала мало, ибо въ раіонѣ досягаемости ея огня цѣлей для нея было мало, что впрочемъ было вполнѣ естественно въ виду ея вышеуказаннаго спеціальнаго назначенія.

Кромѣ артиллерійскаго огня, непріятель ничѣмъ не обнаруживалъ своего намѣренія перейти къ активнымъ дѣйствіямъ, хотя, какъ впослѣдствіи было выяснено, Полковникомъ Княжевичемъ внѣ досягаемости нашихъ батарей и насколько возможно укрыто на самомъ Вилуненскомъ шоссе и по сторонамъ его сосредоточены были большія колонны конницы — надо полагать, вся 1-я германская кавалерійская дивизія, съ придачей отъ пѣхоты гаубичной батареи, нормально не входившей въ составъ кавалерійской дивизіи.

Еще около 6 час. вечера, чтобы ознакомиться на мѣстѣ съ положеніемъ дѣла, я командировалъ въ гор. Ширвинтъ Старшаго Адъютанта Штаба Дивизіи Капитана бар. Нолькена, а на правый флангъ въ дер. Мейшты Свиты Е. В. Генералъ-Маіора гр. Менгдена. Послѣдній по возвращеніи доложилъ мнѣ, что противъ нашего праваго фланга непріятеля не обнаружено никакихъ активныхъ дѣйствій съ его стороны ожидать нельзя. Къ сожалѣнію и мы съ своей стороны также на этомъ флан-

гѣ никакой активности не проявили, между тѣмъ, казалось бы, что переброска на западный берегъ Шешупы лавы или даже сильныхъ разъѣздовъ соотвѣтствовало бы обстановкѣ и могло бы оказать пользу въ смыслѣ привлеченія вниманія противника, а, въ связи съ блестящей работой 5-й батареи — быть можетъ и дать результаты. Докладъ капитана бар. Нолькена гласилъ, что командиръ Лейбъ-Драгунъ совершенно спокоенъ за свое положеніе и ни въ чемъ не нуждается.

На нашемъ лѣвомъ флангѣ, послѣ занятія исходнаго положенія согласно диспозиціи, Полковникъ Княжевичъ, во исполненіе моихъ указаній, началъ продвигать впередъ части своего полка рѣдкими лавами на большихъ аллюрахъ, что вниманіе противника на себя не привлекало и потому совершалось безъ потерь. Волнистая, песчаная мѣстность этому благопріятствовала и такимъ путемъ большая часть Уланъ была постепенно сосредоточена на восточномъ берегу р. Ширвинты въ рѣзко выступающей къ сторонѣ противника излучинѣ ея. Этимъ способомъ полкъ занялъ весьма выгодное фланговое положеніе по отношенію къ путямъ, ведущимъ въ г. Ширвинтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно продвинувшись впередъ къ противнику, получилъ хорошіе наблюдательные пункты, съ которыхъ могъ опредѣлить примѣрно мѣсто расположенія главныхъ массъ непріятельской конницы. Открывъ, такимъ образомъ, рядъ хорошихъ цѣлей для нашей артиллеріи, Полковникъ Княжевичъ послалъ сообщить объ этомъ во 2-ю батарею и хотѣлъ перевести ее къ себѣ, чтобы обстрѣлять эти обнаруженныя группы непріятельской конницы, до которыхъ дистанція отъ пози-

ціи батареи была слишкомъ велика. Однако, именно въ это время непріятель опредѣленно искалъ 2-ю батарею, а потому переѣздъ ея по сравнительно открытой мѣстности былъ бы слишкомъ рискованъ и потому, къ сожалѣнію, командиръ батареи Полковникъ Кирпичевъ не призналъ возможнымъ его исполнить; рѣшеніе это, о которомъ я узналъ лишь, когда было уже поздно, не могу одобрить, ибо полагаю, что цѣли достойны были риска.

Около 7 часовъ вечера, неожиданно, къ Владиславову подошелъ перемѣнными аллюрами дивизіонъ Кирасирскаго Его Величества полка съ 4-й батареей Л. Гв. Конной артиллеріи, подъ начальствомъ Полковника Колѣнкина, присланный по собственной иниціативѣ Начальникомъ 1-й Гвар. Кавалерійской Дивизіи Генераломъ Казнаковымъ, чтобы оказать намъ посильную помощь — достойное подражанія, прекрасное распоряженіе. Дивизіонъ и батарея были мною направлены въ Ширвинтъ въ распоряженіе Генерала графа Нирода, гдѣ они, однако, принять серьезнаго участія въ бою уже не поспѣли.

Почти непосредственно за Кирасирами подошла къ Владиславову съ востока по большой дорогѣ пѣхотная команда, появленіе которой было еще болѣе неожиданнымъ и которая оказалась охотничьей командой пѣхотнаго полка, номеръ и названіе котораго, къ великому сожалѣнію, я не помню. Начальникъ команды доложилъ, что прибылъ въ мое распоряженіе и что батальонъ того-же полка близко слѣдуетъ за нимъ. Дѣйствительно, примѣрно черезъ полъ-часа подошелъ и указанный батальонъ. Командиръ его доложилъ мнѣ,

что двигался въ Ширвинтъ и могъ бы придти значительно раньше, на нѣсколько часовъ, но по приказанію свыше былъ верстахъ въ 10-ти остановленъ на привалѣ, а затѣмъ, вѣроятно, когда получено было наше донесеніе о наступленіи противника или когда это стало ясно по силѣ артиллерійскаго огня, получилъ предписаніе спѣшно слѣдовать въ Ширвинтъ въ мое распоряженіе. Батальонъ получилъ отъ меня приказаніе не останавливаясь слѣдовать въ Ширвинтъ, гдѣ къ ночи смѣнить Драгунъ, составить гарнизонъ города и выставить свое сторожевое охраненіе; Драгунамъ-же приказано было придать батальону конныя части для образованія, какъ всегда, засадъ впереди линіи охраненія и заставъ на флангахъ у бродовъ, а также для службы дозоровъ.

Неожиданность появленія этого батальона подтвердила неналаженность службы связи въ арміи и особенно небрежное отношеніе штаба арміи къ дѣлу надлежащаго оріентированія насъ, стоявшихъ на границѣ, о всемъ, что происходитъ сзади насъ, на что мы можемъ расчитывать и на кого, въ случаѣ нужды опираться. Не будь этотъ батальонъ задержанъ по неизвѣстной причинѣ въ 10 верстахъ отъ насъ и подойди онъ своевременно, или даже будь я увѣдомленъ, что пѣхотная часть находится такъ близко и скоро подойдетъ, бой подъ Ширвинтомъ въ этотъ день можно было бы провести иначе и проявить больше активности. Каждый кавалерійскій офицеръ пойметъ меня, когда я говорю, что моей первой мыслью въ началѣ боя было — создать возможность атаковать въ конномъ строю, но затѣмъ условія обстановки принудили постепенно отъ этой мысли воздержаться, ибо мѣ-

стность на нѣмецкой сторонѣ съ этими проклятыми проволочными изгородями дѣлала развертываніе линіи значительнаго числа эскадроновъ невыполнимымъ, превосходство противника въ артилеріи при этихъ условіяхъ давало ему преимущество, а главное — имѣлся Ширвинтъ съ его мостомъ, обладаніе которымъ должно было быть за нами обезпечено. Чтобы мочь дойти до конной атаки, слѣдовало заманить противника на нашу сторону (выдвиженіе Уланъ имѣло эту тайную цѣль, скажу, вѣрнѣе — надежду) и затѣмъ имѣть возможность маневрировать всѣми силами дивизіи и очевидно развить со всей дивизіей то, что частично исполнили Уланы Ея В. — т. е. маневрировать лѣвымъ флангомъ впередъ. Но для подобнаго маневра надо было имѣть надежную и за нами обезпеченную ось. каковою являлся городъ Ширвинтъ, значить быть увѣреннымъ въ обладаніи городомъ иего мостами. Пока дивизія была предоставлена своимъ собственнымъ только силамъ и не было положительно никакого основанія расчитывать на какую либо поддержку — оборона города и его мостовъ становилась главнѣйшей задачей и надъ всѣмъ первенствовала. Когда же прибылъ батальонъ и эта задача стала обезпеченной — было уже слишкомъ поздно, наступили сумерки.

Около 8 часовъ вечера огонь противника совершенно прекратился. Столбы пыли и донесенія нашихъ наблюдателей указали, что колонны противника двинулись обратно къ Вилунену. Бой кончился и затѣмъ части дивизіи стали возвращаться на свои квартиро-биваки. Въ гор. Ширвинтѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, очевидно какъ результатъ обстрѣла, вспыхнули пожары, которые, однако,

благодаря энергично принятымъ мѣрамъ, скоро удалось потушить.

Какую задачу могъ имѣть противникъ во время этой операціи? Судя по способу веденія боя, надо думать, что задача заключалась только въ производствѣ рекогносцировки и опредѣленіи силы занятія нами Ширвинты; серьезныхъ активныхъ задачъ противникъ вѣроятно не имѣлъ, тѣмъ болѣе, что послѣ 29 іюля и, кромѣ того, благодаря несомнѣнному шпіонству, присутствіе нашей дивизіи не могло не быть ему извѣстнымъ.

Для дивизіи этотъ бой принесъ несомнѣнную пользу въ духовно-воспитательномъ отношеніи: полки были обстрѣлены огнемъ, какъ полевой, такъ и гаубичной артиллеріи и убѣдились, что онъ не такъ страшенъ по своимъ результатамъ. Люди вошли въ боевую обстановку и съ нею освоились.

Когда бой кончался, я поѣхалъ въ Ширвинтъ, чтобы обойти Драгунъ и благодарить ихъ. Пріятно было при обходѣ смотрѣть на спокойныя, довольныя лица людей и слышать ихъ громкіе, увѣренные въ себѣ голоса въ отвѣтъ на мои привѣтствія. Я почувствовалъ и понялъ, что могу быть увѣренъ въ нихъ и спокоенъ за ихъ воинскій духъ, что всякое мое приказаніе будетъ исполнено съ наибольшимъ рвеніемъ, каково бы оно ни было и что они-то никогда не сдадутъ. Воспитаніе духовной стороны было закончено — и больше объ ней думать не надо было.

Въ 1925 г. вышла изданная германскимъ Государственнымъ Архивомъ (читай между строкъ — Генеральнымъ Штабомъ. который, согласно Версальскому договору не долженъ существовать)

оффиціальная Исторія Великой войны, подъ названіемъ Der Weltkrieg 1914-1918. Томъ II этого изданія составляетъ описаніе военныхъ дѣйствій во время операцій обѣихъ нашихъ армій Ренненкампфа и Самсонова въ Восточной Пруссіи. О дѣйствіяхъ нашей конницы говорится довольно кратко и большихъ подробностей нѣтъ, но за то есть и совершенно ложныя. О боѣ перваго августа нѣтъ ни одного слова, но на стр. 72 сказано, что Командиръ I-го герм. корпуса, которому временно была подчинена 1-я германская кав. дивизія, предписалъ начальнику послѣдней, усиливъ его нѣсколькими батальонами пѣхоты и артиллеріей, произвести 2-15 августа наступленіе противъ Русской кавалеріи у гор. Ширвинтъ, но что начальникъ дивизіи генералъ Брехтъ такового не исполнилъ, такъ какъ «получилъ свѣдѣніе о сильномъ занятіи противникомъ города»! Надо полагать, что указаніе это не вполнѣ правильно, ибо самъ генералъ Брехтъ уже наканунѣ лично произвелъ таковое наступленіе и былъ безславно отбитъ, а слѣдовательно лично убѣдился въ силѣ занятія Ширвинта и второй разъ рисковать не захотѣлъ.

Г. Раухъ.

ПЕРЕБРОСКА ПОЛКА НА ДРУГОЙ ФРОНТЪ «ОПРЖЕНЖОВЪ»

Чѣмъ кончился походъ въ Восточную Пруссію, всѣмъ извѣстно, а во 2-й Гвардейской Кавалерійской дивизіи онъ отозвался на конскомъ составѣ. И не столько отъ боевъ и форсированныхъ переходовъ, какъ отъ частыхъ передвиженій съ мѣста на мѣсто, безъ разсѣдлыванія и вѣчнаго держанія лошадей въ поводу, въ ожиданіи рѣшительныхъ дѣйствій.

Когда перешли обратно р. Нѣманъ и расположились въ раіонѣ м-ка Езно, мнѣ приказано было всѣхъ больныхъ и истощенныхъ лошадей дивизіи, которыхъ оказалось болѣе тысячи, свезти въ Вильно на поправку. Въ Вильнѣ я пробылъ нѣсколько дней, пока не устроилъ конскаго лазарета на Антоколѣ, въ казачьихъ казармахъ и затѣмъ выѣхалъ обратно на фронтъ. Полкъ нашелъ въ Сувалкской губерніи около имѣнія Шукли надъ Владиславовомъ, гдѣ наша пѣхота, кажется, стрѣлковыя части, вели ожесточенные бои, и я въ первый разъ видѣлъ такую массу раненыхъ. Дивизія еще разъ перешла р. Шешупу у Ширвинта и отошла въ г. Россіены на отдыхъ.

Въ Россіенахъ жизнь была скучная: въ 70 верстахъ отъ желѣзной дороги, далеко отъ всякихъ штабовъ, никто не зналъ, что впереди предстоитъ и даже мы хорошо не знали, зачѣмъ высылались эскадроны по направленію къ Юрбургу. Отсюда я уѣхалъ въ числѣ другихъ офицеровъ первый разъ въ отпускъ въ Петергофъ, гдѣ была моя семья. Могу сказать, что въ Петербургѣ настроеніе было отличное, несмотря на неуспѣхъ на фронтѣ; всѣ вѣрили, что счастье повернется и ухаживали заботливо за ранеными.

Въ ноябрѣ 1914 г. дивизію изъ Россіенъ передвинули въ Ковно, гдѣ расположились широко, такъ какъ городъ былъ пустой: полкъ въ казармахъ Новороссійскаго Драгунскаго полка, на Зеленыхъ горахъ, а офицеры съ большимъ комфортомъ въ брошенныхъ частныхъ квартирахъ, эвакуировавшихся въ глубь края лицъ. Сюда я прибылъ изъ отпуска. Носились слухи, что мы въ Ковнѣ простоимъ долго, но не прошло и двухъ дней. какъ неожиданно передъ ужиномъ командиръ полка Свиты Его Величества графъ Нирод объявилъ, что сегодня же ночью дивизія грузится въ поѣздъ и слѣдуетъ въ Ивангородъ. Для меня самое пріятное ѣхать поѣздомъ съ эшелонами: не слышно выстрѣловъ, телефонъ не трещитъ (пищитъ), никакихъ приказаній, нормальная жизнь въ смыслѣ ѣды и сна, деньщики ставятъ самовары, играешь въ бриджъ, сыпятся остроты и совершенно безразлично какая станція и сколько будетъ поѣздъ стоять и только дежурный офицеръ по эшелону съ трубачемъ вылѣзаютъ на остановкахъ, и когда услышишь сигналъ «сборъ» и «садись», то знаешь. что трогаемся. Я прибылъ въ Ивангородъ съ эше-

лонами вечеромъ и какъ ни просилъ коменданта крѣпости разрѣшенія ночевать въ вагонахъ или, наконецъ, гдѣ нибудь въ городѣ, онъ не согласился и приказалъ немедленно уходить изъ крѣпости. Отъ Ивангорода мы шли дорогой, гдѣ недавно еще былъ большой бой около Козеницъ, когда нѣмцы наступали на Варшаву и были отбиты по всему фронту, и свѣжи были слѣды этого боя, въ особенности было много могилъ по пути слѣдованія. На встрѣчу попадались крупныя партіи плѣнныхъ австрійцевъ; были они въ хорошемъ настроеніи, первые заговаривали, многіе говорили по польски, прося папиросъ, — совсѣмъ не то. что плѣнные нѣмцы — угрюмые и озлобленные. Въ Радомѣ я присоединился къ своему полку и пошли на Петроковъ. По приходѣ въ Петроковъ, не успѣлъ я устроиться на ночь, какъ получилъ приказаніе идти во главѣ авангарда изъ 2-хъ эск. драгунъ и 2-хъ эск. гусаръ на Гомолинъ и Бельгатовъ. Подходя къ Бельгатову встрѣтилась мнѣ отходящая казачья дивизія, которой командовалъ графъ Стенбокъ, а когда подошла наша дивизія, то возобновился бой подъ Бельгатовымъ и затѣмъ Гомулинымъ, гдѣ былъ убитъ командиръ Л. Гв. Конно-Гренадерскаго полка генералъ Лопухинъ и раненъ нашъ корнетъ Ельшинъ I.

Послѣ боевъ подъ Бельгатовымъ и Гомолинымъ, наша дивизія отошла къ Петракову, и Лейбъ-Драгуны расположились въ имѣніи Рокшицы, кромѣ 1 эск. (ротм. А. М. Полозовъ) и 3 эск. (баронъ В. П. Неттельгорстъ), которые подъ моей командой заняли дер. Опреженжовъ для обезпеченія лѣваго фланга дивизіи.

Въ Опрженжовъ часто подходили нѣмецкіе

патрули къ нашимъ постамъ и всегда бывали отбиты, но мы ожидали наступленія со стороны ф. Пикарки, находившагося въ 2-хъ верстахъ отъ насъ и потому необходимо было оттуда выбить нѣмцевъ. Мы воспользовались тѣмъ, что у нихъ не было артиллеріи и неожиданной конной атакой заняли Пикарки, откуда нѣмцы бѣжали. Но къ сожалѣнію не долго владѣли фольваркомъ, такъ какъ непріятельская артиллерія насъ оттуда выбила Въ видѣ трофея привели одного плѣннаго нѣмца. Стало ясно, что безъ артиллеріи держаться трудно, а потому объ этомъ я доложилъ командиру полка и вечеромъ была прислана въ мое распоряженіе казачья батарея (ни части, ни фамиліи командира батареи не помню). Батарея въ продолженіи цѣлой ночи устраивала себѣ блиндажи съ тѣмъ, чтобы утромъ открыть огонь, но нѣмецкая артиллерія начала бить такимъ мѣткимъ огнемъ по нашей батареѣ, что она не могла дать ни одного выстрѣла — очевидно былъ шпіонажъ. Одновременно нѣмцы повели наступленіе. Я телефонировалъ о тяжелой обстановкѣ командиру полка, который прислалъ только старшаго полковника флигель-адъютанта Джунковскаго съ приказаніемъ отходить. Но это «только» спасло положеніе. Джунковскій приказалъ зажечь находящіеся впереди нашей батареи дома и сараи и, прикрываясь дымомъ, карьеромъ вывозить по одному орудію, а драгунамъ удерживать наступленіе нѣмцевъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ вывезены всѣ орудія и зарядные ящики. Всѣ мы знали, что подъ огнемъ не слѣдуетъ собираться въ группы, однако, повинуясь стадному началу, когда грозитъ опасность, невольно всѣ сбились въ кучу возлѣ Джунковска-

го, исключая, конечно, офицеровъ первой линіи. Мнѣ думается, что безстрашныхъ людей нѣтъ, а только сила воли и святой долгъ заставляютъ взять себя въ руки, успокоиться и дѣлать свое дѣло. Я помню, что мы съ нимъ въ это время безъ конца курили, не докуривая одной, начинали другую папиросу и во рту у меня было сухо, а артиллерія казалось копалась, вывозя свои орудія въ карьеръ. Но не сразу мы сѣли на коней, а ждали, пока наши эскадроны не пройдутъ въ боевомъ порядкѣ къ коноводамъ. Благодаря такому распоряженію, мы спасли батарею, понесли незначительныя потери и выполнили возложенную на насъ задачу, удерживая Опрженжовъ съ 21 по 25 ноября 1914 г.

Еще долженъ отмѣтить, что Джунковскій — рѣдкій штабъ-офицеръ въ боевомъ смыслѣ: хладнокровный, никогда не теряетъ голову въ бою и не рисуется своей храбростью; кромѣ того, геройски себя вели нашъ докторъ Первовъ и старшій фельдшеръ Петровъ, которые подбирали раненныхъ и тутъ же на улицѣ деревни подъ огнемъ дѣлали перевязки.

А. Романовичъ.

Вильно 1929 годъ.

НЕОЖИДАННЫЙ ПРІѢЗДЪ ВЪ ПОЛКЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ВЪ 1908

Командиръ полка Свиты Его Величества графъ Келлеръ не признавалъ смѣнной ѣзды и строго за нее каралъ; между тѣмъ, на смотрахъ она требо-

валась. Офицеры ловчились, какъ могли, чтобы «погонять смѣнку». Однажды, въ 8 ч. утра, когда всѣ офицеры высыпали на занятія, узнали отъ дежурнаго по полку, что командиръ рано утромъ уѣхалъ въ Петербургъ и очень этому обрадовались, такъ какъ можно было заняться смѣнной ѣздой. Я тоже былъ доволенъ, что можно. наконецъ, съ пользой провести занятія въ учебной командѣ, манежъ которой былъ отъ 10 часовъ утра. Какъ вдругъ въ ложу манежа входитъ В. К. Николай Николаевичъ, начальникъ штаба округа бар. Бринкенъ, начальникъ дивизіи Брусиловъ и нашъ командиръ. Командиръ за спиной начальства подаетъ мнѣ знаки, чтобы я не смѣлъ вытягивать смѣну. Я командую «врозь маршъ» и приказываю помощникамъ моимъ поручику Вилькману и корнету Здровскому, а также взводнымъ заняться одиночнымъ обученіемъ. Оно состояло въ томъ, что каждый изъ обучающихся занимается ѣздой съ однимъ только драгуномъ, а остальные ѣздятъ по манежу и сами упражняются въ томъ, что труднѣе имъ давалось. Было томительно скучно, пока, наконецъ, В. К. не приказалъ поставить барьеръ. Прыгнули барьеръ, какъ требовалъ Келлеръ: корпусъ назадъ и стремя на мѣстѣ. Послѣ чего В. К. подозвалъ меня къ себѣ въ ложу и сказалъ: «интересуюсь и люблю кавалерійское дѣло, но такой способъ обученія вижу первый разъ, онъ мнѣ нравится и я вполнѣ согласенъ съ вашимъ командиромъ, что важно создать солиста, а ужъ въ хорѣ каждый хорошо сыграетъ». По лицу командира я видѣлъ, что смотръ сошелъ хорошо.

Какъ полагалось, изъ манежа пошли въ собраніе завтракать. Я сидѣлъ за столомъ по чину — да-

леко отъ центра, но прислушивался къ разговору. Надо замѣтить, что начальникъ дивизіи, не будучи въ состояніи справиться съ нашимъ командиромъ, чтобы привить въ полку новыя кавалерійскія вѣянія, рѣшилъ ихъ провести при помощи В. К. и сказалъ за завтракомъ, что всѣ полки дивизіи на препятствіяхъ берутъ стремя въ калошу, кромѣ драгунъ. На это В. К. отвѣтилъ, что въ молодости много прыгалъ и всегда у него былъ прирожденный страхъ взять стремя глубоко «въ калошу». Тогда Брусиловъ попробовалъ позондировать относительно корпуса на препятствіи. и сказалъ, что при прыжкѣ надо подавать его впередъ. Вдругъ В. К. обратился ко мнѣ: «штабсъ-ротмистръ, ваше мнѣніе». Я очутился въ тискахъ между начальникомъ дивизіи и командиромъ полка и отвѣтилъ: «въ моментъ прыжка слѣдуетъ корпусъ подавать впередъ». Въ отвѣтъ на это В. К. крикнулъ: «нѣтъ, развѣ на терцію момента». И тутъ было ясно, что В. К. на сторонѣ командира, а Келлеръ еще добавилъ, что пока Высочайше не будетъ измѣненъ уставъ, онъ никакихъ новшествъ вводить не намѣренъ.

Келлеръ торжествовалъ, а мы, молодые офицеры, поняли, что дѣло проиграно.

А. Романовичъ.

Вильно 1920 г.

ПРИСТРѢЛЯЛИСЬ

а) Щи.

Командиръ полка Герцогъ Мекленбургскій признавалъ на обѣдъ солдатамъ только щи, и потому, если по раскладкѣ бывалъ иной супъ, то. пробуя пищу, говорилъ «отвратительные щи». Какъ ни старались эскадронные командиры заправить картофельный или другой супъ, Герцогъ всегда находилъ пищу плохой.

Наконецъ, вахмистра пристрѣлялись: немного добавляли капусты къ гороху, макаронамъ и т. д. и, когда приходилъ Герцогъ, пробовать пищу, то смѣло докладывали, что на обѣдъ «щи», хотя варился иной супъ, о чемъ гласила и раскладка.

Командиръ пробовалъ, хвалилъ и говорилъ «отличныя щи».

в) Каша.

Командиръ полка графъ Келлеръ требовалъ, чтобы солдатская каша была заправлена поджаренымъ лукомъ и всегда ругался, что мало луку.

Тогда вахмистра пристрѣлялись: отдано было разъ навсегда приказаніе кашевару, чтобы въ кашѣ было сдѣлано «гнѣздо» и тамъ находился до конца обѣда лукъ на случай прихода командира полка. Когда командиръ требовалъ кашу, то кашеваръ накладывалъ изъ этого гнѣзда и за это получалъ рубль наградныхъ.

с) Барьеръ.

Нашъ начальникъ дивизіи, извѣстный генералъ Безобразовъ, требовалъ, чтобы на барьерѣ отдавали поводъ и руки не летѣли кверху. Надо замѣтить, что новобранческія лошади были напрыганы, какъ блохи, вести на препятствія не приходилось — только сиди!

А потому вахмистра пристрѣлялись: когда выпускали новобранцевъ на барьеръ, то имъ напоминали, чтобы съ мѣста удлинили поводъ; ущипнули незамѣтно правой рукой гривку и сидѣли болваномъ. Достигались блестящіе результаты.

д) Тревога.

Командиръ полка Эрдели любилъ посидѣть въ собраніи и часто, кромѣ трубачей и балалаечниковъ, вызывалъ по тревогѣ пѣсенниковъ, иногда одновременно со всѣхъ эскадроновъ. При чемъ послѣ отдачи приказанія смотрѣли на часы, какъ скоро пѣсенники прибывали въ собраніе и въ какомъ видѣ.

Вахмистры и тутъ пристрѣлялись: съ вечера узнавали, что командиръ въ собраніи, и потому выкладывали пѣсенникамъ мундиры, этишкеты, чистыя красныя фуражки, бѣлыя перчатки и т. п.; возможно, что даже спали, не раздѣваясь. Черезъ минутъ десять послѣ отдачи приказанія пѣсенники входили въ собраніе съ эскадронной пѣснью и въ прекрасномъ видѣ.

Командиръ полка и эскадронный оставались довольны тревогой.

А. Романовичъ.

Г. Вильно, 1929 г.

ТРИ ДНЯ СЪ 20-ой ПѢХОТНОЙ ДИВИЗІЕЙ

Вскорѣ послѣ боя подъ Заболотцами, то-есть приблизительно въ серединѣ іюля 1915 года, отъ нашего № 3 эскадрона, былъ посланъ второй полуэскадронъ въ распоряженіе начальника 20-ой пѣхотной дивизіи, штабъ которой находился въ деревнѣ Матче, на рѣкѣ Западномъ Бугѣ. Полуэскадронъ былъ сравнительно слабаго состава, во взводахъ не болѣе 10-ти рядовъ, а хуже всего было то, что я былъ единственнымъ офицеромъ, такъ какъ въ остававшемся полуэскадронѣ, да и то несшемъ сторожевую службу были временно командующій поручикъ Главацкій П и корнетъ Александровскій.

Явился я въ штабъ 20-ой дивизіи часовъ около 4-хъ дня и оттуда, начальникъ штаба, очертивъ предварительно обстановку дивизіи, направилъ меня въ непосредственное распоряженіе командира 80-го пѣхотнаго Кабардинскаго полка.

Обстановка дивизіи сводилась къ слѣдующему: Дивизія вела бой еще на западномъ берегу Буга и въ ночь на сегодня, отступивъ, заняла новыя позиціи, приблизительно верстахъ въ шести отъ рѣки, по западной опушкѣ лѣса «Цегельня», тянущегося

съ небольщими перерывами почти до самаго Буга и вдоль его. Къ сѣверу-же отъ лѣса, полосой версты въ четыре, съ запада на востокъ, пролегало болото, поросшее мѣстами мелкимъ кустарникомъ и, не дотягиваясь до рѣки верстъ двухъ, суживалось, сворачивало къ югу, параллельно рѣкѣ и подходило вплотную къ единственной, ведущей отъ праваго фланга дивизіи, дорогѣ въ тылъ.

На картѣ болото было обозначено непроходимымъ, но лѣто 15-го года было на рѣдкость сухое, что даже такое болото сдѣлалось вездѣ свободно доступнымъ для пѣхоты. Это то и создавало сильную угрозу правому флангу дивизіи, гдѣ находился 80-ый Кабардинскій полкъ, въ распоряженіе котораго я и былъ посланъ. Ко всему необходимо еще добавить, что дивизія, съ момента отхода со старой позиціи, то-есть около двухъ сутокъ, не имѣла непосредственной связи со своей сосѣдкой справа — 45 пѣхотной дивизіей, долженствующей находиться гдѣ-то сѣвернѣе болота.

Дорога къ штабу Кабардинскаго полка почти все время проходила лѣсомъ и меня, помню, поразило то безлюдіе, какое мы въ немъ встрѣтили. Обычно тылы пѣхотныхъ дивизій полны движенія, тѣмъ болѣе, если тыломъ является лѣсъ, а тутъ тишь и только, накаленный за день, воздухъ переливается на солнцѣ.

Черезъ часъ были на мѣстѣ; при чемъ, послѣднія версты полторы шли почти параллельно позиціи 79-го Куринскаго полка, стоящаго вторымъ справа. Штабъ полка нашелъ въ землянкѣ въ лѣсу, за правымъ флангомъ своего полка, почти на сѣверной опушкѣ лѣса. Около находился и батальонъ резерва. Остальные три были въ линіи по за-

падной опушкѣ. Явился командиру, генеральнаго штаба полковнику Дѣеву.

Видимо, онъ уже былъ предупрежденъ, такъ какъ сразу встрѣтилъ словами сожалѣнія, что такъ мало прислано конницы. Замѣтно было, что онъ сильно тревожится за свой обнаженный флангъ, такъ какъ даже вышелъ со мною изъ землянки и прошелъ на сѣверную опушку и тутъ на мѣстѣ объяснилъ мѣстность и свое расположеніе.

Дѣйствительно, подступы къ его правому флангу были великолѣпны и нѣмцы, рано или поздно, не могли ими не воспользоваться, конечно, предварительно выяснивъ, что болото никѣмъ не защищается. А до того, онъ разсчитывалъ — они будутъ ломиться черезъ Куринцевъ, по кратчайшему направленію, дабы отрѣзать единственную дорогу отступленія на д. Матче, у которой былъ мостъ черезъ Бугъ.

Въ результатѣ я получилъ два заданія: 1) вести наблюденіе на правомъ флангѣ и въ случаѣ охвата не опоздать дать знать, дабы пѣхота имѣла достаточно времени изготовиться и 2) возможно быстрѣе наладить непосредственную связь съ 45-й дивизіей.

Первое, что у меня премелькнуло въ головѣ, это — зачѣмъ же въ эти болота вызвали кавалерію? Все равно все наблюденіе придется вести пѣшкомъ, а связываться надо окружнымъ путемъ, объѣзжая болота, такъ что сама пѣхота, которая можетъ гулять, какъ угодно напрямки, пожалуй, даже тоже самое еще быстрѣе продѣлаетъ.

Но...

Считая оба заданія достаточно серьезными, доложилъ командиру, что я единственный офицеръ

въ полуэскадронѣ и потому куда прикажетъ мнѣ лично отправиться, на что получилъ приказаніе сорганизовать наблюденіе, при чемъ командиръ еще разъ повторилъ просьбу не запоздать съ извѣщеніемъ о начинающемся охватѣ.

Для связи выслалъ два унтеръ-офицерскихъ разъѣзда, указавъ районъ, подъ начальствомъ взводнаго старшаго унтеръ-офицера Новикова и младшаго унтеръ-офицера Мосолова съ категорическимъ приказаніемъ связаться во что бы то ни стало и прислать обратныхъ людей; въ случаѣ отхода — искать полуэскадронъ при штабѣ 20-ой пѣхотной дивизіи, или во всякомъ случаѣ тамъ всегда будутъ знать, гдѣ мы, такъ какъ мы находимся въ ея распоряженіи.

Не успѣли отойти разъѣзды, какъ начался артиллерійскій обстрѣлъ, такъ что пришлось оставшихся людей подать вглубь, въ болѣе густой лѣсъ. Какъ ни хотѣлось никуда изъ чащи высовываться, а приходилось: надо было заняться вторымъ своимъ заданіемъ, а потому, взявъ съ собою взводнаго старшаго унтеръ-офицера Закваскина и двухъ драгунъ, пошелъ на сѣверную опушку съ цѣлью осмотрѣться подробнѣе и свѣриться съ картой.

Вдоль сѣвернаго края лѣса тянулось кочковатое болото, съ травою выше колѣна; шагахъ въ пятистахъ, — овальный, вытянутый съ запада на востокъ, молоднякъ-березнякъ, скрывавшій собою все находящееся сѣвернѣе, а карта указывала, что на западной оконечности березняка вправо впереди расположенія Кабардинскаго полка должна быть небольшая высота съ мельницей. На эту-то высоту я и разсчитывалъ, какъ на наблюдательный пунктъ. Пошли къ ней. Пересѣкли болото и вошли въ берез-

някъ. Было жутко. Вдругъ да напоремся на нѣмецкую развѣдку, вѣдь онъ никѣмъ съ разсвѣта не посѣщался, такъ какъ только ночью въ него заглядывала пѣхотная развѣдка.

Въ березнякѣ повернули налѣво и со всякими предосторожностями вышли на западную опушку, почти въ половинѣ высоты, но мельницы нашей не оказалось. Поднялись на высоту; груда поросшихъ мохомъ камней, — вѣроятно остатки фундамента и, передъ нами открывалась обширная равнина, въ двухъ мѣстахъ, съ запада на востокъ, перерѣзанная лощинами, южной — отъ деревни Аннополь, сѣверной — отъ деревни Убрадовице, занятыхъ нѣмцами. Обѣ лощины обтекали высоту, переходили въ болото, тянущееся по обѣ стороны березняка. Все вплоть до деревни Аннополь, находящейся прямо противъ Кабардинцевъ и Убрадовице, правѣе версты на двѣ, съ деревней Степанковице въ отдаленіи, за двумя первыми, какъ на ладони. И вправо, на сѣверѣ, видно все поверхъ болота вплоть до лѣса, въ которомъ гдѣ-то должна находиться 45-ая дивизія.

Здѣсь ставимъ наблюдательный постъ, днемъ будетъ вполнѣ достаточно. Начальникъ поста Заквaскинъ. Послалъ драгуна за людьми для поста, а самъ направился осмотрѣть сѣверную сторону березняка, дабы обмозговать наблюденіе на ночь. Картина получилась безотрадная: районъ большой покрытый высокой болотной травой, съ двумя великолѣпными подступами - лощинами и вдобавокъ березнякъ, подходящій почти на постоянный прицѣлъ къ лѣсу, занятому нами. Людей же, за вычетомъ разъѣздовъ и коноводовъ, максимумъ двадцать человѣкъ.

Рѣшилъ выставить на ночь сколько смогу «секретовъ», цѣпочкой по сѣверной опушкѣ березняка и потому, пока не стемнѣло, надо показать людямъ мѣста. Занятый, какъ-то машинально упускалъ, что у Кабардинцевъ обстрѣлъ все продолжался и теперь, когда надо было уходить изъ этого, дышащаго спокойствіемъ, березняка, было не по себѣ. Нужно было себя принуждать. Покончивъ съ приготовленіями къ ночи, направился къ командиру доложить о всемъ сдѣланномъ.

За это время обстрѣлъ хотя и прекратился, но въ штабѣ полка атмосфера была очень и очень напряженная; съ минуты на минуту ждали атаки, такъ какъ на участкѣ Куринскаго полка начался сильнѣйшій огонь и оттуда передали, что ихъ атакуютъ. Все-таки, полковникъ Дѣевъ очень внимательно выслушалъ. что я доложилъ, и когда я закончилъ вопросомъ, не прикажетъ-ли онъ что-либо измѣнить, отвѣтилъ: «А что же тутъ можно сдѣлать? Спасибо нѣмцамъ, что до сихъ поръ не пронюхали, а занять участокъ, какъ слѣдуетъ, мы не въ силахъ». Для лучшей же связи между нами, посовѣтовалъ мнѣ помѣститься у нихъ въ штабѣ, предложивъ у нихъ же и довольствоваться, добавивъ, что и драгунъ они также принимаютъ на свое довольствіе, такъ какъ въ ротахъ есть убыль. Мнѣ оставалось только искренно поблагодарить любезнаго командира. Это много лучше, чѣмъ сидѣть на консервномъ сухоядѣніи.

А бой у Куринцевъ все разгорался. Наша артиллерія стрѣляла почти безпрерывно. Но противъ участка Кабардинскаго полка нѣмцы держались какъ-то неопредѣленно, хотя ихъ артиллерія вновь начала обстрѣлъ, но теперь только передовой ли-

ніи и то больше шрапнелью. Смерклось, и я пошелъ ставить свои «секреты» и спустить постъ Закваскина съ горки въ устье ближайшей лощины. Когда возвратился, все уже было спокойно, и атака Куринцами отбита. Коноводы ужинали. Кухни только недавно подвезли, такъ какъ дорога все время обстрѣливалась. А какъ спокойно и въ какой прелестной обстановкѣ подошли мы! Досадно было, что на постахъ люди стоятъ безъ ужина, но одолжили у пѣхоты ведра и набрали для нихъ на завтра; — отстоятъ, съѣдятъ на разсвѣтѣ съ еще большимъ аппетитомъ.

Разбивъ коноводовъ на двѣ смѣны, одной разрѣшилъ спать; у коней-же только отпущены подпруги. Въ штабѣ полка уже отужинали, но для меня заботливо оставлено.

Ночь прошла спокойно, хотя и спали по-заячьи, однимъ глазомъ. Въ первый разъ тогда видѣлъ свѣтящіяся ракеты, онѣ удивительно красивыми мнѣ показались. А какъ надоѣли онѣ вскорѣ!

Около полуночи явились двое драгунъ съ донесеніемъ отъ Новикова: онъ связался съ лѣвофланговымъ полкомъ 45 пѣхотной дивизіи — 180 пѣхотнымъ Виндавскимъ. А немного спустя пріѣхало двое и отъ Мосолова; онъ отыскалъ и самый штабъ дивизіи. 45-ая дивизія стояла совершенно спокойно. Полк. Дѣевъ вздохнулъ свободнѣе и тотчасъ же протелефонировалъ въ свой штабъ дивизіи, прося добиться, чтобы 45-ая дивизія включила болото въ свой районъ, тѣмъ болѣе, что она стоитъ совершенно спокойно и, повидимому, заблуждается, считая болота непроходимыми.

Тѣмъ отраднѣе было видѣть результаты нашихъ разъѣздовъ, что въ день нашего прихода съ

тѣмъ-же заданіемъ посылались пѣхотные конные развѣдчики и безрезультатно. Они теряли направленіе и блуждали, потому что приходилось все время лѣсами обходить болота. А наши быстро дошли и прислали обратныхъ! Невольно шевельнулось чувство гордости.

Разсвѣло. Вернулись секреты. Смѣнилъ постъ Заквaскина коноводами. Новый начальникъ поста — младшій унтеръ-офицеръ изъ запаса Коняшкинъ. Тишина поразительная, видимо, люди, уставъ за ночь, теперь отсыпались. Начинало припекать, день обѣщалъ быть знойнымъ. Меня озабочивали кони, чѣмъ ихъ кормить? Въ лѣсу трава вся затоптана; отправить коноводовъ дальше не хочется, мы тогда еще къ этому не были пріучены; вывести на лугъ, могутъ увидѣть нѣмцы, а взятый съ собою овесъ уже приходитъ къ концу. Пока я раздумывалъ, драгуны сами нашли выходъ — вначалѣ рвали траву съ луга руками, а потомъ появились и косы! Откуда? «Отъ артиллеріи, вотъ тутъ недалечко, за перелѣсочкомъ стоятъ ихъ кони, у нихъ и раздобылись». Удивительная способность! А бѣдные наши кони, пожалуй, даже и съ аппетитомъ перетирали жесткую, болотную траву. Въ ожиданіи лучшаго пока на этомъ успокоился. Въ одиннадцать часовъ пришли кухни, и мы славно пообѣдали. Расположились, какъ на пикникѣ. и было странно думать, что вѣдь это война, когда каждую секунду можетъ начать свою страшную работу человѣкъ, сѣя вокругъ жестокія страданія и смерть; настолько во всемъ вокругъ было разлито покоя и благодати, дивной красоты; каждый глубокій вздохъ являлся прямо наслажденіемъ, какъ и видъ ползущей куда-то дѣловитой букашки. Да, чего только

не можетъ сдѣлать съ людьми сознаніе долга и необходимости.

Направился навѣдаться на постъ къ Коняшкину. По пути присоединился одинъ изъ офицеровъ, прапорщикъ, стоящаго тутъ-же въ резервѣ, баталіона, и мы, мирно бесѣдуя, добрались до Коняшкина. У него та-же тишина и спокойствіе. Также бесѣдуя. двинулись въ обратный путь и на выходѣ изъ березняка насъ догналъ запыхавшійся драгунъ съ поста съ извѣстіемъ, что у нѣмцевъ въ деревнѣ Аннополь замѣчено сильное движеніе, а за деревней Степанковице и дальше курится пыль, какъ бы отъ колонны. Приспѣшилъ къ командиру и не успѣлъ еще дойти до его землянки, какъ изъ-за нашего лѣса глухо бухнулъ выстрѣлъ, воздухъ надъ головою рѣзко свистнулъ и немного спустя, отъ деревни Аннополя донесся звукъ разрыва; надъ нею уже плыло бѣловатое облачко. Наша шрапнель. Нѣсколько такихъ-же, съ промежутками и очередь батареи и теперь уже тамъ-же вскинулись столбы дыма и пыли. Другая батарея присоединилась и била по Убродовице и лощинѣ за нею. Не успѣлъ я окончить доклада, какъ въ отдаленіи послышалось глухое буханье, приближающееся, какъ бы усиливающееся съ вибраціями урчанье чего-то гнетущаго воздухъ и когда мы, вслѣдъ за слухомъ повели глазами, то увидѣли. уже громадный столбъ пыли и дыма на западной опушкѣ нашего лѣса и только спустя нѣсколько звукъ разрыва. Тяжелый. И вскорѣ-же, эти столбы пыли и дыму начали вздыматься по всему расположенію Кабардинскаго и Куринскаго полковъ, а грохотъ разрывовъ потрясать лѣсомъ. Сразу-же охватила какая-то напряженность, ожиданіе чего-то жутко-неизбѣжнаго, а голова за-

работала отчетливо - ясно, до лихорадочности быстро. «Будутъ атаковать либо Куринцевъ, либо меня. Смотрите-же, корнетъ, не прозѣвайте», сказалъ командиръ, и эти слова, какъ-бы кто выжегъ въ мозгу, все время они сверлили сознаніе: не проморгать-бы, не опоздать. Взялъ еще трехъ драгунъ и поставилъ среди березняка, какъ промежуточный постъ, а къ Коняшкину послалъ, чтобъ смотрѣлъ въ оба. Коноводовъ пришлось оттянуть, такъ какъ цѣтъ, нѣтъ, а осколки залетали и къ нимъ.

Такой адскій обстрѣлъ продолжался уже болѣе двухъ часовъ, какъ вдругъ, какъ бы плотина прорвалась и трескъ пулеметовъ покрылъ собою все. Видимо, творилось что-то ужасное. Резервный баталіонъ подтянули еще чуть впередъ и вправо. Вскорѣ съ линіи стали долетать обрывки крика, какъ-то урывками, перемежаясь съ огнемъ, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ; временами этотъ крикъ переходилъ во что-то могучее, все покрывающее, прямо нѣчто неистовое и, рѣзко обрываясь, вновь смѣнялся захлебываніемъ пулеметовъ съ перекатами ружейнаго огня. Особенно горячо было у Куринцевъ. Артиллерія какъ наша, такъ и нѣмецкая, знаю, что стрѣляла безпрерывно, такъ какъ гулъ ея слышался все время, но куда, не могу сказать — глубокаго впечатлѣнія въ тотъ моментъ отъ нея не осталось — все покрывали собою пулеметный и ружейный огонь. Какъ въ котлѣ клокотало. А затѣмъ, постепенно, огонь началъ ослабѣвать, переходить въ болѣе прерывистый, вспыхнетъ порою то здѣсь, то тамъ, какъ будто доходитъ и до прежней силы, а все-таки гаснетъ; чувствуется, что самое напряженіе прошло; рѣдѣетъ, рѣдѣетъ, а тамъ и стихъ совершенно; не совершенно, конечно, но послѣ то-

го, что было нѣсколько минутъ тому назадъ, кажется тихо. И только артиллерія мощно продолжаетъ бухать и какъ будто даже съ возрастающей силой. Снаряды какъ наши, такъ и ихъ, летятъ куда-то черезъ голову и какъ-то назойливо надоѣдаютъ, хочется полной тишины. Атака отбита.

Но тишины этой все нѣтъ и нѣтъ. Командиръ полка все такъ-же озабоченъ — ждетъ повторенія.

Вездѣ идетъ лихорадочная работа: наблюденіе усиливается, подаются патроны, подошли двѣ роты Тенгинскаго полка. Пробираюсь на свой постъ. И тамъ такое-же лихорадочное состояніе. Противъ него начинаютъ появляться групки нѣмецкихъ развѣдчиковъ, но дѣйствуютъ весьма и весьма осторожно, какъ-то нерѣшительно. Видимо, этотъ участокъ возбудилъ ихъ подозрѣніе своею молчаливостью. На мой докладъ командиръ полка только пожалъ плечами и еще разъ напомнилъ о бдительности. Гдѣ ужъ тутъ: — драгуны и такъ напряжены до крайности, видимо, глубоко сознаютъ свое отвѣтственное положеніе. А артиллерія все методически бухаетъ. И такъ до темноты. Ночь вся, какъ на иголкахъ. Ракеты съ обѣихъ сторонъ свѣтятъ почти безпрерывно. Дала пѣхота и намъ два пистолета, и мы тоже изрѣдка освѣщали оба впереди лежащія устья лощинъ. Ночью нѣмцы были еще болѣе осторожны и даже ни разу развѣдка ихъ не подобралась ближе постояннаго прицѣла. Я приказалъ безъ крайней нужды не стрѣлять и у насъ всю ночь царила тишина. Въ пѣхотѣ, раза два или три, срывался безпорядочный ружейный огонь; нѣмцы тотчасъ-же дружно подхватывали и такая пальба очень быстро, какъ вдругъ возникала, такъ вдругъ же и обрывалась.

Разсвѣтъ не принесъ облегченія. А намъ, драгунамъ, какъ до сихъ поръ было сносно по сравненію съ пѣхотой, такъ теперь стало и вовсе нехорошо. Вновь загвоздила нѣмецкая артиллерія, но теперь уже и по насъ. Однимъ изъ первыхъ снарядовъ раненъ въ ляжку въ мякоть драгунъ Калининъ. А вскорѣ изъ сѣверной лощины начали разворачиваться и нѣмецкія цѣпи. Наша артиллерія бьетъ по нимъ, а они все перебѣгаютъ. На мое донесеніе командиръ полка приказалъ отойти къ конямъ. Не успѣли мы вскочить въ свой лѣсъ, какъ навстрѣчу повалила пѣхота и разсыпалась по сѣверной опушкѣ. Наша горушка уже была въ рукахъ нѣмцевъ.

Передали по цѣпи: «Драгунскаго офицера къ командиру батальона». Не успѣлъ подойти къ нему (онъ звалъ, чтобы получить отъ меня свѣдѣнія о наступающихъ нѣмцахъ), какъ на лѣвомъ флангѣ батальона раздалось нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ и тотчасъ же пустилъ строчку пулеметъ. Нѣмцы стали показываться изъ березняка. Но какъ то не дружно, не сразу высыпались, а раньше высунулись противъ лѣваго фланга и только потомъ, нѣсколько спустя, по всей опушкѣ. Чувствовалось, что они абсолютно не понимаютъ, что бьютъ въ обнаженный флангъ. такъ какъ и атака была какая-то нерѣшительная, нажали и тотчасъ же, встрѣченные дружнымъ огнемъ, скрылись и только рѣдкій ружейный огонь указывалъ, что они тутъ, не ушли. Пошелъ къ полуэскадрону. У насъ раненъ конь «Чернокостникъ». Пуля прошла сквозь шею, справа налѣво. Отъ драгунъ узналъ, что въ восточномъ краю березняка находится наша рота, которая, по всей вѣроятности, возьметъ наступающихъ нѣм-

цевъ во флангъ. Прибѣжала «связь» съ приказаніемъ явиться къ командиру.

Намъ новое дѣло: держаться приблизительно посединѣ между штабомъ полка и стоящей за полкомъ батареей и въ случаѣ отхода полка служить связью, наблюдая промежутокъ между нимъ и остающимся еще на позиціи Куринскимъ полкомъ. Оба полка съ минуты на минуту ожидаютъ общей атаки, и командиръ Кабардинскаго полка не такъ боится за охваченный флангъ, какъ за стыкъ съ Куринцами, тѣмъ болѣе, что въ резервѣ только двѣ роты Тенгинцевъ.

«А если собьютъ раньше Куринскій полкъ, что мнѣ въ такомъ случаѣ прикажете дѣлать?» задалъ я вопросъ. «Ну, тогда отрѣжутъ и будемъ вмѣстѣ пробиваться, или отойдемъ къ 45 дивизіи».

Съ этимъ я и вышелъ. На душѣ тоскливо. Къ тому же и тишина настала вездѣ зловѣщая. Неужели прорвутъ?

И прорвалось, даже сердце екнуло. Какъ-то вдругъ прорвалась трескотня и вновь все пришло въ изступленіе. Боже, когда же все это окончится? Шальныя пули застучали и запѣли по лѣсу, какъ показалось, во всѣхъ направленіяхъ.

Повелъ своихъ на указанное мѣсто.

Тяжело быть въ бою, но мнѣ кажется, стократъ тяжелѣе стоять вблизи, хотя бы и подъ залетными только пулями, въ бездѣльи и ждать, чѣмъ все рѣшится, не будучи въ состояніи ничѣмъ принять участіе, помочь.

Наша батарея въ какихъ-нибудь двухстахъ саженяхъ влѣво за нами, прямо захлебывалась. Нѣмецкая артиллерія била куда -то далеко позади и влѣво отъ насъ. Звонъ своихъ орудій ударялъ пря-

мо по мозгамъ, и бѣдные наши кони только присѣдали всѣми четырьмя.

И опять повторилось вчерашнее: «ура» временами покрывало все, временами ружейный и пулеметный огонь клокоталъ, какъ бѣшеный, а мы стояли, толпились и нервничали — отобьютъ или не отобьютъ? По всему лѣсу брели въ тылъ раненые. Вдругъ справа раздалось особенно громкое, близкое «ура» и огонь въ этомъ мѣстѣ быстро началъ стихать и удаляться. Не выдержалъ и побѣжалъ въ штабъ полка. «Кажется устоимъ», встрѣтили меня тамъ, «березнякъ уже нашъ и нѣмцы вездѣ начинаютъ выдыхаться». Командиръ бросилъ: «Не отходите далеко. Сейчасъ выясню, что у меня налѣво, и Вы понадобитесь». Кругомъ тащатъ телефоны. Прошло минутъ десять и все было кончено. Еще одна атака отбита.

Намъ приказано осмотрѣть болота къ сѣверу отъ березняка, не задержались ли гдѣ-либо нѣмцы, и опять нести то-же наблюденіе. Всѣ по старымъ мѣстамъ, какъ будто ничего и не было. Оставилъ только коноводовъ, а съ остальными людьми пошелъ черезъ березнякъ на болота. И на нихъ, и въ березнякѣ наткнулись на большое количество раненыхъ и убитыхъ. Преобладали нѣмцы, въ особенности въ березнякѣ. Трудно было проходить мимо нихъ. Обшарили вездѣ, нѣмцы отовсюду убрались. На всякій случай оставилъ постъ и на сѣверной опушкѣ, а съ остальными людьми направился на такъ хорошо знакомую высоту. По пути встрѣтилъ возвращающіяся опять въ резервъ роты и отъ нихъ узналъ, что до моего прихода на высотѣ оставлена пѣхотная застава. Не дошли мы и до своей горушки, какъ нѣмецкая артиллерія вновь

принялась за свое, не оставляя безъ вниманія и березнякъ. Было около одиннадцати дня. На посту начальникомъ остался Заквaскинъ, лишнихъ людей отправилъ къ конямъ, а самъ, со смѣненной мною пѣхотной заставой пошелъ къ командиру съ докладомъ. Этотъ проклятый методическій артиллерійскій обстрѣлъ, кажется, способенъ довести человѣка до полнаго изматыванія или обалдѣнія. Этотъ мгновенно скрежущій визгъ, тафъ и тіюу — шрапнели.

Кое-какъ добрался до землянки командира доложилъ объ исполненномъ и тутъ услышалъ пріятное предположеніе — врядъ-ли нѣмцы сегодня возобновятъ атаки, развѣ только въ сумерки, очень ужъ имъ почтенно всыпали. Слава Богу, хоть нѣсколько часовъ есть отдыха. Я тутъ же въ землянкѣ и заснулъ. Не помню, проснулся - ли я самъ, или меня разбудили. Смеркалось. Было сравнительно тихо. Всѣ ужинали. Главное не было этого назойливаго артиллерійскаго огня. Аппетитно дымились подвезенныя пѣхотныя кухни, и только теперь я впомнилъ, что со вчерашняго вечера ничего не ѣлъ. Когда драгуны поужинали, повелъ смѣну на ночь. Нѣмцы, повидимому, больше не собирались атаковать, по крайней мѣрѣ, на сегодня. На посту также было спокойно и тихо и просто не вѣрилось, что это та-же мѣстность, гдѣ такъ недавно творился такой адъ. Только неубранные еще убитые нѣмцы напоминали обо всемъ ужасѣ.

Возвратился въ штабъ полка около десяти вечера и узналъ, что получено приказаніе ночью отойти за Бугъ, при чемъ Кабардинскому полку начать отходъ первымъ, а въ связи съ этимъ мнѣ сейчасъ-же снять свои посты и стянуться къ правому флан-

гу полка. Когда же полкъ покинетъ свои позиціи — наблюдать объ опушки лѣса, пока не начнетъ отхода Куринскій полкъ, а тогда придвинуться къ нему ближе и наблюдать дорогу на деревню Матче. Отходить на хвосту Куринскаго полка. Такъ все и произошло. Только, еще до снятія постовъ, на горушкѣ былъ раненъ въ плечо новобранецъ-драгунъ Моисеенко. Потомъ. въ 16-омъ году я встрѣчалъ его въ Кречевицахъ; тогда-же его принялъ къ себѣ перевязочный пунктъ Кабардинскаго полка.

Отходъ за Бугъ совершался въ полной тишинѣ и когда я съ полуэскадрономъ тянулся уже на хвосту у Куринцевъ, намъ пришла смѣна — поручикъ Загорскій съ полуэскадрономъ № 4 эскадрона.

М. Мухля.

Мартъ, 1930 года.
Г. Вильно.

ВЪ ОДИНЪ ИЗЪ ДНЕЙ

Въ концѣ зимы 1914-15 гг. дивизія наша находилась въ районѣ Пупска.

Нѣмцы, послѣ ряда боевъ въ Августовскихъ лѣсахъ, стремительно откатывались. Мы шли за ними по пятамъ, натыкаясь сплошь и рядомъ на брошенные, застрявшіе въ снѣгу и разгруженной дорогѣ, поломанныя обозныя фуры, двуколки, зарядные ящики. По деревнямъ часто натыкались и на халупниковъ.

Наша дивизія шла по шоссе на Пупскъ, и нашъ 3-ій эскадронъ былъ въ авангардѣ.

Въ этотъ день у насъ въ эскадронѣ произошло два эпизода, которые я и хочу разсказать.

Первый произошелъ съ прапорщикомъ Шихмановымъ —онъ шелъ въ головной заставѣ по самому шоссе. На подходѣ къ одной изъ деревень, видитъ, навстрѣчу выкатывается рысью парная повозка и въ ней сидятъ двое. Его дозорные вначалѣ стали, а потомъ подскакали къ повозкѣ и что-то вертятся вокругъ нея. Шихмановъ далъ шпоры и тоже подлетѣлъ къ повозкѣ; видитъ — въ ней сидитъ пожилой нѣмецъ, унтеръ-офицеръ и протягиваетъ дозорнымъ бутылку нашей русской водки! Видя, что никто ее не беретъ, нѣмецъ отбилъ ее ладонью, отпилъ пару глотковъ и вновь протянулъ, но теперь уже Шихманову! Милый способъ задобрить противника!

Оказалось, что нѣмецъ еще наканунѣ, былъ посланъ отъ офицерскаго «казино» за закупками для него, исполнилъ все порученное и теперь возвращался, но въ сутолокѣ отступленія потерялся и въѣхалъ прямо къ намъ съ цѣлой повозкой продуктовъ. Винтовка его мирно лежала тутъ же на возу, а другимъ путешественникомъ, его возницей, оказался мѣстный житель — литвинъ — «не супранто»*), на собственныхъ-же и лошадяхъ.

Мы потомъ долго смѣялись надъ Шихмановымъ — не былъ ли онъ знакомъ съ этимъ нѣмцемъ раньше?!

Второй эпизодъ былъ иного свойства и произошелъ со мною. Я тогда шелъ въ лѣвой заставѣ.

Мѣстность носила довольно пересѣченный

*) По-литовски — «не понимаю»; такъ мы во время войны называли всѣхъ вообще литовцевъ.

характеръ и потому часто я имѣлъ возможность со взводомъ подходить вплотную къ какому нибудь пункту, когда мои дозорные еще только рыскали около него; а, кромѣ того, въ виду показаннаго быстраго движенія, дѣлали чаще всего такъ, что дозорные только проскакивали и продолжали подвигаться дальше, а ужъ мы обслѣдовали болѣе подробно. Какъ теперь помню, встрѣтилась на пути дер. Скерсоболе, дворовъ 20-25. Дозорные проскочили вдоль улицы и задержались въ концѣ ея. Оставивъ взводъ, я съ драгуномъ Глотовымъ и вѣстовымъ др. Аникинымъ подъѣхалъ къ ближайшей халупѣ и постучалъ въ окно съ цѣлью узнать, нѣтъ-ли въ деревнѣ нѣмцевъ? На нашъ стукъ никто не отозвался. Глотовъ въ нетерпѣніи соскочилъ съ коня, я за нимъ, и оба вошли въ сѣни, нащупали дверь въ хату, открыли и обмерли — среди хаты стоятъ двое нѣмцевъ, у одного винтовка на изготовку, а другой ее у перваго отнимаетъ и убѣждаетъ въ безполезности сопротивленія. Намъ — ни впередъ, ни назадъ. Не знаю, сколько времени и какъ второму пришлось убѣждать, только когда первый выпустилъ винтовку, мы шагнули черезъ порогъ.

И теперь, когда вспоминаю наше тогдашнее положеніе, холодокъ пробѣгаетъ по спинѣ: что стоило нѣмцу сдуру бахнуть? Безъ сомнѣнія, погибъ бы отъ рукъ взвода моментально и онъ, но намъ то съ Глотовымъ было бы отъ этого не легче.

М. Мухля.

ЕЩЕ ГОРУШКУ!

Нѣкоторое время спустя, находились мы къ сѣверо-востоку отъ гор. Кальваріи. Нѣмцы постепенно начинали задерживаться и оказывать сопротивленіе. Какъ это случалось, дивизія наша провела весь день въ стояніи резервной колонной — гробомъ, какъ ѣдко этотъ строй называли. Впереди и влѣво наша пѣхота вела бой на подступахъ къ дефиле у озера Даукше, а противъ насъ было весь день тихо и спокойно, только наши разъѣзды имѣли наблюденіе и соприкосновеніе съ нѣмцами. Было около пяти часовъ вечера. Дивизія томилась. Подпруги отпущены; люди что-то жуютъ, курятъ, перебрасываются словами, покрикиваютъ на нестоящихъ спокойно лошадей. И имъ надоѣло томительное стояніе. Господа кой гдѣ образовали группы. Тянется утомительно-медленно время. Слухи ползутъ самые разнообразные. Вдругъ слышимъ, что наши 3-й и 6-й эскадронъ, куда то посылаютъ и дѣйствительно, не успѣли мы толкомъ провѣрить этотъ новый слухъ, какъ раздалась команда подтянуть подпруги. «Садись», справа по три», и оба эскадрона отдѣлились отъ дивизіи. Идемъ влѣво, лощиной. Переходимъ на рысь. Снѣгъ глубокій. Лошади дышатъ тяжело и мѣстами западаютъ. Прошли безлистный молоднякъ и перешли въ шагъ. Наши дозоры замаячили почти на гребнѣ. Эскадронъ обогналъ нашъ командиръ, ротмистръ бар. Неттельгорстъ I (до того мы шли на хвосту шестого). «Стой, къ пѣшему строю, вправо, слѣзай», вскорѣ раздалась его команда.

Выбѣжали на гребешокъ и залегли. Впереди никого. Получили направленіе и тронулись. Первый полу-эскадронъ съ поручикомъ Левицкимъ I въ резервѣ, уступомъ вправо, назадъ. При представившейся, наконецъ, возможности спѣшимъ къ Виталію Павловичу, узнать, въ чемъ дѣло. Оказывается, подъ натискомъ пѣхоты, нѣмцы начали отходить. Между нашей пѣхотой и нами уже спѣшены конно-гренадеры и мы съ ними имѣемъ общую задачу — нажать на нѣмцевъ, находящихся сѣвернѣе отступающихъ и заставить и ихъ отходить, не задерживаясь, дабы обезпечить свою пѣхоту отъ фланговаго удара. И мы должны особенно спѣшить, т. к. конно-гренадеры спѣшились раньше и теперь уже должны быть много впереди: «Вотъ мы даже не видимъ ихъ», закончилъ Виталій Павловичъ. Да и мудрено было видѣть, т. к. уже порядкомъ смерклось, да къ тому же и день былъ туманный, мартовская оттепель.

Идемъ и шибко идемъ.

Хоть и пыхтимъ страшно и у всѣхъ ужъ полушубки разстегнуты, но цѣлину съ ожесточеніемъ мѣсимъ и упорно подвигаемся впередъ. Съ горушки на горушку.

Полушубки стали пудовыми, а конно-гренадеръ все не догнать. Бѣдный Виталій Павловичъ совсѣмъ выбился изъ силъ и, наконецъ, заявилъ, что не пойдетъ дальше.

«Ну Витя, ну голубчикъ, ну еще одну горушечку», сталъ упрашивать ротм. Римскій, и Виталій Павловичъ сдался. Эскадроны опять замѣсили снѣгъ. И, дѣйствительно, впереди, въ полъ оборота на лѣво, во мглѣ туманнаго вечера, замаячили какія-то, идущія въ одномъ съ нами направленіи

фигуры. Это придало намъ энергіи, и мы еще нажали, какъ у финиша: каково же было наше изумленіе, когда эти силуэты опоясались взблесками и надъ нами запѣли пули! Отходящіе нѣмцы?!

Когда же мы опередили конно-гренадеръ?

М. Мухля.

«УЛЬВОВЕКЪ» И МОЙ ВРАГЪ АВСТРІЕЦЪ.

«Ну, милый Кола, твоя очередь идти въ разъѣздъ» съ улыбкой вымолвилъ командиръ эскадрона баронъ Виталій Павловичъ Неттельгорстъ. Повернувшись, онъ спѣшно вызвалъ вахмистра и сталъ отдавать ему обстоятельное распоряженіе.

Въ струнку вытянулся въ дверяхъ халупы сухопарый, стройный съ еле замѣтными усиками на молодомъ лицѣ подпрапорщикъ Сорока. Его безстрастное лицо замерло, вытянувшись передъ начальствомъ. Добрая дисциплина стараго времени, какъ нельзя лучше сказалась на психологіи этого человѣка. Приказаніе отдано! Вахмистръ скрылся за дверью и дорогой, незабвенный начальникъ-другъ снова обратился ко мнѣ.

«Тебѣ дается въ помощь вновь прибывшій прапорщикъ Леонтовичъ, покажи ему службу дозоровъ. Не очень увлекайся! Дѣйствуй такъ, какъ подсказываетъ разсудокъ, а, главное, береги мнѣ людей и коней. Всего лучшаго». Съ этими словами любимый начальникъ, простившись ласково со мной, занялся очередными распоряженіями.

Черезъ четверть часа все готово — дѣло идетъ

къ сумеркамъ... Знойное лѣтнее солнце посылаетъ свои косые лучи изъ за сосѣдняго лѣса, уходя за горизонтъ тополевой рощи.

Пограничная волынская деревушка блеститъ бѣлыми «мазанками» на фонѣ вишневыхъ садковъ и грузныхъ золотыхъ подсолнуховъ, свернувшихъ дугой вкусныя сѣменныя чашки. Все было радостно бодро и весело кругомъ въ этотъ памятный для меня вечеръ 9 іюля 1915 года. Все — кромѣ моего собственнаго настроенія, которое въ преддверіи опасности и личной отвѣтственности вдругъ стало мрачнымъ и кислымъ.

Чуть-чуть позванивая желѣзомъ, фыркая и неторопливо передвигая усталыя ноги, кони разъѣзда неохотно несутъ насъ въ невѣдомый западъ, въ сторону врага — туда въ Галицію. Въ ту Галицію, гдѣ мощь русскаго солдата уже такъ сильно успѣла себя показать удивленной и восхищенной Европѣ.

Прапорщикъ Леонтовичъ, плохо поднявшій послѣ обычнаго сна набухшія вѣки, что и дало ему весьма мѣткое прозвище «Вія!» — бодрится и предлагаетъ свои услуги. Онъ просится сразу переселить его въ передній дозоръ. Это стремленіе довольно грубо мной отклонено. «Всегда успѣешь! — впереди еще достаточно времени» рѣзко осаживаю я его ретивость.

Остановились у околицы села, занятаго штабомъ дивизіи. Слѣзли съ лошадей. Съ Леонтовичемъ входимъ въ помѣщеніе Командующаго дивизіей. Высокій, тучный уланскій генералъ Княжевичъ окруженъ офицерствомъ своихъ полковъ. Согнувшись надъ картой, генералъ видимо очень

озабоченъ и весь преисполненъ величіемъ своей роли. Ему предстоитъ бросить на слѣдующій день три тысячи сабель, чтобы отодвинуть австрійскую пѣхоту. Затѣмъ на ея плечахъ влѣзть въ територію Двуединой Монархіи — въ ея Соколь-ское Бургомистерство.

«Мнѣ нужна быстрота и точность — на моей сѣти разъѣздовъ лежитъ вся отвѣтственность въ развитіи успѣха всей дивизіи. А работа полковъ знаете какая — прогнать австрійцевъ, занявъ линію деревень, что отмѣчены на верстовкѣ». Все это скороговоркой говоритъ намъ Княжевичъ, а глаза его при этомъ безпрестранно бѣгаютъ то вверхъ, то внизъ.

Теперь не время судить начальство. Надо выполнять свой долгъ и показать себя всей дивизіи въ возможно лучшемъ свѣтѣ. А юный прапорщикъ еще въ формѣ доблестныхъ Черниговцевъ, что порученъ мнѣ, ему надо также представиться въ достойнѣйшемъ видѣ. «Спокойствіе въ жизни и въ особенности въ разъѣздѣ есть половина удачи», вспоминается мнѣ когда-то читанныя на столѣ отца слова въ книгѣ стараго учителя кавалеріи генерала Сухотина «Рейды конницы».

Тряхнувъ бодрой рысью черезъ рядъ дубовыхъ перелѣсковъ, даемъ себя обогнать (четвертому) эскадрону. Его ведетъ, чертыхаясь, штабсъ-ротмистръ Борисъ Ѳеодоровичъ Грязновъ. Вотъ видна впереди его слегка сутуловатая фигура съ заломленной лихо на бекрень фуражкой.

Что-то смѣшное объясняетъ Грязновъ своимъ субалтернамъ, т. к. его изрѣченія каждый разъ покрываются взрывами оглушительнаго дружнаго смѣха.

«Здорово Кола, желаю успѣха, а меня снова угобздили; послалъ «Джунь»*) на всю ночь въ отдѣлъ, вмѣсто неуловимаго «Сыши»**). Представь себѣ, «пятый» снова улизнулъ отъ наряда. Вѣрно ему «Хватковъ» запретилъ». — Скороговоркой отпустилъ Борисъ Ѳеодоровичъ въ мою сторону — свою желчь. Затѣмъ и онъ и быстро мелькнувшія за нимъ тройки лошадиныхъ хвостовъ и мордъ — скрылись въ облакахъ пыли.

Слова Грязнова должнаго успѣха не имѣли. Мнѣ полковыя дрязги вообще теперь показались неумѣстными. Впрочемъ, и настроеніе какое-то у меня приподнятое. Это понятно! Для Грязнова, для всего полка это обыденное терзаніе — для меня-же боевой нарядъ; это не только первый опытъ, это первый экзаменъ въ родномъ полку, внѣ котораго я такъ долго трепался, отчасти зря и по своей винѣ.

Дубовые перелѣски кончились и съ ними вмѣстѣ, Россія, Владиміръ-Волынскій уѣздъ. Только что перемахнули мимо пограничнаго столба, заранѣе упавшаго отъ казачьей шашки.

Вотъ онъ валяется, желтый столбъ съ намалеваннымъ орломъ, судорожно сжавшимъ широкій мечъ въ мохнатой лапѣ.

Воочію напоминаетъ слабость картоннаго владычества Габсбурговъ 20-го вѣка.

Только искусствомъ своей первоклассной дипломатіи и беззаботностью своихъ подданныхъ

---

*) Св. Его Величества генералъ С. С. Джунковскій, командиръ Л. Гв. Драг. п.

**) Командиръ 5-го эскадрона полковникъ Н. А. Березинъ.

держится еще воинственная эмблема былого могущества.

Все, что мой мозгъ нахватался объ Австріи, молніеносно проносится въ моей головѣ.

Темнѣетъ. Прохладный, сырой вѣтерокъ подсказываетъ намъ близость воды. Вотъ она эта пограничная рѣченка. Навстрѣчу надвигается стѣной высокій берегъ. Вдали снова рощи. Тамъ благословенная Богомъ Галиція, колыбель моихъ предковъ. Ускорили движеніе. Необходимо до темноты влѣзть въ какую-нибудь пустую «халупу»*) и установить наблюденіе. Сосѣдній разъѣздъ гусарскаго корнета Мальцова ушелъ вправо. Вотъ замелькали въ кустахъ гуськомъ двигающіеся его сѣрые конскіе зады.

Скоро сумерки закрыли все. Перемахнули черезъ деревянный ветхій мостикъ. Короткое громыханіе досокъ подъ подковами и рѣченка осталась сзади. Впереди Австрія — и только врагъ.

Совсѣмъ черно стало, когда, послѣ движенія по проселочной дорогѣ, я остановилъ головной дозоръ и разъѣздъ достигъ первой галиційской деревни. Тихо обошелъ я ее и все стараясь прикрыться гущей деревьевъ, ищу возможности сдѣлать первый привалъ и послать первое донесеніе. Дозоры сблизились. Напряженіе нервовъ большое, вслѣдствіе темноты и опасности, а потому пытаюсь изо всѣхъ силъ отвлечься отъ дѣйствительности. Леонтовичъ дѣлаетъ тоже самое и, признаться, ему удается это лучше, чѣмъ мнѣ. Я слышу его тихій смѣхъ и вижу веселыя лица слушающихъ его драгунъ.

Стогъ душистаго свѣже скошеннаго сѣна пре-

*) Избу.

красная для меня опора, спина унтеръ-офицера замѣняетъ столъ.

Донесеніе готово и нѣсколько минутъ спустя везущій его развѣдчикъ исчезаетъ въ сторону Россіи и изъ глазъ.

Сѣли. Тронулись дальше. Идемъ ощупью, какъ слѣпые, стараясь по мѣрѣ силъ дѣлать возможно меньше шума. Каждый малѣйшій звукъ или трескъ болѣзненно отражается — думается, не только во мнѣ, но и въ каждой жизни теперь порученной моему опыту и военнымъ знаніямъ. А, въ сущности, какъ малы они этотъ опытъ и знаніе. Ихъ господинъ — Его Величество Случай.

Лѣсъ отодвинулся дальше вправо и влѣво. Разъѣздъ медленно выползъ на жнивья. Кругомъ моремъ колеблется высокій налившійся колосъ. Одну тропку — среднюю, закрытую съ обѣихъ сторонъ высокими стеблями пшеницы, выбралъ наугадъ головной дозоръ. И продолжаетъ вести насъ ощупью вглубь Галиціи.

Стопъ! — внезапно остановились передніе всадники и одинъ изъ нихъ тихо свистнулъ. Этотъ звукъ вѣрно каждаго изъ насъ парализовалъ одновременно.

Начинается! вотъ она первая встрѣча. Такое страшное и вмѣстѣ съ тѣмъ необъяснимо влекущее чувство, пробудилось гдѣ то внутри меня.

Сознаніе важности святого долга, присяги, гордости призванія каждаго военнаго во всѣхъ странахъ и черезъ всѣ вѣка исторіи.

«Ваше высокоблагородіе! Вотъ они! Австріяки — совсѣмъ близко. Слышите? Стучатъ. Глядите, идутъ по линіи ихъ огоньки. Стало быть окопы роютъ — проволочку закручиваютъ», тихо и бы-

стро шепчетъ мнѣ бравый унтеръ Чернышъ, старшій передняго дозора. Вытянувъ руку, Чернышъ силится указать мнѣ точное расположеніе австрійскихъ патрулей.

Темно, хоть глазъ выколи, и все это мѣшаетъ мнѣ что либо разгадать въ окружающей насъ мглѣ.

Внезапно явственно услышалъ вблизи однотонный трескъ и стукъ вбиваемыхъ въ землю кольевъ. Вѣтеръ подулъ къ намъ. Хорошо стало слышно гулъ голосовъ. Отрывочныя фразы слились въ общій хаосъ звуковъ, отнесенныхъ въ нашу сторону.

Сознавая отлично, что кто-нибудь въ этомъ случаѣ изъ насъ неминуемо выдастъ свое присутствіе, шепотомъ отдаю приказаніе налѣво кругомъ и отходимъ, спрятаться въ лѣсъ.

Въ пшеницѣ оставилъ трехъ драгунъ при унтеръ офицерѣ. Послѣдній провѣрилъ со мной дорогу къ намъ, чтобы не оторваться. Первая цѣль разъѣзда достигнута, налажена связь съ врагомъ — осталось лишь выяснить, откуда двигается непріятельская пѣхота, примѣрно, ея силу и далеко-ли отъ нея до штаба и главныхъ силъ.

Уже близилось къ полуночи и стала чувствоваться необходимость отдыха для измученныхъ драгунъ и лошадей. Быстро и безшумно передвинулись еще дальше вглубь лѣсной чащи. Разставивъ часовыхъ во всѣ стороны и назначивъ смѣну черезъ два часа, мы вдвоемъ съ Леонтовичемъ улеглись, подославъ плащи прямо между стволами деревьевъ. Вздремнуть хоть-бы до разсвѣта.

Не тутъ-то было. Не прошло и получаса, какъ разразилась надъ нами лѣтняя южная гроза. Полилъ крупный дождь. Одежда наша моментально

вся вымокла. Раскаты грома и безпрерывная молнія бороздила небо и освѣщала поминутно причудливыя очертанія лѣсныхъ стволовъ и околицу деревни впереди. Она казалась совсѣмъ близко, хотя до нея и было почти съ версту. Черезъ часъ мы отошли снова въ пшеницу и я послалъ драгунъ, обогнувъ село, высмотрѣть по смежности, нѣтъ-ли тамъ австрійцевъ.

Прибылъ оставленный въ пшеницѣ съ вечера унтеръ-офицеръ и его люди. Ничего новаго онъ принести съ собой не могъ.

Сложилось у него лишь убѣжденіе, что впереди австрійцевъ человѣкъ 400-500 не больше. Стоятъ бивакомъ, впереди наблюдатели за работами, начальники съ фонарями. Курятъ и громко разговариваютъ. Итакъ, наше присутствіе у нихъ подъ бокомъ благополучно еще не замѣчено.

Пожалѣлъ я тогда, что мой бравый унтеръ не понимаетъ нѣмецкой рѣчи. Какую, думалось мнѣ, драгоцѣнную услугу онъ-бы тогда могъ оказать дивизіи.

Леонтовичъ оказался по нѣмецки еще слабѣе. Нашъ общій репертуаръ, кромѣ слышаннаго мною въ дѣтствѣ: « Gehe zùm Teufel! » « verfluchter » какъ прочихъ ругательныхъ формулъ дальше не шелъ. Слабыя познанія — при столь важныхъ обстоятельствахъ. Крѣпко поблагодаривъ унтеръ-офицера за обстоятельныя наблюденія, тутъ-же послалъ я ему на смѣну другого. Затѣмъ, набросавъ подъ еле замѣтнымъ лучемъ карманнаго фонарика донесеніе генералу о видѣнномъ и слышанномъ, козюльками, въ силу обстоятельствъ, изобразилъ внизу схему непріятеля и его мѣсто.

Очередной развѣдчикъ, спрятавъ въ отогнутый отворотъ шинели драгоцѣнный конвертъ, исчезъ въ кромѣшной тьмѣ. Вернулась связь. Опять ничего! Задолго до разсвѣта тихо, тихо поползли мы снова гуськомъ впередъ, затѣмъ подальше тронулись въ лѣсу рысцой на западъ вглубь вражеской страны. Обогнули деревушку. Обкрутившіе ее дозоры, ничего не замѣтивъ, кромѣ собачьяго лая, уперлись намъ въ хвостъ.

Компасъ мой точно ведетъ разъѣздъ на западъ даже безъ дороги — прямо тропинками. Тихо, тихо. — Яркія звѣзды загорѣлись на мѣстѣ разбушевавшейся стихіи. Гроза теперь только поблескивала тамъ далеко сзади насъ, уходя за черту горизонта. Ноги высохли и мы стали снова бодрыми и веселыми — или вѣрнѣе, дѣлали каждый передъ собой этотъ видъ. Леонтовичъ передо мной и я передъ прапорщикомъ — естественно, чтобы не ударить лицомъ въ грязь. Вызвавшись охотниками, чтобы вывести насъ на проѣзжую дорогу, Леонтовичъ и съ нимъ четыре драгуна отдѣлились и скрылись въ темнотѣ. Связавшись «цѣпочкой связи» — разъѣздъ все-же продолжалъ медленно брести передъ собой.

Не прошло и получасу какъ въ лѣсу раздался гулко стукъ копытъ и голоса. Мы насторожились. Оградивъ себя надеждой на Леонтовича, я все-же насторожился и замеръ на мѣстѣ, отойдя въ чащу. Два драгуна во мгновеніе ока вынеслись впередъ узнать въ чемъ дѣло.

Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ уже подъѣзжали два конныхъ: офицеръ и солдатъ съ пикой, къ счастью безъ флюгера, а то у насъ душа окончательно-бы въ пятки ушла. Оба всадника оказа-

лись изъ разъѣзда 7-й дивизіи — корнетъ Ольвіопольскаго Уланскаго полка. Поздоровавшись съ нами, онъ поспѣшилъ разсказать, что его дивизія, атаковавъ ночью австрійское сторожевое охраненіе, потѣснила его и заняла таловую дорогу на Сокаль.

Непріятельская пѣхота передвинулась къ югу отъ насъ и заняла позицію примѣрно возлѣ деревни Ульвовекъ, въ неснятыхъ поляхъ.

Такимъ образомъ картина стала передъ нами совершенно ясная. Именно на этого австрійца и натолкнулись мы ночью въ пшеницѣ. Поблагодаривъ любезнаго корнета, отмѣтивъ на своей картѣ расположеніе 7-й дивизіи и противника, мы снова тронулись дальше.

Выйдя на большую Сокольскую дорогу, разъѣздъ мой повернулъ на юго-востокъ. Потянулись кругомъ желтѣющія поля, только что надувшіяся колосомъ ржи и пшеницы.

Кое-гдѣ пересѣкали насъ рощицы молодыхъ дубковъ и орѣшника, что окаймляли виднѣвшіеся въ отдаленіи отдѣльные хутора и хозяйства. Подъ слабыми лучами разсвѣта стали отчетливо выдѣляться верстахъ въ 4-хъ къ востоку село Ульвовекъ съ его черепичными крышами, вишневыми садами и круглымъ куполомъ уніатской церкви посерединѣ.

Все тѣмъ-же порядкомъ, рысцей, продолжали мы свой путь, но только, свернувъ въ рожь, чтобы лучше скрыться отъ постороннихъ глазъ. Леонтовичъ, выполнивъ свою миссію, снова подремывалъ, замыкая нашъ слѣдъ.

— Ваше Высокоблагородіе! Что это блеститъ вонъ тамъ, шагахъ этакъ въ 300-хъ по надъ рожью, — вдругъ доложилъ мнѣ подъѣхавшій вплотную

одинъ изъ чиновъ праваго дозора молодцоватый ефрейторъ, рыжеусый Васильевъ. На груди его двѣ георгіевскихъ ленточки. Крестъ и медаль за Петроковскіе зимніе бои говорятъ сами за его храбрость и опытъ.

— Разрѣшите, я мигомъ слечу, узнаю, добавляетъ онъ.

— Ѣдемъ вмѣстѣ, было отвѣтомъ съ моей стороны и черезъ мгновеніе мы оба вдали отъ разъѣзда, порученнаго Леонтовичу. Послѣдній остановился въ ожиданіи результата моего маневра

Неотлучный нянька, Коханскій, ворча что-то себѣ подъ носъ, механически послѣдовалъ на хвосту моей рыжей нѣмецкой кобылы.

Не успѣли мы сдѣлать и двухсотъ шаговъ, какъ изъ пшеницы, примѣрно на постоянный прицѣлъ грянулъ залпъ, затѣмъ другой, третій, и началась совсѣмъ близко сзади безпорядочная, хотя и учащенная стрѣльба. Гдѣ-то далеко вправо затрещалъ медленный пулеметъ. «Австрійскій», — пронеслось въ головѣ.. — «Нашъ гораздо чаще!» — Зарокоталъ и смолкъ.

Пули затукали надъ самыми головами. Если бы только чуть ниже — не видать мнѣ больше свѣта, — подумалъ я...

— Ваше Высокоблагородіе! Тикайте, вонъ они гдѣ, — совсѣмъ подъ бокомъ, — рявкнулъ впереди Васильевъ и шарахнулся каррьеромъ прямо черезъ поле, параллельно нашимъ. Взмахнувъ рукой, чтобы разсыпались, я, что было духу, пошелъ за нимъ. Пули уже свистѣли со всѣхъ сторонъ. Какъ ни скоро все это произошло, я все-же успѣлъ замѣтить шагахъ въ ста скакавшихъ лѣвѣе меня Леонтовича и моихъ драгунъ. Они мчались, уже широко раз-

сыпавшись во всѣ стороны. Обернулся назадъ. Увидѣлъ близко, близко группу людей къ кепи. Одинъ внимательно разглядывалъ насъ въ бинокль. «Начальникъ»! — тутъ-же подумалъ я.

Давъ шпоры кобылѣ, бросился догонять Васильева. Да не тутъ-то было. Секунда и лошадь моя кувыркнувшись черезъ голову, лежала, мотая ногами въ канавкѣ.

Другая минута, и я уже теперь пѣшій съ револьверомъ въ рукѣ, запыхавшись, бѣжалъ, пытаясь догнать кобылу. Съ болтающимся подъ животомъ сѣдломъ она уже была далеко впереди. Безумiе догнать. Что дѣлать? Положеніе, какъ говорятъ пиковое. Драгуны умчались. Сзади идутъ цѣпью аврстійцы. Вонъ они въ темныхъ шинеляхъ шагахъ въ четырехстахъ. Я видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ на ходу прицѣливались и стрѣляли. Здѣсь духъ захватило. Почувствовалъ ясно, что если не удвою усилій, не попытаю невозможнаго — догнать своихъ, — то я пропалъ.

Судорожно сжималъ въ вытянутой рукѣ свое единственное спасеніе — Наганъ. Сердце билось такъ сильно, какъ будто готовое выскочить. Голова налилась, какъ свинцомъ. Кое-какъ взявъ себя въ руки, собралъ послѣднія силы и ускорилъ бѣгъ. Вотъ показалась вблизи рыжая морда моей кобылы, раздувавшая отъ страха ноздри, а за ней Коханскій, мой спаситель.

Въ одно мгновеніе онъ уже возлѣ меня — подбросилъ меня на сѣдло.

Я былъ, какъ во снѣ, когда несся рядомъ вдогонку нашимъ. Помню, какъ перекрестился и въ душѣ благодарилъ Господа Бога и своего земного защитника Коханскаго.

Разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ врага, удвоилось, и мы уже были внѣ опасности. Теперь уже можно спокойно оглянуться назадъ. Различивъ широкую цѣпь Австрійской пѣхоты, идущей по ржаному полю, по тому полю, по которому такъ недавно, съ четверть часа назадъ мы передъ тѣмъ, такъ безпечно шли шагомъ въ увѣренности, что до непріятеля далеко и что послѣдняго всегда успѣемъ замѣтить во время и улизнуть.

Вскорѣ я уже былъ среди своихъ и выслушивалъ Леонтовича. Прапорщикъ торопливо пояснялъ, какъ занятый сборомъ метнувшихся во всѣ стороны драгунъ, онъ и не замѣтилъ случившагося со мной происшествія.

Одинъ изъ заднихъ унтеръ-офицеровъ (фамилію уже теперь не помню) во время бѣгства былъ раненъ. Онъ сейчасъ съ искривленной улыбкой показываетъ мнѣ свою бѣлую перевязанную рубахой руку. Къ счастью, кость не задѣта, а лишь прострѣлена оказалась мякоть. Счастливо отдѣлался мой драгунъ.

Крупной рысью ѣхали мы, чтобы присоединиться къ своимъ.

Вѣроятно очень быстро наткнулись на линію нашихъ дозорныхъ Конно-гренадеръ. Они чуть-чуть не обстрѣляли насъ, конечно, принявъ было издали за разъѣздъ противника. Мои дозорные замахали платками и фуражками, чѣмъ и вывели ихъ изъ недоумѣнія.

— Далеко-ли полкъ? — былъ мой вопросъ, обращенный къ командиру взвода Конно-Гренадеръ — корнету князю Трубецкому.

— А тамъ, за рѣчкой — вся Ваша бригада конвертомъ стоитъ — коротко отрубилъ мнѣ Трубец-

кой и умчался въ облакѣ пыли за хвостами своихъ вороныхъ коней.

Снова, какъ тогда вечеромъ, загрохотали подъ копытами доски, миновали рѣчку и уже минутъ десять спустя моимъ приключеніямъ наступилъ конецъ.

Я съ виноватымъ видомъ и безъ фуражки и съ пустой кабурой (фуражку и револьверъ потерялъ при бѣгѣ) подъѣзжалъ къ группѣ офицеровъ, столпившихся вокругъ генерала Джунковскаго, моего командира. Видъ у меня былъ дѣйствительно еще аховый, взъерошенный, грязный; я доложилъ свои злоключенія и продемонстрировалъ своего раненаго. Онъ былъ немедленно эвакуированъ въ тылъ.

Теперь неотступно преслѣдовала меня въ мозгу одна и та-же глупая фраза, — мысль, слышанная когда-то въ дѣтствѣ:

«Все хорошо, что хорошо кончается». Такимъ образомъ и прапорщикъ 17-го гусарскаго полка Леонтовичъ и его не совсѣмъ удачный учитель въ боевой наукѣ получили одновременно первое удовольствіе видѣть многихъ «Австріаковъ» у себя за спиной.

Да кромѣ того, тутъ-же получилъ хорошій нагоняй отъ добрѣйшаго командира эскадрона за раненаго драгуна и совершенно измотанныхъ лошадей.

Одинъ только генералъ Джунковскій поблагодарилъ меня за хорошее донесеніе, единственное въ дивизіи пришедшее во время. Своими подробностями оно изрядно напугало и гораздо болѣе штабъ, чѣмъ самого генерала Княжевича. Послѣдняго запугать было дѣйствительно не легко.

Уже пятнадцать долгихъ лѣтъ прошло, но какъ

тогда, такъ и сейчасъ, вижу передъ своими глазами и этотъ лѣтній розоватый разсвѣтъ на ржаномъ полѣ живописной Галиціи и темныя шинели вражеской цѣпи, мелькающей на фонѣ желтаго колоса такъ близко за моей особой. Она довольно плохо стрѣляла въ то веселое для меня утро.

Возьми она прицѣлъ чуть-чуть ниже и тогда-бы пресѣклась моя жизнь и, быть можетъ, и жизнь многихъ моихъ драгунъ.

Николай Главацкій.

Парижъ. Августъ 1929.

Какъ голубки летятъ на свиданіе
И передъ бурей несутся грачи,
Такъ примчались на наши страданія
Милосердныя сестры — врачи.

«Опочна» — шт.-р. **Ѳеодоръ Главацкій.**
Декабрь 1914.

МОЕ РАНЕНІЕ

Въ сумеркахъ горячаго лѣтняго дня возвращался я послѣ мѣсячнаго отпуска изъ Петрограда въ ряды третьяго эскадрона. По дорогѣ въ штабъ бригады явился къ командиру, Свиты генералу графу Нироду. Здѣсь узналъ, что полки стоятъ на отдыхѣ, поддерживая охраненіе сторожевыми эскадронами.

Впереди нѣмцы ввели недавно противъ насъ въ окопы части «ландштурма», въ черныхъ шинеляхъ. Они стоятъ смирно и незамѣтно сзади нихъ пока никакого шевеленія.

Въ гостепріимномъ штабѣ, гдѣ любовь къ полку безъ границъ чувствуется сверху до самаго низу, пробылъ не больше получаса и двинулся къ мѣсту эскадронной стоянки.

Пришлось ѣхать верстъ десять-двѣнадцать. Нѣмецкая рыжая моя кобыла, воспоминаніе Лыкскихъ боевъ въ Восточной Пруссіи, отдохнувшая и разжирѣвшая въ обозѣ, тащила меня такой крупной рысью, что слѣдовавшая сзади моя неустанная нянька, вѣстовой-ефрейторъ Коханскій, еле поспѣвая, ворчалъ всю дорогу.

Мнѣ же было весело и какъ-то легко на душѣ!

Совсѣмъ стемнѣло уже, когда я, наконецъ, добрался до своихъ драгунъ.

Въ халупѣ полѣщука, на околицѣ бѣдной деревушки, гдѣ нищета всегда царитъ кругомъ, засталъ я командовавшаго въ ту пору для ценза эскадрономъ ротмистра Димитрія Ѳеодоровича Эксе.

Пріобрѣвшій себѣ европейскую славу въ спортивномъ мірѣ, старый товарищъ по корпусу, цукавшій меня на школьной скамьѣ, Эксе встрѣтилъ теперь меня исключительно привѣтливо.

Къ сожалѣнію, не успѣлъ тогда подѣлиться съ гг. офицерами своими свѣжими столичными впечатлѣніями. Очень скоро пришло приказаніе занять на разсвѣтѣ эскадрону сторожевку. Спѣшили всѣ быстро отоспаться, такъ какъ усталые и измученные предыдущими постоянными походными передвиженіями, гг. офицеры и драгуны нуждались на утро въ свѣжихъ силахъ. Вскорѣ все спало въ халупѣ мертвымъ сномъ. На слѣдующій день, двадцать перваго августа пятнадцатаго года, около семи часовъ утра эскадронъ въ пѣшемъ строю уже занималъ боевой участокъ на позиціи Венденскаго полка.

На буграхъ влѣво и впереди виднѣлась деревня Здзитово, затерянная въ Пинскихъ болотахъ. Прямо передъ глазами были нѣмецкіе окопы. Впро-

чемъ, тогда эти окопы были совсѣмъ не видны, все какъ будто замерло.

Влѣво цѣпью разсыпался четвертый (ротмистръ барона Ник. Павл. Неттельгорстъ), вправо 6-й эскадронъ (ротмистра Влад. Петр. Римскаго-Корсакова).

Драгуны моего спѣшеннаго полуэскадрона заняли лощину. На ней кое-гдѣ ютились отдѣльные полуразрушенные сараи покинутыхъ хозяйствъ.

Самъ я весьма комфортабельно устроился на одномъ изъ такихъ заброшенныхъ хуторовъ.

Здѣсь и порѣшили пока наблюдать за ходомъ наступленія Венденскаго полка. Его цѣпямъ было приказано въ это утро съ боемъ выяснить силу нѣмецкаго охраненія и сбить его изъ окоповъ.

Тутъ ко мнѣ подошелъ сосѣдній командиръ взвода четвертаго эскадрона поручикъ С. А. Загорскій.

Какъ всегда, съ присущимъ ему краснорѣчіемъ объяснилъ онъ полученную наканунѣ боевую задачу. Изъ его словъ я понялъ, что ему предстояло въ этотъ день со своимъ взводомъ прикрывать Венденскихъ пулеметчиковъ, или иначе говоря, въ случаѣ атаки Венденцевъ ему, Загорскому, надлежало также атаковать прикрытіе одновременно и, конечно, въ конномъ строю. Выбить бородатыхъ ландштурмистовъ изъ окоповъ, обойти ихъ и преслѣдовать, рубя шашками, какъ капусту.

Иначе говоря, вплести новые побѣдные лавры въ Славную Исторію полка и всей родной намъ Кавалеріи.

Закусивъ основательно моимъ съѣстнымъ и своей водкой «панъ Загорскій», какъ принято было его величать, ушелъ къ своимъ людямъ.

Моя бездѣятельность начала меня злить. Взялъ у взводнаго бинокль, сталъ наблюдать наши разрывы и движенія сзади нѣмецкихъ бугровъ. Чтобы лучше видѣть, быстро взобрался я на ветхую крышонку сарая, свѣсилъ ноги и принялся глядѣть на разстилавшуюся внизу открытую равнину. Она уходила далеко въ туманный горизонтъ.

Былъ знойный лѣтній день.

На прозрачно голубомъ небѣ, кое-гдѣ носились «барашками» молочныя облака.

Были рѣзко замѣтныя на прозрачной синевѣ неба быстро расплывавшіяся бѣлые дымки-разрывы шрапнелей.

Послѣ отчетливо слышнаго каждаго отдѣльнаго выстрѣла нашихъ орудій, нѣмецкія пушки немедленно отвѣчали и даже чаще нашихъ рвался нѣмецкій «шрапъ» надъ лѣсомъ гдѣ-то далеко сзади.

— Слышите, какъ «щупаютъ» нашу пятую батарею, Ваше Выскоблагородіе, — сказалъ подошедшій усатый унтеръ Бѣляевъ, смотрѣвшій подомною въ бинокль.

Скоро и невооруженнымъ глазомъ обозначилась ясно черная живая лента, двигавшейся влѣво подъ самымъ горизонтомъ, германской походной колонны.

Отъ нея теперь раздѣляло насъ добрыхъ двѣ версты.

Провѣривъ ея положеніе по картѣ, я послалъ драгуна передать видѣнное бывшему съ нами впереди наблюдателю 5-й Гвардейской конной батареи.

Тотъ немедленно протелефонировалъ своему

взводному офицеру съ просьбой направить огонь въ точно указанное мѣсто.

Между тѣмъ ружейная стрѣльба съ нѣмецкой стороны до этого времени очень рѣдкая, сразу замѣтно участилась. Врагъ сталъ оживленно покрывать пулями наши бугры.

Щелканіе пуль и разрывы германскихъ снарядовъ ложились теперь все ближе и ближе.

Видно было, что бой занимался съ обѣихъ сторонъ. Наши пулеметы зарокотали гдѣ-то слѣва, а 5-ая батарея, удачными попаданіями привела нѣмцевъ сразу въ нѣкоторое замѣшательство, а затѣмъ и даже въ полное смятеніе.

Замелькали тамъ далеко передъ глазами черныя точки возлѣ того мѣста, гдѣ, какъ было извѣстно намъ, шла линія непріятельскихъ окоповъ.

— Ваше Высокоблагородіе, — слѣзайте сейчасъ-же, иначе Васъ очень замѣтно, видите Германъ даже стрѣляетъ теперь по нашему сараю, глядите, какъ пули близко идутъ, — ворчливо затараторилъ внизу «моя неизмѣнная нянька», ефрейторъ Коханскій (мой вѣстовой).

Оставивъ мою кобылу съ «коноводами», онъ и тутъ почелъ долгомъ своимъ неустанно надоѣдать мнѣ неумѣстными замѣчаніями.

Я сильно упрямъ въ особенности, когда такъ интересно и какъ на ладони развертывается передо мной картина близкаго пѣхотнаго боя. Конечно, и на этотъ разъ не послушался я опять предостереженія «хранителя мой особы».

Видно дождался таки! Минутъ черезъ десять что-то вблизи плюхнуло и я одновременно почувствовалъ ударъ по лѣвой ляшкѣ, что свисала внизу. Ударъ былъ настолько силенъ, что я еле удер-

жался руками за поперечную балку, чтобы тутъ-же не слетѣть внизъ—прямо на голову одному изъ стоявшихъ драгунъ. Сверху оторвался отъ косяка кусокъ дерева и шандарахнуло его внизъ съ глухимъ стукомъ.

Нагнулся, увидѣлъ, что штаны въ крови, и лѣвый сапогъ прорванъ тамъ, гдѣ у кавалериста находится шенкель. Медленно сползъ по столбу. Ногу, какъ свинцомъ, налило.

— Ваше Выскоблагородіе! никакъ васъ хватило пулей! — раздались участливые голоса драгунъ; меня мигомъ подхватили подъ мышки и вынесли, несмотря на то, что упирался еще, вонъ изъ сарая. Потащили назадъ, къ перевязочному пункту. Замѣтилъ испуганное лицо бѣжавшаго ко мнѣ взводнаго Некрасова.

Тутъ-же, помню, нагналъ меня встревоженный командиръ сосѣдняго эскадрона ротмистръ Римскій-Корсаковъ. Онъ принялся отечески меня ругать, а затѣмъ, подсадивъ, на одну изъ своихъ лошадей, повелъ лично на перевязочный пунктъ.

Минуя группу офицеровъ шестого эскадрона, увидѣлъ группу выскочившихъ младшихъ офицеровъ. Они ласково мнѣ что-то кричали. Разслышалъ лишь слова бывшаго съ ними поручика Ставскаго. Онъ поздравлялъ меня съ «боевымъ крещеніемъ». И душевная заботливость Римскаго и участливое обращеніе такого героя, какимъ былъ покойный А. Д. Ставскій, глубоко меня тронули.Онѣ были тогда пріятнѣе лучшей аттестаціи свыше.

На Венденскомъ перевязочномъ пунктѣ осмотрѣвшій меня передъ наскоро сдѣланной перевязкой, врачъ, объявилъ, что это пустяки — глупое слѣпое раненіе.

Тутъ мнѣ вдругъ сдѣлалось очень совѣстно и все время казалось, что среди этихъ страшныхъ страданій и безмолвной агоніи, я внезапно втерся волей судьбы, какъ комическій элементъ. Я чувствовалъ, что оторвалъ драгоцѣнное время своей пустой царапиной у врача и сестры.

— Недѣли двѣ гулянія вамъ хватитъ, поручикъ? — насмѣшливо произнесъ докторъ и блеснувъ въ мою сторону круглыми очками, сейчасъ же подписалъ карандашомъ перевязочное свидѣтельство.

На самомъ дѣлѣ, больше мѣсяца провалялся я на бѣлоснѣжной койкѣ Шефскаго Благовѣщенскаго Госпиталя въ казармахъ Конной Гвардіи.

Какъ рождественскаго гуся, откармливали меня здѣсь, предупреждали малѣйшее мое желаніе, а затѣмъ напослѣдокъ удостоился я привѣтливой Аудіенціи обожаемаго Августѣйшаго Шефа въ одномъ изъ Ея покоевъ Мраморнаго Дворца.

Ея Императорское Высочество, покойная Великая Княгиня Марія Павловна очень подробно и милостиво разспрашивала меня о томъ, въ какомъ положеніи и въ чемъ нуждаются Ея Драгуны тамъ, далеко на театрѣ войны.

Самое тяжелое во всей этой авантюрѣ, конечно, было не самое раненіе, оно скорѣе носило характеръ фарса. Но зато физически длительнымъ мученіемъ было необходимое путешествіе отъ Штаба бригады къ тылу до полкового обоза. Всю ночь и подъ проливнымъ дождемъ подбрасывало ежеминутно мое бренное тѣло въ узкой двуколкѣ по мерзкой досчатой тарахтящей дорогѣ, въ хвостахъ безконечныхъ обозовъ. Какъ общее правило, послѣ нѣсколькихъ шаговъ впередъ, часами простаи-

валъ я пока двинутся колеса идущей впереди повозки.

Только наутро наткнулись, конечно, неожиданно, на нашъ обозъ 2-го разряда. Отсюда меня живо доставили на ближайшую станцію на погрузку въ слѣдующій на сѣверъ санитарный поѣздъ.

Уже по выздоровленіи, то-есть мѣсяца черезъ два спустя, узналъ я случайно, что въ то памятное утро «великолѣпный пани Загорскій» превзошелъ самого себя.

За дѣло съ Венденскими пулеметами — «Атаку въ конномъ строю и захватъ тактической высоты» поручикъ С. Ант. Загорскій былъ награжденъ по представленіи начальника боевого участка «георгіевскимъ оружіемъ».

Дѣломъ «Пана Загорскаго» доблестные Гвардейскіе Драгуны Штандартнаго Эскадрона пріобщили новую страницу къ Исторіи Полковой Славы.

Что же касается меня, то послѣ непріятной прогулки отъ боя къ тылу, я значительное время переживалъ снова нѣчто похожее на медовый мѣсяцъ молодожена....

Николай Главацкій.

Іюль. 1928.
Ночь.

КАКЪ «ПАНЪ ЗАГОРСКІЙ» ВСТРѢТИЛЪ НОВЫЙ СТРОЙ

Вспоминаются другіе дни, мрачные тусклые, подъ стать разстилающейся передъ нами плоской равнины рѣки Горыни, стянутой длиннѣйшимъ мостомъ.

Тамъ — по ту сторону воды, виденъ, какъ на ладони, древній городъ Острогъ. Историческій уголокъ. Въ немъ крѣпла и развивалась культурная власть могучихъ князей-изгоевъ, непокорныхъ Кіевскому Столу.

Бѣлый пятиглавый соборъ XV-го вѣка, усыпальница князей Острожскихъ, какъ невѣста, красная-ряженая, блеститъ червонными куполами, сіяетъ въ отблескахъ весенняго солнечнаго луча, уходя къ небу. Какъ въ старину гордо хранитъ святыня древняя твердыню православія среди безчисленныхъ лѣсовъ и болотъ уніатствующей Волыни.

Здѣсь застали Гвардейскихъ Драгунъ страшные дни переворота 3-го марта 1917 года... Съ утра сыпятся, какъ горохъ, въ тѣсный уголокъ канцеляріи на голову адъютанту Горбатовскому вѣсти изъ столицы, одна другой ужаснѣе. Приправленныя «ев-

рейскими» комментаріями, единственнаго здѣсь печатнаго органа «Кіевской Мысли», — слухи и новости смѣняютъ другъ друга съ головокружительной быстротой. Россійская Имперія пала. Старый режимъ, подъ которымъ, служа примѣромъ нынѣшнему поколѣнію, умирали отцы и дѣды за свою честь и славу Россіи, ставя ихъ выше всего, — внезапно оборвался.

Императорская Гвардія, кровью безчисленныхъ предковъ защищающая устои Государственности, «преклонила свои сѣдые штандарты новому строю».

Старый, тучный уже больной съ Георгіемъ на шеѣ «За Восточную Пруссію» генералъ-отъ-кавалеріи Ханъ Нахичеванскій выѣхалъ въ Петроградъ.

Въ ту-же мрачную ночь, не захотѣвъ мириться живымъ съ происшедшимъ и непоправимымъ, начальникъ штаба генералъ баронъ Винекенъ выстрѣломъ изъ револьвера, покончилъ съ собой.

Не подчиниться — неизвѣстно еще какой бѣды наживешь! Изъявить полную покорность и, надѣвъ красные банты, плыть по теченію, какъ-то зазорно, но привычка повиноваться такъ сильна, что и совѣсть заговорить можно — авось и это временно!...

Рѣшаютъ... принять — пока, и возможно дольше, выжидательное положеніе. Между тѣмъ событія мчатся съ головокружительной быстротой. Комитеты — пышныя пустыя фразы... Въ полку, — среди солдатъ Лейбъ-драгунъ, замѣтна яркая агитація противъ офицеровъ, идущая и руководимая кучкой писарей и конно-саперъ. Во главѣ стоитъ штабной писарь израильской внѣшности и замашекъ.

Ворвалась въ доселѣ замкнутую кастовую

жизнь гвардейской части, волна подлаго безприципнаго іудейскаго цинизма. Ворвалась и покатилась, свершая, и здѣсь, какъ повсюду, постепенно свое подлое дѣло. Старые сверхсрочные унтеръ-офицеры стали въ тупикъ и не знаютъ, что дѣлать и какъ совмѣстить со старымъ уставомъ новую «декларацію правъ солдата».

Честнѣйшій рыцарь душой и человѣкъ долга баронъ Виталій Павловичъ Неттельгорстъ, старшій полковникъ, сразу одолѣлъ трудность положенія. Дисциплина требуетъ и мы должны все бросить и ради сохраненія единенія воинской чести передъ лицомъ врага, покориться неизбѣжности.

Военная прогулка по улицамъ Острога въ конномъ строю — весь полкъ — трубачи играютъ родной маршъ. У многихъ гг. офицеровъ слезы на глазахъ, у другихъ сосредоточенныя, унылыя грустныя лица. Первая сдѣлка съ совѣстью совершена, одѣли красные банты! Одинъ штабсъ-ротмистръ С. С. Александровскій, не явился и, вызванный по дѣламъ службы, при оружіи, старшему полковнику — сказалъ, что «повиноваться убійцамъ своего отца не въ силахъ!» *).

А въ это время между тѣмъ у былой старой крѣпости, воспѣтой безсмертнымъ Гоголемъ, тамъ вдали отъ всѣхъ жуткихъ новостей въ пограничномъ городкѣ Дубно стоитъ одиноко, отрѣзанный отъ полка полуэскадронъ Лейбъ-Драгунъ. Цѣль его — охрана города и караульная служба. Временно командуетъ гарнизономъ и пріялъ полноту вла-

*) Камергеръ Двора Его Величества С. С. Александровскій, Уфимскій губернаторъ, убитъ революціонеромъ въ своемъ служебномъ кабинетѣ въ февралѣ 1904 года въ г. Уфѣ.

сти командиръ этого полуэскадрона штабсъ-ротмистръ Гвардейскаго Запаснаго полка Сергѣй Антоновичъ Загорскій *). Въ одинъ прекрасный день и въ богоспасаемый городъ Дубно занесло слѣды новизны. Какъ единственный начальникъ воинской части и вполнѣ отвѣтственный за все, штабсъ-ротмистръ Загорскій, замѣтивъ появившееся вдругъ на стѣнахъ города воззваніе «какого-то самозванца и проходимца Бубликова», именующаго себя почему-то «Комиссаромъ Путей Сообщенія какого-то Временнаго Правительства», — приказалъ своимъ молодцамъ, героямъ доблестнаго и славнаго «штандартнаго» эскадрона немедленно его сорвать и уничтожить. Все это ложь и распускается врагами Россіи для ея гибели, — все должно оставаться по старому. Недѣлю цѣлую лихой штабсъ-ротмистръ Загорскій, кавалеръ Георгіевскаго Оружія и Св. Владиміра, полученныхъ въ рядахъ четвертаго эскадрона, поддерживалъ желѣзной дисциплиной своихъ людей порядокъ въ городѣ, согласно своей волѣ и духу старой Императорской Россіи.

Лишь послѣ смѣны, безмолвно покорился онъ общей участи.

Главацкій.

Іюль 1928.
Парижъ.

---

*) Нынѣ командуетъ уланской бригадою въ Сувалкахъ, польскихъ войскъ генералъ С. А. Загорскій.

Штабсъ-Ротмистръ Аполлонъ Колокольцовъ — «Адмиралъ».

Мы стояли въ ту пору, какъ оба послѣдніе годы Великой Войны, въ «стратегическомъ резервѣ». Этотъ резервъ мало говорилъ людямъ, но много вредилъ бѣднымъ конямъ. Постоянныя длительныя передвиженія въ болотистыхъ лѣсахъ Минской губерніи и Волыни, безъ необходимыхъ раціональныхъ условій корма и хорошей питьевой воды, до нельзя изнурялъ конскій составъ нашего полка. Въ одномъ изъ такихъ промежуточныхъ сидѣній полка, 3-му эскадрону, въ которомъ я состоялъ, выпала на долю отвратительная стоянка на берегу замерзшаго озера, въ глухой деревушкѣ Пинскаго уѣзда съ архаическимъ наименованіемъ: «Чамля». Мы, младшіе офицеры, во время такихъ перерывовъ, обычно дѣлили свой досугъ, между сномъ и ѣдой, нескончаемымъ пережевываніемъ общихъ воспоминаній хорошаго прошлаго и боевыхъ впечатлѣній, бьющихъ по нервамъ.

Такъ было и въ этотъ холодный весенній день. Изъ штаба полка — деревни «Теребень» — по теле-

фону сообщили, что прибылъ новый выпускъ прапорщиковъ изъ пажей и училищъ.

Новость была живительная, предстояло разнообразіе темъ, увидѣть новыя молодыя лица, пережить свѣжія настроенія. Стало сразу весело и шумно.

Потянуло всѣхъ познакомиться возможно скорѣе съ прибывшей группой молодежи. Вскорѣ, а это пришлось, какъ разъ въ день полкового праздника 17-го года, появились и они, какъ всегда полагается въ такихъ случаяхъ, выплыли изъ входной двери гуськомъ — другъ за другомъ. Ихъ было нѣсколько. Времени столько прошло съ тѣхъ поръ, что память мнѣ измѣнила — 5, можетъ быть, 6 — точно не помню числа.

Среди нихъ самый младшій и въ какой-то зеленой формѣ — юноша малаго роста, слегка сутуловатый, очень некрасивый, немного смахивающій лицомъ на русскую молодуху, если накрыть ей голову платочкомъ.

«Прапорщикъ Аполлонъ Колокольцовъ! — изъ училища по первому разряду!», пропищалъ онъ фальцетомъ и скромно опустилъ глаза внизъ, когда до него дошла очередь представленія.

Нѣсколько мѣсяцевъ прошло! Новый выпускъ, какъ и все въ полку, тихо растворился въ средѣ своихъ эскадроновъ и быстро покрылся походной пылью. Г. Г. прапорщики ожили, стали проявлять себя, кто какъ умѣлъ и открыли свои молодыя силы и характеры.

Между ними прапорщикъ Аполлонъ сразу ничѣмъ собственно не выдѣлился. Онъ былъ скроменъ даже застѣнчивъ и неразговорчивъ.

Въ одну изъ полковыхъ пирушекъ или, какъ ихъ принято было звать, «бимбусовъ», на просьбу кого-то изъ старшихъ для оживленія засыпающихъ отъ скуки лицъ, было предложено каждому изъ послѣдняго выпуска, показать себя въ интимной обстановкѣ: «кто во что гораздъ!»

«Колокольцовъ, русскую, Колокольцовъ, «matelotte», онъ намъ покажетъ свое искусство», подзадаривали молодого прапорщика, его однокашники.

И, дѣйствительно, внезапно преобразился «прапорщикъ Аполлонъ» — пустился въ плясъ, артистически и съ огнемъ прошелся плавно онъ, какъ русская баба, помахивая платочкомъ. Затѣмъ уже подъ общее одобреніе присутствующихъ мастерски отчеканилъ руками и ногами нѣсколько трудныхъ пассажей, нашумѣвшаго когда-то танца французскаго флота подъ названіемъ «matelotte».

«Настоящій морякъ! — «Адмиралъ!» раздалось гдѣ-то среди зрителей.

Такъ съ тѣхъ поръ и осталось за Колокольцовымъ на всю его жизнь эта кличка, данная ему «за морскія способности».

Время шло. Колокольцова всѣ узнали ближе и онъ сдѣлался общимъ любимцемъ молодежи.

Такимъ образомъ онъ протянулъ въ общей кипучей жизни полка и всю войну, выполняя свой маленькій долгъ, какъ и всѣ, ничѣмъ тогда изъ общей среды, изъ скромности не выступая.

Пронеслись три года...

Проклятая революція смела фронты, подписала позорный миръ, уничтожила все, чѣмъ горди-

лась и свѣтлѣла память старины и величія дорогой Родины.

Не могла лишь погибнуть искорка, тлѣющая въ каждомъ дворянинѣ - офицерѣ — честь, грудью своею защищать правое дѣло и Святую Вѣру.

Группа офицеровъ Лейбъ-Драгунъ, собравъ вокругъ себя кучку добровольцевъ, другой годъ, не щадя здоровія и силъ, билась, какъ умѣла, въ рядахъ Бѣлой Арміи Юга Россіи.

Уже многіе легли. Каждый изъ насъ спокойно ждалъ своей участи: — «отъ судьбы не уйдешь, а пока живъ, сдѣлаю, что въ силахъ и что велитъ долгъ солдата». — Такъ думалъ въ то время каждый изъ насъ, бѣлый офицеръ и доброволецъ.

На одной изъ стоянокъ Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго эскадрона Св. Гвард. Кав. полка Русской Арміи — это было въ апрѣлѣ 20-го года, гдѣ-то на фермѣ, около Джанкоя, неожиданно открылись входныя двери и вдругъ появился бывшій прапорщикъ — теперь съ четырьмя звѣздочками на погонахъ экзотической формы одного изъ «дикихъ» полковъ, бывшій «адмиралъ» Колокольцовъ.

Появился мрачный, хмурый. Неохотно пояснилъ тутъ-же, что тяжело было тянуть походную лямку среди совершенно чуждыхъ ему людей. — «Потянуло безумно его въ свое родное. — Тянуло и сбылось: — отнынѣ я снова среди своихъ», и затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, четко отрубилъ конецъ своего повѣствованія: «Г-нъ полковникъ, разрѣшите немедленно въ боевой нарядъ!» и вытянулся — руку подъ козырекъ.

Помню, что тогда съ трудомъ увѣрилъ его, что сейчасъ перерывъ, а съ первымъ пополненіемъ его желаніе будетъ исполнено и его пошлютъ на Пе-

рекопъ. Два мѣсяца отсутствовалъ изъ эскадрона штабсъ-ротмистръ Колокольцовъ

Подкрался къ нему проклятый «сыпнякъ» и душилъ его сколько могъ, но не задушилъ — судьба готовила ему болѣе свѣтлый удѣлъ.

Вернулся изъ отпуска по болѣзни въ іюнѣ Аполлонъ Адмиралъ, — прямо въ бой и принялъ скоро за отсутствіемъ выбывшихъ за раненіемъ своихъ командировъ и 8-й эскадронъ. Эвакуировали ротмистра Коптева, его замѣститель — полковникъ Александровскій, черезъ мѣсяцъ былъ смѣненъ убитымъ во время атаки ротмистромъ Сергѣемъ де-Виттъ. Тутъ-же 19 іюля въ селѣ Жеребецъ, А. Г. Колокольцовъ бодро принялъ на себя полноту власти и выполнилъ свой долгъ до конца.

Гражданская война въ Крыму приходила къ концу. Почти ежедневными боями село Каховка и весь правый берегъ Днѣпра переходили изъ рукъ въ руки.

Впереди 8-го эскадрона безстрашно и спокойно велъ свой ало-бѣлый флюгеръ навстрѣчу, то «краснымъ курсантамъ», то «бандитамъ Буденнаго» Аполлонъ Григорьевичъ. Люди его любили и вѣрили ему, какъ себѣ.

Видѣлъ я его уже въ концѣ августа усталаго и измученнаго, чернаго отъ пыли, съ постоянными тяжелыми головными болями. Жаловался мнѣ на нихъ, но ни словомъ не обмолвился онъ о справедливой возможности получить себѣ смѣну.

Злой рокъ смѣны ему не далъ.

Тягостные арьергардные бои вершали судьбу Русской Арміи.

Утромъ 1-го сентября 20 года, остатокъ Лейбъ-

Драгунъ 8-го эскадрона, приказаніемъ свыше, снова развернулся на лѣвомъ флангѣ полка, чтобы какъ и многіе десятки разъ, конной атакой, остановить напоръ вдвое сильнѣйшаго врага.

Спокойно поднялъ шашку доблестный штабсъ-ротмистръ, взмахнувъ, блеснулъ ею въ воздухѣ и — опустилъ! Тамъ, далеко за нимъ, какъ стрѣла изъ натянутой тетивы, понеслись на широкихъ интервалахъ, конные люди — послѣдніе бѣлые, гвардейскіе драгуны.

«Пики въ руку, шашки къ бою! направленіе по четвертому взводу корнета Келеповскаго — слышна имъ отчетливо и звонко его послѣдняя команда...

Напоролись на скрытый пулеметъ... Нѣсколько секундъ и шалая пуля сдѣлала свое дѣло.

Тихо склонился на шею лошади штабсъ-ротмистръ Колокольцовъ и убитый наповалъ, скатился съ сѣдла.

Короткимъ ударомъ пулеметъ у красныхъ былъ взятъ, его прислуга изрублена, а остатки наступавшей цѣпи дрогнули и побѣжали.

Старые и молодые г. г. офицеры-лейбъ-драгуны! — Такъ пресѣклась жизнь въ бою на хуторѣ подъ Черненькой послѣдняго командира 8-го эскадрона Гвард. Кав. полка Русской Арміи штабсъ-ротмистра Аполлона Григорьевича Колокольцова — «Адмирала», какъ въ шутку прозвали его однополчане

*
**

СЪ ЛЕЙБЪ - ДРАГУНАМИ ВЪ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНѢ

Въ глубинѣ Африки, 10 лѣтъ спустя послѣ событій гражднской войны, довелось мнѣ получить интересный выпускъ 1-й книги «Лейбъ-Драгуны дома и на войнѣ». Богатый историческій и бытовой матеріалъ, относящійся ко времени двухъ войнъ, заключающійся въ этомъ выпускѣ, позволяетъ надѣяться на то, что дѣло изданія не ограничится однимъ лишь первымъ выпускомъ, но что за нимъ послѣдуютъ и дальнѣйшіе.

Какъ участникъ войнъ, коему не разъ приходилось встрѣчаться въ боевой обстановкѣ съ доблестными Лейбъ-Драгунами, я съ большимъ интересомъ ознакомился съ книгой, въ частности съ наиболѣе интереснымъ лично для меня очеркомъ полк. Главацкаго «Отъ Азовскаго моря до Курской губ. и обратно», описывающимъ тотъ походъ, участникомъ котораго мнѣ довелось быть съ начала до конца и въ теченіе коего судьба соединяла меня неоднократно съ Лейбъ-Драгунами, то, находясь въ ихъ подчиненіи, то принимая командованіе надъ ними, то участвуя бокъ-о-бокъ съ ними въ боевыхъ

дѣйствіяхъ нашихъ славныхъ полковъ противъ большевиковъ.

При всей искренности разсказа полковника Главацкаго, составленнаго, видимо, много лѣтъ спустя и часто со словъ третьихъ лицъ, какъ это указываетъ самъ авторъ, я натолкнулся на довольно крупныя неточности. Зная какой цѣнный матеріалъ для будущаго историка представляютъ собою подобнаго рода записки, беру на себя смѣлость исправить нѣкоторыя мѣста и дополнить ихъ.

Сознавая всю цѣнность точности мемуарныхъ свѣдѣній, я произвелъ немедленно послѣ оставленія Крыма сводку боевыхъ дѣйствій своего роднаго Л.-Гв. Кирасирскаго Ея Величества полка за все время гражданской войны, которая послужила основой составленной совмѣстно съ полковникомъ фонъ Баумгартеномъ «Памятки Кирасиръ Ея Величества за время гражданской войны», изданной въ Берлинѣ въ 1927 г. Хронологія событій была нами строго провѣрена не только въ обществѣ офицеровъ нашего полка, но и совмѣстно съ офицерами другихъ полковъ гвардейской кавалеріи и штабовъ дивизіи и корпуса. Имѣя передъ собой экземпляръ «Памятки» и свои личныя записки и документы, я съ увѣренностью могу исправить и дополнить разсказъ полковника Главацкаго. и написать краткій разсказъ о томъ, что мнѣ пришлось пережить совмѣстно съ Лейбъ-Драгунами.

Впервые пришлось мнѣ встрѣтиться съ ними во время того самаго Акъ-Манайскаго сидѣнія, съ котораго полковникъ Главацкій начинаетъ повѣствованіе. Кадры почти всѣхъ полковъ гвардейской кавалеріи собраны были на небольшомъ участкѣ фронта и начали тамъ свою совмѣстную боевую

работу. До этого времени мы находились въ разныхъ полкахъ и на разныхъ фронтахъ и имѣли возможность встрѣчаться лишь случайно въ тылу.

Въ Апрѣлѣ 1919 г., послѣ оставленія Сѣверной Таврiи въ нашей арміи на всѣхъ фронтахъ произошелъ переломъ въ нашу пользу. Отступленіе кончилось закрѣпленіемъ на позиціяхъ. Онѣ были тѣмъ исходнымъ пунктомъ, съ котораго должно было начаться наше крупное наступленіе. Оно было, наконецъ, назначено на 5 іюня 1919 г. (а не 4 мая, какъ указываетъ полковникъ Главацкій). Около 12 часовъ ночи съ 4 на 5 іюня пишущій эти строки получилъ приказаніе изъ штаба Сводно-Кирасирскаго полка принять въ командованіе всѣхъ безлошадныхъ Кирасиръ Ея Величества въ количествѣ 55 человѣкъ и, сформировавъ стрѣлковый полуэскадронъ, прибыть въ окопы сводnаго полка Кавказской Кавалерійской дивизіи. Однако, по прибытіи моемъ въ окопы, командиръ Кавказскаго полка получилъ уже распоряженіе направить мой полуэскадронъ на Арабатскую стрѣлку для устройства совмѣстно съ моряками дессанта въ тылу у большевиковъ. Къ разсвѣту добрался я до Арабата и двинулся оттуда на присоединеніе къ двумъ пароходамъ «Графъ Игнатьевъ» и «Гидра», находившимися въ 12 верстахъ къ сѣверу. Въ 8 часовъ утра отрядъ мой поравнялся съ пароходами, стоявшими на якорѣ, и я отправился къ старшему морскому офицеру мичману Севастьянову. Канонада въ это время съ полуострова слышна была сильная — ясно было, что развивался крупный бой. Отъ Севастьянова узналъ я, что къ сѣверу отъ насъ находится конный полуэскадронъ Лейбъ-Драгунъ и что наша задача — перетащить три моторныхъ ка-

тера черезъ стрѣлку. Послѣ этого намъ предстояло высадиться на полуостровѣ въ тылу у большевиковъ и дѣйствовать въ зависимости отъ обстановки.

Немедленно принялись мы за дѣло, которое оказалось нелегкимъ. Никакими инструментами и приспособленіями мы не располагали и работа оказалась невѣроятно трудной. Маленькіе легкіе и изящные катера, каковыми они казались въ волнахъ Азовскаго моря, оказались на землѣ чрезвычайно тяжелыми и громоздкими и перекатывая черезъ Стрѣлку, имѣвшую въ этомъ мѣстѣ немного болѣе полуверсты разстоянія въ ширину, мы промучились трое сутокъ. Къ тому же и непредвидѣнное обстоятельство — довольствіе людей въ солончаковой пустынѣ, каковою была здѣсь Стрѣлка, гдѣ не было даже прѣсной воды, необычайно осложнило дѣло.

Къ концу третьяго дня два катера находились уже въ Сивашѣ, но артиллерійская стрѣльба слышна была уже къ сѣверу и ясно было, что вся наша каторжная работа по перетаскиванію оказалась ни къ чему. Въ это время корпусъ нашъ, разбивъ большевиковъ, подходилъ уже къ Джанкою. Не имѣя никакихъ инструкцій отъ начальства, мнѣ предстояло сдѣлать выборъ: возвращаться назадъ на полуостровъ и искать свой полкъ, что было связано съ большой потерей времени въ такую горячую пору или же двигаться на сѣверъ по Стрѣлкѣ для присоединенія къ Драгунамъ. Зная отъ моряковъ, что Драгуны были крайне малочисленны, я рѣшился на послѣднее. 10 іюня я прибылъ въ деревню, названія которой уже не помню, гдѣ расположенъ былъ драгунскій обозъ и явился къ полковнику Римско-

му-Корсакову. Полковникъ Римскій выразилъ большую радость по поводу нашего прибытія. Его эскадронъ былъ численно очень невеликъ (красные занимали позиціи впереди и со дня на день можно было ожидать приказа о наступленіи. Въ деревнѣ, куда я прибылъ, находился лишь обозъ, эскадронъ же продвинулся на 40 верстъ къ сѣверу и занялъ безъ боя. с. Чокракъ. Полковникъ Римскій предложилъ мнѣ выступить вмѣстѣ съ нимъ въ Чокракъ, но недостатокъ подводъ вынудилъ меня воспользоваться предложеніемъ моряковъ перевести кирасиръ на пароходахъ. Къ вечеру того же дня я былъ въ Чокракѣ.

Это громадное богатое село въ плодородной части Стрѣлки, окруженное хуторами. На одномъ изъ нихъ, а именно хуторѣ Чебаненко въ 8 верстахъ къ сѣверу отъ Чокрака остановились конные драгуны. По указанію полковника Римскаго мой полуэскадронъ занялъ сѣверную окраину Чокрака и выставилъ 3 заставы. Южную часть села заняли драгунскій штабъ и обозъ. Разстояніе между нами было такимъ образомъ, около версты.

12 іюня, провѣривъ вечеромъ посты, я вернулся въ свою хату и, не раздѣваясь, легъ спать. Въ полной темнотѣ я былъ внезапно разбуженъ старшимъ заставы № 2, доложившимъ, что съ хутора Чебаненко прискакали три драгуна. На хуторѣ былъ якобы бой и всѣ драгуны погибли. Допросивъ подробнѣе драгунъ, я убѣдился, что что-то серьезное происходитъ на хуторѣ. Драгуны въ одинъ голосъ заявляли, что въ непроглядной тьмѣ эскадронъ ихъ подвергся нападенію большевиковъ и только имъ троимъ удалось спастить. Отправивъ одного дра-

гуна къ полковнику Римскому, я оставилъ двоихъ у себя въ качествѣ конныхъ развѣдчиковъ и ординарцевъ и немедленно поднялъ своихъ кирасиръ. Тьма была кромѣшная. Усиливъ заставы у обоихъ входовъ въ село съ сѣвера и оставивъ нѣсколько кирасиръ въ резервѣ, я разсыпалъ остальныхъ цѣпью между селомъ и Азовскимъ моремъ, — мѣсто наиболѣе доступное для прохода большевиковъ. Прошло съ полъ часа томительнаго ожиданія. Вдругъ почти одновременно послышался конскій топотъ спереди и сзади. Изъ тыла пріѣхалъ обезпокоенный полковникъ Римскій съ ротмистромъ Бокомъ. Они сообщили, что тревога въ обозѣ была поднята вольноопредѣляющимся Бибиковымъ, прискакавшимъ съ хутора по берегу моря и миновавшимъ такимъ образомъ мои посты. Обозъ былъ немедленно отправленъ подъ командой корнета Гаусмана на югъ. Увидя боевой порядокъ кирасиръ полковникъ Римскій выразилъ мнѣ свое удовлетвореніе въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Съ сѣвера вскорѣ подошли драгуны во главѣ съ ротмистромъ Александровскимъ и другими офицерами. Тревога оказалась преувеличенной. Не досчитывались лишь поручика Озерова I и нѣсколькихъ драгунъ. Дождавшись разсвѣта, мы всѣ выѣхали верхомъ на мѣсто боя. Около злосчастнаго хутора на берегу моря нѣсколько драгунъ укладывали на англійскій катеръ тяжело раненаго поручика Озерова. Драгуны были совершенно мокрые, такъ какъ отступивъ къ морю, они попали подъ обстрѣлъ судовой артиллеріи, спастись отъ которой смогли лишь выйдя въ море. На дворѣ хутора валялись трупы. Драгунъ было, къ счастью, только четверо, красныхъ много больше. Красные, застигнувъ драгунъ ночью

врасплохъ, подверглись, однако, сопротивленію, а также артиллерійскому обстрѣлу нашихъ судовъ и понеся большія потери, скрылись.

Останавливаясь на описаніи этого боя у полковника Главацкаго, позволяю себѣ отмѣтить слѣдующія неточности. Меня самого авторъ называетъ поручикомъ Максимовымъ. Всѣ событія онъ относитъ къ маю, а не къ іюню. О кирасирахъ авторъ говоритъ веьсма глухо, что они находились на полпути (?), выступивъ пѣшкомъ во время боя (?). Далѣе авторъ говоритъ, что по прибытіи ординарца (Бибикова), г л а в н ы я с и л ы вышли изъ Чокрака. Главныхъ силъ вообще не было, если не считать кирасирскаго ядра. Изъ Чокрака вышли тѣ драгуны, которые отошли съ хутора, часть кирасиръ и офицеры во главѣ съ полковникомъ Римскимъ. Хотя кирасирамъ непосредственнаго участія въ бою принять не пришлось, однако, они сыграли нѣкоторую роль въ событіяхъ, о чемъ неоднократно впослѣдствіи вспоминалъ при встрѣчахъ со мною полковникъ Римскій.

На слѣдующій день послѣ боя драгуны были отведены на отдыхъ въ Чокракъ, а мои кирасиры смѣнили ихъ. Въ 12 часовъ дня я прибылъ на хуторъ Чебаненко и явился полковнику Главацкому. Нѣсколько драгунскихъ офицеровъ и конныхъ ординарцевъ драгунъ остались съ нами на хуторѣ. Въ ночь съ 14 на 15 іюня была произведена боевая тревога, описанная полковникомъ Главацкимъ, вызванная подходомъ красныхъ. До боя, однако, не дошло. 16 іюня на хуторъ снова пришли Драгуны, на смѣну кирасирамъ. Отойдя въ Чокракъ, я узналъ, однако, что драгуны немедленно-же выступили на сѣверъ для занятія оставленнаго красными

Геническа. 17-го туда выступилъ и мой полуэскадронъ.

Послѣ утомительнаго похода по Стрѣлкѣ длиною въ 110 верстъ, было чрезвычайно пріятно попасть хотя бы и въ такой захолустный городишко, какъ Геническъ. Весь отрядъ, состоявшій изъ драгунъ, кирасиръ, радіостанціи, двухъ пароходовъ и 3 катеровъ соединился и пробылъ на отдыхѣ нѣсколько дней. За это время мы изловили нѣсколько коммунистовъ, въ томъ числѣ командира краснаго баталіона и мѣстнаго газетнаго сотрудника, писавшаго въ коммунистической газеткѣ до нашего прибытія до послѣдней степени ругательныя статьи по адресу проклятой Антанты и ея бѣлогвардейскихъ наемниковъ. Всѣмъ этимъ господамъ была устроена основательная порка, а затѣмъ часть ихъ была сдана въ штабъ на станцію Ново-Алексѣевку, часть-же выведена въ расходъ по правиламъ гражданской войны. Затѣмъ, послѣ торжественнаго парада, устроеннаго отряду, мы съ драгунами вышли на сѣверо-западъ, на присоединеніе къ нашей бригадѣ, дошедшей уже до Днѣпра. Походъ этотъ при великолѣпной погодѣ и бодромъ настроеніи духа оставилъ у участниковъ его самое лучшее воспоминаніе. Къ тому-же намъ пришлось пройти черезъ необычайно интересное имѣніе Фальцъ-Фейна «Асканія-Нова», хотя и подвергшееся разграбленію большевиками, однако, не потерявшее свой громадный интересъ благодаря своему звѣринцу. 26 іюня я со своимъ полуэскадрономъ распрощался съ милѣйшими Драгунами и на слѣдующій день присоединился къ своему полку въ селеніи Большая Лепетиха на Днѣпрѣ.

Въ послѣдующіе мѣсяцы, описанные полков-

никомъ Главацкимъ, намъ многократно приходилось встрѣчаться съ Лейбъ-Драгунами и, находясь въ составѣ одной и той же бригады, участвовать совмѣстно въ бояхъ. Послѣ занятія Бахмача судьба насъ раздѣлила. Драгуны пошли на Батуринъ, Кирасиры на Нѣжинъ. Въ тяжелыхъ бояхъ провели обѣ группы сентябрь 1919 г. Наиболѣе славнымъ дѣломъ Кирасирскаго полка была конная атака 15 сентября на с. Британы, Черниговской губ. Во время этой исключительной по своей доблести атаки погибъ сраженный пулей въ сердце, командиръ моего эскадрона и мой старый лицейскій товарищъ штабсъ-ротмистръ Деконскій. Смерть его въ совершенно иной обстановкѣ въ другое время и при томъ якобы въ Полтавской губерніи описана полковникомъ Главацкимъ. При чтеніи описанія гибели Деконскаго, очевидцемъ коей мнѣ пришлось быть, у меня осталось впечатлѣніе, что рѣчь идетъ не о немъ, а о комъ-то другомъ.

Въ октябрѣ Кирасирскій дивизіонъ подъ командой полковника барона Таубе былъ направленъ въ Полтавскую губернію для борьбы съ бандой Шубы, осаждавшей Полтаву. Послѣдовала двухмѣсячная стоянка съ ежедневными развѣдками и разъѣздами, а иногда и боями. Дивизіонный адъютантъ нашъ штабсъ-ротмистръ Полянскій, авторъ многочисленныхъ и зачастую очень удачныхъ пѣсенъ и стиховъ, вернувшись однажды изъ штаба Полтавскаго отряда, изобразилъ такъ въ рифмахъ наше пребываніе въ Полтавѣ:

Иду къ Пальшау *) я
Тамъ ждутъ меня друзья

*) Полковникъ Пальшау начальникъ Полтавскаго отряда.

Бискупскій и Кальницкій **),
Противникъ большевицкій,
Глоба и графъ Капнистъ ***),
Въ бояхъ спеціалистъ
Тамъ съ ними забываю
Живительный покой.
Шампанскаго не пьютъ,
Задачи тамъ даютъ
Развѣдкамъ и разъѣздамъ
По нѣсколькимъ уѣздамъ,
И Петръ Великій самъ
Учиться могъ бы тамъ
Какъ надо подъ Полтавой
Давать Полтавскій бой!

Подъ конецъ нашей стоянки въ Полтавѣ, когда уже намѣчался отходъ на югъ, мы узнали о подходѣ Лейбъ-Драгунскаго полуэскадрона, командуемаго поручикомъ Озеровымъ I. Мы встрѣтились съ нимъ въ послѣднихъ числахъ ноября во время небольшого боя съ бандитами у с. Старыя Сенжары. Озеровъ самъ, заболѣвъ тифомъ, сразу же эвакуировался и полуэскадронъ его въ количествѣ около 30 шашекъ, оставшись безъ офицеровъ, былъ присоединенъ распоряженіемъ барона Таубе къ моему № 2 эскадрону Кирасиръ Ея Величества. Лейбъ-Драгуны, во главѣ съ вахмистромъ были въ хорошемъ видѣ и довели количество шашекъ у меня до 120. Я устроилъ ихъ въ отдѣльный взводъ и давалъ имъ самостоятельныя боевыя задачи. Офицеровъ

**) Генералъ Кальницкій — командующій войсками.

***) Бискупскій, Глоба, гр. Капнистъ — офицеры штаба отряда.

у насъ было въ этотъ моментъ крайне недостаточно — по 2 на эскадронъ, считая и командира эскадрона и потому во главѣ офицерскихъ разъѣздовъ посылался очень часто подпрапорщикъ или унтеръ-офицеръ.

27 ноября мы оставили Полтаву и пошли на присоединеніе къ бригадѣ нашей, отступавшей подъ сильнымъ давленіемъ красныхъ вдоль границы Харьковской и Полтавской губерній. На долю нашего конскаго отряда (2 эскадрона Кирасиръ Ея Величества, съ пулеметною командою и ЛейбъДрагунскимъ взводомъ и эскадронъ Украинскихъ гусаръ ротмистра Крыжановскаго) выпала непріятная задача прикрывать отступленіе пѣхоты Полтавскаго отряда съ сѣвера, двигаясь вдоль фронта съ запада на востокъ. Красные просачивались сквозь фронтъ, наша пѣхота была ненадежна. Черезъ нѣсколько дней послѣ оставленія Полтавы мы узнали объ измѣнѣ пѣхотнаго баталіона, перебившаго своихъ офицеровъ въ одномъ изъ селеній Константиноградскаго уѣзда и сдавшагося большевикамъ. Охраненіе намъ приходилось нести на громадномъ пространствѣ Константиноградскаго и сосѣднихъ уѣздовъ. 6 декабря я получилъ приказаніе выставить охраненіе въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нашего расположенія и назначилъ драгунскій взводъ во главѣ съ вахмистромъ. На разсвѣтѣ прискакалъ вахмистръ и два драгуна съ печальной вѣстью. Красные напали на нихъ среди ночи, часть перебили, часть увели съ собой. Второй разъ въ теченіе этого года пришлось мнѣ услышать почти однородный разсказъ. Тѣмъ временемъ отрядъ нашъ получилъ приказаніе продолжать походъ. Съ разрѣшенія полковника барона Таубе я рѣшилъ произвести

усиленную развѣдку всѣмъ эскадрономъ въ районѣ ночного боя. Онъ отстоялъ отъ насъ верстахъ въ 10 и я надѣялся застать большевиковъ врасплохъ и отбить драгунъ. Однако, по приходѣ въ деревню мы никого не нашли. Жители разсказали, что немедленно послѣ нападенія большевики ушли обратно на сѣверъ, подробностей же ночного боя, естественно, никто изъ крестьянъ не зналъ. Мнѣ тѣмъ болѣе было досадно это событіе, что среди драгунъ было нѣсколько весьма достойныхъ, которыхъ я зналъ еще по іюньскому походу по Арабатской Стрѣлкѣ.

Много позже, уже въ 1920 г., я узналъ, что часть этихъ драгунъ, отбиваясь отъ большевиковъ, вышла изъ деревни прямо на югъ и не встрѣтившись съ нашимъ отрядомъ, добралась въ концѣ концовъ благополучно въ Крымъ, гдѣ вошла въ драгунскій эскадронъ полковника Ковалевскаго.

Почти не выходя изъ нарядовъ, двигались мы далѣе на юго-востокъ. 8 декабря мы присоединились къ Сводно-Кирасирскому полку, который потерялъ 9/10 своего состава частью въ бояхъ, частью обмороженными и тифозными, имѣлъ, совмѣстно со 2-мъ Гвардейскимъ Сводно-Кавалерійскимъ полкомъ всего лишь около 60 шашекъ, командовалъ имъ кавалергардъ штабсъ-ротмистръ А. Н. Шебеко. Отъ нѣсколькихъ эскадроновъ почти не оставалось слѣда. Единственный оставшійся Кирасиръ Его Величества былъ въ кавалергардскомъ эскадронѣ. Конно-гренадерскимъ эскадрономъ послѣ выбытія изъ строя его послѣдняго офицера, командовалъ Уланъ Его Величества поручикъ кн. Волконскій. Драгунскаго эскадрона не существовало и своихъ трехъ драгунъ я сдалъ въ конно-грена-

дерскій. Въ первый же день нашего присоединенія къ полку 8-го декабря мы имѣли тяжелый бой на р. Орели и потеряли почти треть нашего состава.

Полки пополнялись, однако, какъ могли наборомъ добровольцевъ, мобилизаціями и присылками пополненій изъ запасныхъ эскадроновъ. Смѣна личнаго состава была громадная — никто не оставался долго въ строю — тифъ или пуля неизбѣжно заставляли эвакуироваться.

Повидимому, и драгунское пополненіе прибыло вскорѣ, ибо нѣсколько дней спустя послѣ боя 8 декабря мой эскадронъ смѣнилъ въ арьергардѣ у станціи Краснопавловки драгунскій эскадронъ штабсъ-ротмистра Де-Витта I, убитаго впослѣдствіи въ 1920 году.

Будучи сведена въ одинъ полкъ, гвардейская кавалерія до конца гражданской войны находилась вмѣстѣ. Въ декабрѣ были присоединены къ полку Лейбъ-Гусары и Уланы Ея Величества, воевавшіе до этого въ Сводно-Горской дивизіи Кавказской арміи, гдѣ они понесли серьезныя потери. Въ январѣ присоединились къ полку и Гродненскіе гусары, переведенные изъ Сводно-Гусарскаго полка.

Совмѣстно продѣлали мы тяжелый походъ на Ростовъ. 2 декабря 1919 г. Ростовъ былъ оставленъ Добровольческой Арміей и занятъ большевиками, при чемъ кавалерія генерала Барбовича оказалась отрѣзанной у с. Мокрый Чалтырь, на правомъ берегу Дона. Переправляться намъ пришлось черезъ Донъ, по которому наканунѣ прошелъ ледоколъ. Отбиваясь отъ насѣдавшаго врага, кавалерія съ трудомъ перешла на лѣвый берегъ, перетащивъ, однако, свою артиллерію, пулеметы и обозы.

Въ Койсугѣ впервые за два мѣсяца мы вздохнули. Вслѣдствіе необычайно густого тумана, покрывшаго Придонской край въ концѣ декабря, военныя дѣйствія прекратились сами собой. Отдохнувшія части были приведены въ порядокъ, пополнены. Необычайная закаленность духа позволила нашимъ сравнительно малочисленнымъ полкамъ вписать въ теченіе послѣдующихъ полутора мѣсяцевъ блестящія страницы въ свои исторіи. Въ теченіе всего января полки не выходили изъ боевъ и неизмѣнно каждый бой кончался разгромомъ большевиковъ. О дальнѣйшемъ отступленіи никто ужъ не говорилъ — всѣ помыслы были идти впередъ.

Наше наступленіе состоялось 7 февраля. Дружными усиліями Добровольческаго корпуса былъ взятъ Ростовъ. Наиболѣе крупную роль во взятіи его довелось сыграть Сводно-Гвардейскому полку. Въ то время какъ Корниловцы вели огневой бой у Темерника, кавалерія была направлена въ обходъ фланга и тыла красныхъ. Гвардейскій полкъ былъ впереди. Пройдя по замерзшему вспаханному полю подъ ураганнымъ огнемъ, гвардейцы дошли до крайнихъ домовъ Темерника и, затѣмъ, круто повернувъ лѣвымъ плечомъ, обрушились на красную пѣхоту. Атака эта рѣшила участь Ростова. Побѣда, однако, далась не легкою цѣной. Гвардейскій полкъ потерялъ ранеными офицеровъ — штабсъ-ротмистра Одинцова (Кирасиръ Ея Величества), штабсъ-ротмистра Онашковича-Яцыну и корнета Максимова (Кирасиръ Его Величества), корнета Турскаго (Улана Ея Величества) и штабсъ-ротмистра Крыжановскаго (Улана Его Величества). За нѣсколько дней до этого были убиты у с. Кулишевки штабсъ-ротмистръ гр. Стенбокъ-Ферморъ (Кон.

Гв.) и поручикъ кн. Волконскій (Уланъ Его Величества).

Въ Ростовѣ полки сильно пополнились, какъ добровольцами, такъ и пополненіями, прибывшими изъ запасныхъ частей.

Большевистская армія, получивъ въ свою очередь крупныя подкрѣпленія и видя невозможность достигнуть результатовъ на участкѣ Добровольческаго корпуса, двинулась черезъ рѣку Манычъ на ст. Тихорѣцкую. Разложеніе Кубанцевъ дало имъ возможность почти безпрепятственнаго продвиженія впередъ и, предрѣшая паденіе Кавказа, вынудила добровольцевъ оставить Ростовъ безъ боя. Наша кавалерія была брошена въ прорывъ возстанавливать положеніе.

17 февраля конная группа генерала Павлова столкнулась съ арміей Буденнаго у ст. Средній Егорлыкъ. Навстрѣчу наступающимъ краснымъ генералъ Павловъ послалъ бригаду генерала Барбовича, имѣвшую въ первой линіи Сводно-Гвардейскій и 3-й Сводно-Кавалерійскій полки. Кавалерійскій бой длился съ 2 часовъ дня до наступленія темноты и, хотя упорство красныхъ было сломлено и поле битвы осталось за нами, гвардейская кавалерія потеряла свыше половины своего состава. Изъ 20 офицеровъ, участвовавшихъ въ этомъ бою, были убиты 10 (ротмистры кн. Святополкъ-Мирскій, Кучинъ I, Хитрово, поручики кн. Черкасскій и Буйновъ, корнеты гр. Гейденъ, Штранге, Пуришкевичъ и кн. Енгалычевъ и прикомандированный поручикъ Воронцовъ) и ранено двое (ротмистры кн. Накашидзе и Полянскій).

Бой этотъ предрѣшилъ участь всего Кавказа, полки наши были уничтожены и остатки арміи бы-

ли вынуждены отходить подъ давленіемъ красныхъ на Новороссійскъ и оттуда въ Крымъ.

Въ Крыму гвардейская кавалерія соединилась со своими обозами и лазаретами. На стражѣ Крыма, на Перекопѣ находился сводный гвардейскій эскадронъ, подъ командой полковника Ковалевскаго, составленный въ значительной части изъ лейбъ-драгунъ. Рокъ тяготѣлъ и надъ нимъ. Въ ночь со 2-ое на 3-ье апрѣля отрядъ этотъ подвергся нападенію красной конницы и почти полностью погибъ. Какъ и въ бою подъ Егорлыцкой, потери въ офицерскомъ составѣ были очень большія: 4 офицера убито — полковникъ маркизъ Делли-Альбицци (Кирасиръ Его Величества), штабсъ-ротмистръ гр. Толстой (лейбъ-драгунъ), поручикъ Костинъ (конно-гренадеръ) и корнетъ Литвиновъ I-й (кирасиръ Ея Величества), 1 раненъ — поручикъ гр. Мусинъ-Пушкинъ и 1 пропалъ безъ вѣсти— корнетъ Пусторослевъ *).

Будучи назначенъ въ апрѣлѣ 1920 г. на должность помощника полкового адъютанта Гвардейскаго Кавалерійскаго полка, я покинулъ строй и до конца гражданской войны находился въ штабѣ и въ командировкахъ. Прибавить что-либо къ матеріаламъ, напечатаннымъ въ драгунскомъ изданіи, я не рѣшаюсь.

Всѣхъ насъ объединяла мысль собиранія и возстановленія распавшихся послѣ революціи полковъ — начало возстановленія Россіи. Рокъ сулилъ иное! Но и въ разсѣяніи нашемъ мы продолжаемъ оста-

---

*) Полковникъ Альбицци похороненъ не въ кол. Берлинъ, какъ указано полковникомъ Главацкимъ на стр. 136, а въ Ѳеодосіи, тамъ же рядомъ погребенъ и корнетъ Литвиновъ.

ваться тою сплоченною любовью и памятью къ родному прошлому силою, разбить которую не смогли и самыя суровыя испытанія. «Лейбъ-Драгуны дома и на войнѣ»; «Памятка Кирасиръ Ея Величества» и др. вышедшіе и подготовляющіеся къ изданію труды — доказательство этого.

Миръ праху и вѣчная память героямъ!

А. Литвиновъ.

Шт.-ротм. Л.-Гв. Кирас. Ея Вел. полка

Г. Елизаветвиль (Бельг. Конго).
Іюнь 1929 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр

Вахмистръ Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго полка Василій Афанасьевичъ Константиновъ. **К. Желтухинъ 3-ій** 5

Драгунъ-охотникъ. **В. К.** 17

«Это было давно, но я помню, когда это было» **В. К.** .. 23

Воспоминанія стараго командира. **Графъ Нирод**ъ 31

Лейбъ-Драгунамъ. **Г. Раухъ** 50

Переброска полка на другой фронтъ **«Опрженжовъ» А. Романович**ъ 63

Неожиданный пріѣздъ въ полкъ Вел. Кн. Николая Николаевича въ 1908 г. **А. Романович**ъ 67

Пристрѣлялись. **А. Романович**ъ 70

Три дня съ 20-й пѣхотной дивизіей **М. Мухля** 72

Въ одинъ изъ дней. **М. Мухля** 87

Еще горушку! **М. Мухля** 90

Ульвовекъ и мой врагъ австріецъ. **Николай Главацкій** 93

Мое раненіе. **Николай Главацкій** 108

Какъ «панъ Загорскій» встрѣтилъ новый строй. **Н. Главацкій** 116

Штабсъ-Ротмистръ Аполлонъ Колокольцовъ — «Адмиралъ. *** 120

Съ Лейбъ-Драгунами въ гражданской войнѣ. **А. Литвиновъ** 126

IMPRIMERIE PASCAL, 13, rue Pascal. — PARIS (5e)

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный магазинъ Е. Сіяльской,

2, RUE PIERRE-LE-GRAND,

PARIS-8e